Сенсационный

ПРОЕКТ ИГОРЯ ОБОЛЕНСКОГО

Нани, Буба, Софико

Мемуары наших грузин

Брегвадзе, Данелия, Кикабидзе, Чиаурели и другие....

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нани. Буба. Софико. Достаточно назвать их просто по имени, и сразу становится ясно, о ком идет речь. Они появились на свет в Тбилиси, но география в данном случае совершенно ни при чем. Творчество — фильмы, песни и спектакли — Брегвадзе, Кикабидзе и Чиаурели, как и любовь, не имеет национальности.

Так и Нани, Буба, Софико — наши грузины. Любимые, близкие и неповторимые. Рассказы о детстве, молодости, семье и, конечно, том, что происходило за кулисами в момент рождения шедевров, которые мы цитируем и напеваем по сей день, вне зависимости от возраста и места жительства.

Имена Нани, Бубы, Софико всегда вызывали большой интерес, в том числе и чисто человеческий. Как живут, о чем переживают, с кем дружат, чему радуются. Только сейчас они, их друзья и близкие с пронзительной откровенностью решили поведать о своей жизни в новой книге проекта Игоря Оболенского.

- Мемуары наших грузин. Нани, Буба, Софико
  -
  - Нани Брегвадзе. Осень королевы
  - Вахтанг Кикабидзе. Монологи Мимино
  - Софико Чиаурели. Дочь своих родителей

Мемуары наших грузин. Нани, Буба, Софико
Сост. Игорь Оболенский

Сегодня нас окружает так много «великих» и «звезд», что эти понятия обесценились.

А между тем понять, кто звезда, очень просто: человек, которого достаточно представить всего двумя словами — именем и фамилией.

Герои этой книги и вовсе исключение.

Достаточно назвать их по имени, и станет ясно, о ком идет речь.

Потому что Нани, Буба и Софико у нас одни.

Были и есть.

Грузия — удивительная страна, своими обычаями, традициями, культурой не похожая ни на одну другую. Здесь нет чужих — каждый либо родственник, либо сосед, либо, на крайний случай, сосед или одноклассник друга. Не случайно, когда говорят о степени родства или близости, определяют просто: «Это наш близкий».

Грузию, наверное, можно сравнить с одной большой семьей. Конечно, времена меняются, такого тесного общения и дружбы, какие были раньше, уже нет. Но переплетения судеб и имен все равно потрясают.

Нани Брегвадзе и Софико Чиаурели всю жизнь были ближайшими подругами. При этом каждая из прекрасных грузинок оказалась связана — дружбой и творчеством — с Вахтангом Кикабидзе. Такой треугольник получается, в котором каждая вершина равнозначна и равновелика.

Имена Нани, Бубы, Софико всегда вызывали большой интерес, в том числе и просто человеческий. Как живут, о чем переживают, с кем дружат, чему радуются.

Мне посчастливилось познакомиться с тремя самыми, на мой взгляд, знаменитыми грузинами нашего времени. И уговорить откровенно рассказать о своей жизни.

Так родилась эта книга — о троих грузинах, троих друзьях, троих Артистах.

Нани, Буба, Софико.

Режиссер Михаил Чиаурели — отец Софико и добрый знакомый Нани и Бубы — в свое время сделал фильм, который

по-грузински назывался «Рац гинахавс, вегар нахав». В переводе на русский название ленты звучало бы так: «Что видел, больше не увидишь».

Точно так же, наверное, можно было назвать и эту книгу. Именно об этом — увиденном и невозвратном, рассказывали мои собеседники…

Нани Брегвадзе. Осень королевы

Сложно сказать, когда я первый раз услышал Нани Брегвадзе. Кажется, ее голос звучал всегда. Вряд ли можно представить себе нашу эстраду и ее Олимп без этой Певицы.

Зато очень хорошо помню, как увидел ее первый раз. Что называется, живьем. Я только приехал в Тбилиси и оказался на проспекте Чавчавадзе, одной из главных улиц грузинской столицы. Шел по каким-то своим делам, когда заметил, что движение на проспекте почти остановилось. Все — и пешеходы, и автомобилисты — смотрели в одну сторону. Повернулся туда и я. И тут же понял причину всеобщего внимания — по проспекту шла Нани. Облаченная в черный брючный костюм, она, как мне показалось, гордо вышагивала по своему городу. А он с благоговением наблюдал за шествием великой певицы.

Я даже поймал себя на мысли, что готов поменять все свои планы на этот день, отложить встречи и направиться вслед за Нани. Просто так, чтобы проводить ее до дома и, может быть, осмелиться высказать чувства признательности и восхищения.

Нани в этот момент переходила дорогу. Пару мгновений она подождала, пока на светофоре появится зеленый свет, и так же неторопливо, с достоинством, пересекла проезжую часть и продолжила путь.

Приблизиться к Нани я тогда так и не решился.

Зато волею судьбы, отчасти рукотворной, через несколько дней оказался в ее доме. Как автор, собирающийся писать о знаменитых грузинских женщинах и избравший одной из своих героинь актрису Софико Чиаурели, лучшую подругу Брегвадзе.

Стояла осень 2008 года, волшебная, какая бывает только в Тбилиси, окна квартиры Нани были открыты. Хозяйка провела экскурсию по своей оказавшейся весьма небольшой квартире, расположенной в пятиэтажном доме в зеленом районе Тбилиси.

А затем мы пили кофе и говорили о Софико. Точнее, говорила Нани — с восхищением, гордостью, любовью и сожалением о том, что ее Софико уже не было с нами.

Как я жалею, что тогда я не захватил с собой диктофон. И главными воспоминаниями о первой встрече с Нани у меня остались лишь эмоции, которые переполняли мою собеседницу. И еще я понял в тот раз, какой грандиозный человек — Нани Брегвадзе. Она категорически отказывалась говорить о себе, пребывая в абсолютной уверенности, что это никому не нужно и не интересно. Но была готова, кажется, не один час вспоминать о людях, встречами с которыми ее одаривала жизнь.

Таких было немало. Да и сама судьба Нани, при жизни признанной великой исполнительницей русских романсов, тоже заслуживала отдельного разговора. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что о Брегвадзе не написано ни одной книги. Да, собственно, и рассказы Нани о себе ограничиваются короткими интервью с то и дело повторяющимися вопросами.

Тогда, осенью 2008-го, я не мог и предположить, что та встреча с Нани перерастет в доброе знакомство и даже сотрудничество — вместе мы сделаем фильм.

Но, наверное, лучше всего обо всем рассказать по порядку.

Конечно же, я не мог удержаться от соблазна предложить Брегвадзе сделать книгу. Коль скоро судьба посылает мне встречу с такими людьми (чья биография — это летопись века), грешно не принимать столь щедрые подарки.

Стоит ли говорить, что первым ответом Нани был отказ. Но после того, как мы познакомились ближе, Нани все-таки согласилась.

«Представляю, какой большой и яркой может получиться книга о Софико, — заметила Нани, — а обо мне разве что тоненькая тетрадочка».

Мы встречались много раз. Иногда я приходил в дом Брегвадзе в Тбилиси и расспрашивал хозяйку о ее детстве, родителях, первых шагах на сцене. Порою мы совершенно случайно оказывались в одном самолете, летящем в Москву или возвращающимся в Тбилиси.

Бывает так, что любые слова твоего собеседника заслуживают того, чтобы быть записанными. Разговор с Нани Брегвадзе — тот самый случай.

Пару лет назад — снова за окном стояла осень был, кажется, сентябрь, я встретил Нани в аэропорту — она возвращалась домой, а я летел в Тбилиси на съемки. Только-только, согласно календарю, у главной грузинской певицы отгремел юбилей. Но никакого широкого празднования 75-го дня рождения, которого можно было бы ожидать, не было. Да и сама юбилярша в ответ на поздравления ответила спокойно:

«Знаете, я никогда не любила дни рождения. Потому что не чувствую возраста. Когда приходят подруги моей дочери, я себя чувствую с ними их ровесницей.

Дома меня называют Нани. Когда дочь Эка была маленькой, то спросила: «Можно тебя назвать мамочкой?» Конечно, сказала я. Но она один раз назвала по-новому, а потом опять стала звать Нани.

Хотелось бы мне быть строгой мамой и бабушкой. Но кто меня слушает? Такой, как моя мама, быть больше не может.

Мама делала все, чтобы я получила удовольствие, правда, это не должно было переходить грани. Она все для меня делала. Стоило мне что-то сказать, и на следующий день это было готово».

Мы вместе вошли в самолет. Излишне говорить, что на Нани смотрели все входящие в салон пассажиры. А она, как тогда на проспекте, не обращала, или делала вид, на всеобщий интерес никакого внимания. Но при этом, конечно, чувствовала внимание — сидела с прямой спиной в кресле первого класса и придумала себе занятие: вскрывала флакон купленных в Duty Free духов и пробовала новый аромат.

Потом она признается, что и властным взглядом, и гордой осанкой обязана своей природной скованности. «Было время, когда даже не смела улыбаться, так стеснялась перед публикой, и до сих пор боюсь поднять глаза, чего-то стесняюсь, нервничаю, постоянно боюсь не оправдать ожидания зрителей».

Наконец, самолет оторвался от взлетной полосы, Нани откинулась в кресле и мы смогли свободно продолжить наш разговор. Когда стюардессы предложили обед, Брегвадзе заметила:

«Знаете, как вкусно готовила моя мама! Только это, казалось, и делала. А меня не учила. Что мне нравилось — так это убирать. Чистота была для меня всем. Даже в гостиницах наводила уют. Иначе не могу…

Годы идут, не молодеем. Но жить без сцены я не пробовала. Думаю, что и не смогла бы без нее существовать.

Хотя, с другой стороны, так хочется иметь загородный дом с бассейном, большими окнами и обязательно — с роялем.

У меня домик есть, но небольшой, там я бываю пару месяцев.

Вообще, конечно, я меняюсь. Вот раньше терпеть не могла кошек. У нас никогда не было животных…

А сейчас появилась мечта: так хочу кошку!»

Но я не стану воспроизводить рассказы Нани короткими сценками. Тем более что за пять лет наших встреч сумел записать ее монологи согласно бегу времени…

— Свое имя я получила благодаря кино. А точнее, героине актрисы Наты Вачнадзе. Она играла в фильме «Золотая долина». По сюжету ее звали Нани. Предложение поработать на той картине получил и мой папа. Он был актером, окончил театральную студию. У него была роль секретаря комсомольской организации. К тому времени он уже был женат, и мама была беременна мною.

В «Золотой долине» снималась и великая Верико Анджапаридзе, которая тоже была беременна. А режиссером был

Николай Шенгелая, муж Наты Вачнадзе. Которая, ну вот так получилось, тоже ждала ребенка.

В один из дней Николай сказал актрисам: «Назовите детей именами героев фильма».

Первой на свет появилась я и стала Нани. Вторым родился ребенок у Наты Вачнадзе и получил имя в честь Георгия, возлюбленного главной героини. А когда пришел черед рожать Верико, то «свободного» имени уже не было, и свою дочь Анджапаридзе назвала Софико.

Мы все очень дружили, когда подросли. А Софико и Георгий и вовсе стали мужем и женой…

Потом папа снимался в главной роли в фильме «Запорожец за Дунаем». Позже, когда писали книгу о грузинском кино, папину игру отметили. Но брали его главным образом из-за красоты. Он был очень фактурным. И еще — кривлякой…

По сравнению с другими наша семья жила хорошо. И во время, и после войны у нас дома всегда было что поесть. Папа работал в Иране и оттуда присылал посылки.

А потом стал инженером по лесному хозяйству. Работал директором лесопильного завода, затем на паркетном заводе.

Немного забегу вперед, но расскажу историю о своей учительнице музыки. Она потрясающе женственной была, очень красивой. Однажды мы с папой пошли к ней. И ему — папе — она очень понравилась. Думаю, что он ей тоже.

Когда мы вернулись домой, папа сказал маме: «Цабуния, если я разойдусь, — то из-за этой женщины». Пошутил так. А я потом пришла на очередной урок и очень наивно рассказала об этом своей учительнице. Что с ней было!

«Что-что, — говорит, — как твой папа сказал?» Потом я почувствовала, что это ей нравится. И когда порой я плохо играла на уроках, то говорила: «А мой папа вам привет передает…»

Я была единственной дочерью. Совсем маленькой жила в доме на Мтацминда среди папиных сестер. Они с ума сходили из-за меня и мамы, на руках нас носили. Это был большой брегвадзевский двор. Не было ни заборов, ни замков. Все дружили. Такой настоящий грузинский дворик. Вот интересно, почему говорят «итальянский»? Мне больше нравится «грузинский». Всё время все были вместе.

Отец папы был богатым человеком, бизнесменом, говоря сегодняшним языком, так что жили хорошо. В их семье было шестеро детей — трое сыновей и три дочери, которые жили все вместе.

Время было, конечно, непростое. Но у нас не было страха. В нашей семье никого не репрессировали. До советизации Грузии дедушка — мамин отец, Александр Микеладзе, — работал директором банка в Кутаиси. Новая власть все у них отняла, они очень бедствовали. А потом его перевели в Тифлис. Вначале тоже директором, но потом спохватились — как это, князь и директор банка? И назначили заместителем. Но это дедушка посчитал за оскорбление и подал в отставку.

Родители не рассказывали мне о том, что происходило за окнами. Но жили они свободно, ничего не боялись. Дедушка, наверное, вовремя ушел на пенсию. Сталина называл «Умный разбойник».

А бабушка, его жена, была кутаисской красавицей. Когда выходила замуж за дедушку, который считался очень завидным женихом, все удивлялись — как она могла за него выйти? Как получилась такая красивая пара?

Семья мамы тоже была большой — шестеро сестер и один брат. Переехав из Кутаиси, они поселились в районе Вера. У маминого отца, единственного сына очень богатых родителей, были свои имения.

Дедушка рос очень способным. Особенно ему давалась математика. А после 10-го класса он поехал в Петербург и поступил на юридический факультет.

Моя тетка, которая была знаменитой певицей и прожила 92 года, рассказывала, что дедушка еще и математический факультет закончил. Как он все успел, не знаю. У него же было 7 детей и 13 внуков.

Все мои тетки хорошо пели. Я хорошо помню, когда все собирались у нас на Мтацминда в большой квартире, какое там было пение! Моя мама старалась, чтобы я все время слышала хорошую музыку. Для нее было очень важно, чтобы все было со вкусом, у нас дома был просто культ вкуса. Особенно, когда дело касалось музыки.

У нас дома потрясающие компании собирались! Такие люди бывали, такие кутежи устраивали! И все время звучала музыка. Тетки — Элена, Гогола и Мариам — пели на три голоса. Приходила актриса Нино Чхеидзе, именно благодаря ей я главным образом впервые услышала русские романсы. Знаменитую «Калитку» поначалу пела так, как она. На радио сохранились какие-то ее записи, можно послушать.

А вот записей тети Кетеван, просто выдающейся певицы, не существует. Ей муж не разрешил.

Иногда думаю, откуда все это пошло? Наверное, гены.

Дедушкина мать была профессиональной певицей. У нее был свой салон.

Мой любимый дедушка, мамин отец, Александр Микеладзе, умер в 82 года, в 1960 году. Я тогда уже была замужем. Помню, как он сидел, читал Канта и что-то отмечал красным карандашом. У него была красивая седая борода, очень ухоженные руки, потрясающая осанка, из дому он всегда выходил с тростью. По воскресеньям на улицу для него выносили стул, он выходил и садился. Вы не представляете, какое ему выказывали уважение. «Бабу *(«дедушка» в переводе с грузинского. —* Прим. И.О *.)* Саша» его называли.

Тетки тоже были очень красивы, это все в Тбилиси знают. Не все успели получить образование. Раньше, совсем давно, женщинам не спешили давать образование. Они выходили замуж и хорошо жили, ухаживали за детьми. Большей частью все ограничивалось домашним обучением.

Моя мама училась в музыкальной школе. Ей хорошо давались и науки, она поступила в университет на геологический факультет. Но после того, как родилась я, оставила все. Ради меня.

Мама была рядом со мной до своего последнего дня. Ее все обожали, она была яркой личностью. Мудрая очень. Ее звали Ольгой. А няня называла ее Цабу. У всех девочек были няни и свое второе имя. Что значит «Цабу» я не знаю. Тетку Кетеван называли Кетушей и Кетуния. Тинатин была почему-то Гогола. Мариам называли Марусиа.

Мои тетки были очень похожи на своих красивых родителей. А я всегда была очень некрасивой. Может, что-то общее только с бабушкой было.

Как-то в Ленинграде я пела «Отраду» и меня сняли на пленку. Тогда мы еще не знали, что это называется клипом. Высоко зачесали волосы, надели элегантное платье с поясом и закрытой шеей, кулон на грудь повесили. Мои тетки, когда увидели запись, начали плакать: «Мы увидели свою мать!»

Тетю Тинатин я обожала — она была очень красивой, с большими глазами. Я любовалась на ее руки, ногти, всегда с маникюром. Ей говорили: «Гогола, кажется, Нани на тебя похожа». А я была… с большом носом, рот какой-то несуразный, челка. Страшная, одним словом! И когда тетке говорили, что я на нее похожа, она отвечала: «И что мне теперь, застрелиться?»

Она шутила, но я так к этому привыкла, что никаких претензий к своей внешности у меня не было. Ни к чему претензий не было. Кроме пения.

Мама всегда пела вместе с сестрами. Одна из них, Кетеван Микеладзе, была профессиональной певицей. Очень популярной в свое время. Ей только исполнилось 18 лет, когда она попала в Москву на Декаду грузинского искусства.

Стоял 1937 год. Пела тетка очень хорошо. Есть люди с хорошими голосами, но это еще не значит, что они умеют петь. А тетка могла. Она выступала в народном ансамбле, которым руководил отец Кахи Кавсадзе — Сандро. После концерта Сталин устроил банкет, на который пригласили всех участников декады. Как любой грузин, он хорошо пел — у него был хороший слух и голос. И он запел народную песню — ту, где мальчик и девочка подыгрывают друг другу. Там есть такие слова, переводятся как «Хоть бы мы с тобой да обнимались, хоть бы мы с тобой да целовались».

И вот поет Сталин эту песню. И кто-то должен на его «Эй ты, гого» (девочка) ответить: «Эй ты, бичо» (парень). Но все словно языки проглотили — какая бы ни была песня, это все-таки Сталин.

И вдруг моя тетка — а она всегда была довольно своевольная, худенькая, хорошенькая — вышла и ответила ему. Наступила гробовая тишина. Все испугались: что будет? А Сталин пришел в восторг, они допели до конца. Кетеван потом дали орден. У меня есть фото, на котором Калинин, который тогда раздавал награды, вручал тетке орден. А после того, как она вернулась в Тбилиси, ей еще дали и квартиру.

Мне вообще в Тбилиси, конечно, везло на встречи. И не только с людьми знаменитыми. Одним из потрясений стало знакомство с судьбой тифлисской красавицы княжны Бабо Дадиани.

Вместе с мужем Александром Масхарашвили в феврале 1921 года она, как и тысячи других грузин, проделала горький путь вынужденных эмигрантов, покидая Родину. Но в эмиграции, пусть и весьма благополучной, Бабо и Александр выдержали всего пару лет. И вернулись в Грузию, которой теперь правили большевики. Муж Бабо рассуждал: «Что со мной могут сделать новые правители, если я буду честно работать?»

Коммунисты смогли — семья Дадиани-Масхарашвили была четыре раза репрессирована, ее главу расстреляли, саму Бабо с детьми несколько раз выселяли из дома, а в конце концов отправили в ссылку в Казахстан.

Не стану пересказывать все перепетии, которые пришлось пережить этой великой женщине. Я о ней написал книгу «Тупик Сталина».

А еще снял документальный фильм, на котором, собственно, и

состоялось мое незабываемое сотрудничество с Брегвадзе.

Когда сценарий фильма был закончен, я долго думал о том, кто прочтет закадровый текст. В его основу легли пронзительные строки из дневника Бабо Дадиани, который она вела на протяжении всей жизни. Последними словами этой великой грузинской женщины, потерявшей мужа, близких, состояние, была просьба ко Всевышнему простить всех тех, кто доставил ей невыносимые страдания.

Фильм я делал на русском языке. Но мне хотелось, чтобы текст читала именно грузинка.

Стояла осень 2009 года. Я находился в Кобулети, приморском городке неподалеку от Батуми. Кто-то из знакомых сказал, что в соседнем прибрежном городке, Гонио, отдыхают Нани Брегвадзе с сестрой.

Сомнения рассеялись: вот кто мог бы прочесть дневники княжны Дадиани! Через общих знакомых я отправил Нани сценарий. И уже на следующий день мы обсуждали, когда будем записывать ее закадровый голос.

Когда я поинтересовался у знакомых, какова должна быть сумма гонорара, мне ответили, что поскольку Нани — народная артистка СССР, то цифра должна быть солидной. Сама же Брегвадзе, когда речь зашла о финансовой стороне дела, возмутилась: «Для меня участвовать в этом проекте — дело чести. Единственное, что вы должны иметь в виду — я дала сценарий своим знакомым. Его страницы и так уже все в слезах, так что вряд ли они могли вам пригодиться. Для работы мне понадобится еще один экземпляр».

Услышать такие слова стало честью для меня. И фактом биографии. Через несколько дней мы оказались в Тбилиси, и за два часа Нани записала весь необходимый текст. С первого раза. И это было блистательно.

Увы, в тот момент у меня не оказалось с собой видеокамеры. Потому что Брегвадзе не читала, она переживала то, о чем шла речь. Кстати, оказалось, что Нани лично знала героиню теперь уже нашего совместного фильма.

Но сам фильм состоялся. Документальная лента «Бабо» участвовала в Международном кинофестивале авторского кино в Батуми, а затем была показана в Москве и Тбилиси.

Успех картины — это заслуга главной героини. И, конечно же, Нани Брегвадзе.

После того, как мы закончили работу в студии, Нани еще долго рассказывала о том времени, о котором шла речь в картине. Как это бывает, незаметно воспоминания перешли на историю семьи самой Брегвадзе. И они тоже достойны того, чтобы их

запечатлеть.

Когда мамины сестры стали выходить замуж, дедушке из зятьев поначалу никто не нравился. Потому что он обращал внимание не только на фамилию (она должна была быть дворянской), но и на имя. «Чтобы единственного сына называть таким именем! — возмущался он по поводу одного из ухажеров своей дочери. — Это не человек!»

Моего отца он принял очень плохо. Три года не разговаривал с мамой — как она могла выйти замуж за человека по фамилии Брегвадзе? Что это за фамилия?! Ведь мамина семья носила княжескую фамилию Микеладзе.

Но что было делать? Смирился. Да и папа был человеком удивительным. Он родом из грузинского горного региона Рача. А мужчины-рачинцы потрясающие, у них такой спокойный характер. У папы он был изумительный. Я не помню, чтобы он повысил голос. Вообще не припоминаю, чтобы мои родители ругались.

Бывало смешно, когда он привозил своих друзей из Кахетии, где в тот период работал. Эти крестьяне совсем не знали русского языка. Когда мама накрывала на стол, папа обращался ко мне по-русски: «Спой, пожалуйста, «Два кольца». И я начинала: «Вам никогда не позабыть меня». И тут гость с ума сходил, потому что ни черта не понимал. А папа гордился — вот как моя дочь может! И потом мы с родителями пели на три голоса. У папы слуха не было, но с маминой помощью развился.

Папа приезжал в Тбилиси и скоро уезжал — по работе. Друзья, которые приходили ко мне, его и не знали. Как-то мы сидели за столом большой компанией, и тут входит папа. И кто-то предложил тост: «Давайте выпьем за гостя!», подумав, что гость пришел. Папа даже вздрогнул!

Сам он никогда не пил. Занимался физкультурой. У него было отличное, крепкое здоровье. Память прекрасная. А еще папа отличался аккуратностью. Открыв шкаф в его комнате, можно было позавидовать — все на своих местах лежало. Когда что-то было нужно, мы спрашивали папу и он отвечал: «Открой шкаф, там на третьей полке четвертая слева лежит».

Он ушел из жизни в 90-летнем возрасте: упал, как бывает в старости. И сломал шейку бедра.

У меня остались воспоминания о потрясающем детстве. Детьми мы все время что-то придумывали, ставили спектакли. Я лазила по горам, была очень связана с природой.

Мое первое воспоминание: мне три года, бабушка поднимает

меня и ставит на подоконник. Затем в памяти уже детский сад, мне шесть лет. Я, как и все Брегвадзе, была большая чистюля — всегда была в хорошеньком белом фартучке. Помню, как меня посадили на стол, я взяла гитару и спела «Калитку».

Да, я тогда уже пела. Мама мною занималась. В два года, оказывается, она спела какую-то песню, и я за ней повторила. Не слова, конечно, но мелодию — точно. «На-на-на-на», — как и мой правнук сегодня.

Мама заметила и развила это. Сначала во мне, а потом и в Эке. Если бы не мама, ничего бы не было. Ну и, конечно, все складывалось благодаря папе, который делал все, чтобы не мешать нам. Он работал по районам. И приезжал к нам в Тбилиси на выходные.

Когда к родителям приходили гости, все знали, что маленькая Нани поет. И я пела «Калитку» и «Вернись». Хотя понятия не имела, о чем эти романсы. Но голос шел. У нас дома непременно пели русские романсы. Это вообще было обязательной традицией и в Тифлисе, и в Кутаиси.

Потом, спустя годы, когда я начинала свою сольную карьеру, времена изменились. И романсы уже считались мелкобуржуазным искусством. Но у меня, видимо, не очень плохо выходило. И начальство закрывало глаза на то, то во время моих концертов звучала «Калитка».

Долгое время на большее я не осмеливалась. А потом, конечно, у меня появилась целая программа романсов. У грузин всегда хорошо получалось петь именно русские романсы. Для меня очень дорог тот факт, что великая поэтесса Белла Ахмадулина посвятила мне «Романс о романсе», который звучит в фильме Эльдара Рязанова «Жестокий романс».

Не довольно ли нам пререкаться,
Не пора ли предаться любви…

Мне с малых лет нравилось хорошо одеваться. Помню, в одной из папиных посылок были лакированные туфли. А к ним — чудесные носки. Было у меня и черное плюшевое платье, расклешенное, с длинными рукавами и гипюровым воротником. И к нему — эти лакированные туфли. И тафтовый бант. Как красиво было! Мама замечательно меня одевала.

А еще папина старшая сестра хорошо шила. У меня знаете сколько платьев было? 12 точно в шкафу висели. И я выбирала — это надену, а это нет. А мама шлепала меня: что значит — надену или не надену!

Другое яркое воспоминание детства: обязательно, как

закон, — воскресный поход в оперу. Каждый раз это был праздник. Меня обязательно наряжали. Хорошо помню свои зимние вязаные брючки. У нас с мамой были шубки из белки и красивые вязаные перчатки. Так врезалось в память: и походы в оперу, и переодевание в нарядное платье.

Вот почему надо детям все хорошее показывать — все запоминается.

А еще помню зиму. У нас в Тбилиси снег лежал. Помню большую елку на Новый год и песни вокруг нее. Мама всегда приглашала к нам Маргошку — дочку соседей-курдов, которые жили в подвале. Сначала мы, дети, пели, а потом мама раздавала нам подарки. Я обожала своих кукол, и мы часто во дворе играли в семью — я была мамой, двоюродный брат — папа, а кукла — нашей дочкой.

Потом мы переехали. Поселились напротив консерватории, на улице Грибоедова. В этом доме прожили очень долго, я в том районе и школу окончила. Квартирка у нас была маленькая-маленькая, всего 14 квадратных метров.

Мы переехали в нее, кажется, потому что нужны были деньги. Когда папа был в Иране, у нас ковер знаете был какой? С потолка до пола и даже на этом не заканчивался. Персидский, потрясающий, бордового цвета. Папа рассказывал, что в Иране перед тем как ковер продать, его стелили на улице и по нему ходили прохожие.

А когда папа вернулся в Грузию, то целый год у него не было работы. А надо же было как-то жить. И тогда родители начали все продавать. Переехали в маленькую квартирку, надеясь потом перебраться в большую квартиру, но так там и остались: у папы уже были не те возможности.

Вообще, мы жили скромно — не наряжались как-то особенно, не покупали лишнего. Но обед у нас всегда был замечательный. Каждый день собирались гости. Такие интересные компании бывали: за стол садились по 10 человек.

Все это было заслугой мамы. Она нарочно приглашала к нам, только бы не отпускать из дома меня, хотела видеть, как я себя веду, что делаю. В этом смысле она была очень строгой.

У нас бывали и мои ровесники, и те, кто старше лет на 10. Могли в два часа ночи прийти, мама сразу накрывала на стол и садилась за пианино. А в доме был общий балкон, и все соседи, конечно же, слышали, что у нас происходит. Но никто слова против не сказал! Наоборот, говорили: «Какое чудное пение! Пойте сколько хотите!»

У мамы был настоящий салон, хотя что это такое, мы тогда и не знали. Потом наши молодые гости выросли и стали

художниками, поэтами, композиторами. И по прошествии времени восклицали: «Нани, оказывается, у тебя был салон!»

Тогда ведь никто не мог предсказать, кто из наших гостей кем станет. А сейчас уже никого и не осталось, кроме Гии Канчели.

А какие были друзья! Молодой Кока Игнатов, блистательный художник, был влюблен в мою ближайшую подругу Нину Месхишвили. Зураб Нижарадзе приходил, портретист, он тоже муж моей подруги.

Как-то подарил мне портрет — я с петухом. Фамилия моего мужа была Мамаладзе, это Петухов в переводе на русский. И Зураб написал на холсте: «Нани с петухом».

Мы шутили, рассказывали что-то. А мама строго следила за тем, как кто себя ведет. Не дай Бог, кто-то не так что-то сделал. Слово не то сказал или не те манеры за столом продемонстрировал. В итоге мама делала так, что этот человек второй раз у нас не появлялся.

Я уже потом ей сказала: «Мама, так жить нельзя». И она стала более терпима. Хотя говорила иногда: «Вот в наше время!» Мне так это странно казалось. А сейчас и я, глядя на ровесников моих внуков, иногда говорю: «Вот в мое время…»

В той 14-метровой квартирке на улице Грибоедова с нами жил и дедушка. Потом он начал «гастролировать» по домам своих детей.

Мне он помогал учиться — делал задания и по математике, и по литературе. А какие он сочинения писал, какие афоризмы использовал! А я стеснялась — знала, что учительница все равно не поверит, что это я так могла написать, и все дедушкины красивости убирала.

Когда возвращалась из школы, он встречал меня, сидя в кресле: «Что мы сегодня получили?» Я, потупив голову, отвечала: «Тройку». Дедушка начинал возмущаться: «Сукины сыны, как они посмели мне тройку поставить?!» Просто с ума сходил.

И отправлялся в школу. А там все ведь знали, какой он умный, образованный — и сами с ума сходили: князь пришел. «Позвольте мне посмотреть, что она написала», — говорил дедушка учителю литературы. И был в шоке, когда читал мои сочинения. Возвращался домой и ругал меня. Ведь у других внуков, за которых он так же делал уроки, дед был отличником. А тут — троечником.

Но я больше внимания уделяла музыке. Нельзя сказать, что была таким уж неспособным ребенком, просто мне было лень заниматься.

Я ходила в грузинскую школу, но учила и русский язык. Дедушка все время говорил по-русски. А еще — на французском и на латинском. Я деда обожала, и все его любили. Очень он остроумный был. Обожал писать шуточные стихотворения.

Мама, да и все мои тетки, тоже была с юмором. Особенно Кетеван — это было нечто! Она умела имитировать голоса. А как она пела! Но была очень несчастна — у нее умерли двое мальчиков, двое сыновей. Умницы были, ушли друг за другом. А потом и муж академик-гинеколог умер. Как она все это пережила?

Ее тоска не чувствовалась со стороны. Какой у нее был чудный характер! Мы все любили к ней ходить. «Ой, вот я сейчас тебе что-то приготовлю», — радовалась она нашему приходу. И бросалась угощать чем-нибудь, шутила. А на стенах висели фото всех ее ушедших. Но она не подавала виду, как ей больно.

Ее дочь уже была замужем, но каждый день приходила к матери. «Нани, ты должна ее ночью увидеть», — говорила мне сестра. На теле тетки синяки были, так она себя по ночам кусала от боли и тоски. А днем была само веселье.

Кетеван жила в доме с большим балконом, на который выходили двери соседей. Когда она выходила на этот балкон, то говорила: «Я иду на проспект Руставели».

Один сосед, молодой интеллигентный парень, постоянно был пьяный. И болел из-за этого. Тетка все время ему говорила, чтобы он бросил пить. «Ничего, тетя Кето, я умру и вас там увижу». А она отвечала: «Этого мне еще не хватало, там на тебя смотреть».

Моя мама тоже была остроумной. У нее были какие-то свои выражения. Во время войны она окончила техникум телефонный, не могла не работать. Мозги у нее были математические. Позже она и моей Эке помогала уроки делать.

Как-то мама подозвала меня: «Мамочка, я очень устала. Вырастила тебя — ты моя дочь, и это мой долг. Вырастила Эку. А кто эти дети?» Она имела в виду своих правнуков Левана и Георгия. Я отвечаю: «Ты что, шутишь? Это же твои правнуки!». «Они мои дальние родственники», — сказала она.

Когда Эка приводила к нам своих детей, мама говорила: «Как я рада, что они пришли. Но еще больше обрадуюсь, когда их уведут». И у нас тоже самое сейчас происходит. Мои правнуки не знают, кто я. Они мои дальние родственники. Теперь я понимаю, что мама имела в виду.

Так получалось, что во время наших бесед с Нани в ее доме не было никого. Может, это было совпадением. А может, моей героине самой хотелось, чтобы никто и ничто не отвлекали от путешествия по прошлому.

Потому мне запомнился день, когда едва мы начали говорить, как в дверь квартиры Брегвадзе кто-то позвонил. Нани сама открыла и через секунду представила мне неожиданного — по крайней мере для меня — гостя. Это был муж ее двоюродной сестры, Гурам Каландадзе. Он на протяжении двух, кажется, часов молча просидел в кресле. А когда монолог Нани, прерываемый моими вопросами, был закончен, батони Гурам попросил разрешения что-то добавить.

— Вы знаете, какая у них была квартира? 14 метров. Но — на улице Грибоедова. А тогда самой модной улицей Тбилиси был проспект Руставели. В самый главный день — 1 сентября, когда все возвращались из отпуска, загоревшие, похорошевшие горожане в белых костюмах расхаживали по проспекту.

А к Нани надо было только подняться по улице — и ты уже был у нее. По 10–14 у них человек собирались. Мама тут же накрывала на стол. И были песни, шутки, смех. Когда ее отец вечером возвращался домой, вся комната была заполнена народом. Он садился у выхода и слушал нас. Мог даже заснуть, так как уставал. Но он ни разу не сказал жене, чтобы она не позволяла нам собираться. Такой это был удивительный человек. Разумеется, у Нани просто не оставалось других вариантов будущей профессии.

Мне никто не говорил, что я должна стать певицей. Даже мама не думала об этом. Я должна была стать пианисткой, закончила консерваторию. И хорошо играла, выступала на концертах. Пока училась, то каждый день садилась за рояль. Но едва мама выходила из дома, например на рынок, я тут же бросала играть. И начинала петь. При этом фантазировала: воображала, что вокруг сидят выдающиеся певцы и музыканты. И я пела для них, у меня был настоящий сольный концерт.

Это была потребность — петь каждый день. Как только слышала, что мама входит в дом, то возвращалась к инструменту и играла классические произведения. А вечером снова пела — уже для наших гостей. С огромным чувством и любовью. Потому что видела, как они меня слушают. Это ведь очень важно — иметь хорошего слушателя.

Мама разрешала мне петь, интуитивно чувствовала, что это — мое. Она была мудрой, тут мне повезло. Если бы она не разрешала, я бы, наверное, бросила. Я была очень послушной. Такой уж у меня характер.

Только под конец жизни он чуть изменился. А так я всю жизнь была ведомой.

То, как сложилась моя жизнь — это еще и судьба. Она ведь существует. И этим надо пользоваться. Дает тебе Бог шанс —

используй его.

Когда я училась в консерватории, то должна была сыграть концерт Скрябина. Но никак не получалось. И вдруг педагог говорит: «А ты спой!» И это оказалось правильным — я спела, а потом смогла и сыграть.

Между прочим, говорили, что я неплохая пианистка. Но Бог направил меня к другому, подтолкнул, чтобы я пела…

А потом меня пригласили в самодеятельный ансамбль при оркестре нашего Политехнического института (ГПИ). Тогда же пригласили Медею Гонглиашвили, замечательную пианистку. Она уже ушла из жизни, но ее и сейчас все вспоминают.

Мы долго проработали с ней, а расстались по объективным причинам — я осталась в Москве, потому что мой внук поступал в аспирантуру, а она должна была вернуться в Грузию.

В 1957 году вместе с оркестром ГПИ я пела в Москве. Мы выступали на сцене Театра Советской Армии. Это произошло вскоре после Международного фестиваля молодежи и студентов. Я выступала, как начинающая. Даже не певица. Меня просто пригласили на это выступление.

Вместе со мной в Москву тогда поехали папа с мамой. А в зале сидел легендарный Леонид Утесов, который послушал мое выступление и потом сказал: «Передайте этой девушке, что если она продолжит петь, то станет большой певицей».

На той сцене меня увидел Котик Певзнер и взял в свой ансамбль «Рэро», самый знаменитый на то время коллектив Грузии. Для меня в этом ничего нового не было. Я же и так все время пела. И каждый раз думала — вот сейчас последний раз выйду на сцену, вернусь в Тбилиси и стану пианисткой.

С «Рэро» мы часто выступали в московском Театре эстрады. Жили в гостинице «Пекин», а там же, на площади, находилось старое здание театра «Современник». После того как у нас заканчивался концерт, а в театре — спектакль, актеры поднимались в номер к Певзнеру. Котик был «виноват» в том, что началась моя дружба с этими замечательными людьми. Я всегда у него сидела — там пианино было. Я пела, они шутили. Какое было потрясающее время!

И так было каждый наш приезд в Москву в течение пяти лет. Я подружилась с Евгением Евстигнеевым, Олегом Ефремовым, Игорем Квашой, Галиной Волчек. И до сих пор с ней общаюсь. Помню, Ефремов делал концерт шестидесятников. Я так восторгалась им! Это был такой аристократ! Правда, увы, пил. Он говорил своим актерам: «Пойте, как Нани!» А они отвечали, что

как Нани не могут. И затягивали «Подмосковные вечера».

Руководитель «Рэро» Котик Певзнер был мне и другом, и братом, и начальником. Всем, кроме чего-то плохого. Я такая была скромная, до 19 лет никуда без мамы не выходила из дома. Даже не знала такого слова — «любовник».

Со мной в «Рэро» выступала очень хорошая и талантливая девушка-композитор. Я думала, что мы дружили. Но она оказалась нехорошим человеком.

«Рэровцы» обожали меня, я была очень чистой. Однажды они сказали: «Ты знаешь, что о тебе Этери говорит? Что ты любовница Котика Певзнера». Я из их слов поняла, что они считают, что я его любимая. И ответила: «Конечно. Я тоже его обожаю». И тут один музыкант мне сказал: «Какая ты дура! А эту Этери я убью!»

Вот такой меня мама вырастила. Сейчас такую наивность можно принять за дурость. Я ребенком долго оставалась. Но мне это жить не мешало.

Я очень медленно развивалась. Не умственно, не дай Бог. А по отношению к жизни. До сих пор удивляюсь — как можно обманывать других, что-то о себе выдумывать? Для меня это дико.

Я всегда была неиспорченным человеком. Такой и осталась. Другое дело, что наивности у меня больше нет. Потому что в моем возрасте наивность — уже синоним глупости. Я, как мне кажется, понимаю людей, могу догадаться, что они на самом деле думают. При этом плохие рядом со мной не задерживаются. Отходят.

А я всегда тянулась к интеллигентным людям. Мы как-то находили друг друга. Я, например, была знакома с великой певицей Клавдией Шульженко, гостила у нее дома. Помню, как-то пришла, когда она собиралась обедать. Накрыла празднично стол — канделябры, красивая посуда. Я спросила: «Вы кого-то ждете?» А она ответила: «Деточка, пока я жива, то сама должна всем этим наслаждаться».

Я, кстати, тоже ем на красивой посуде. У меня нет разделения — на гостевую и каждодневную. Дети должны видеть красоту, привыкать к ней. Даже если вдруг невкусная еда, на такой посуде им все равно будет вкусно.

Какое-то время дружила с невесткой режиссера Григория Александрова. Бывала на даче Любови Орловой во Внуково. Такая там была красота!

С министром культуры СССР Екатериной Фурцевой жизнь только один раз столкнула — когда я с Мюзик-холлом летела в Париж. Она меня очень уважала, я ей очень нравилась. Мне передали ее слова: «Какая чудная певица». А я сама тогда себя певицей не считала.

Запомнилась мне и встреча с Людмилой Зыкиной. Мы гастролировали с «Орэро», я тогда уже работала в этом коллективе. И так получилось, что мы одновременно с Зыкиной оказались в Свердловске, нынешнем Екатеринбурге. Людмила меня спросила: «Что ты завтра делаешь? Отдыхаешь? Приходи на мой концерт и скажи, что там было плохо». Ей были интересны не мои комплименты, а именно критика. «Хорошее о себе я сама знаю, — сказала она. — А плохое, может быть, и не замечу».

Я ничего плохого не увидела, все было блестяще. Но этот урок — относиться к себе критически, не быть влюбленной в себя — запомнила. А потом еще и развила в себе.

Я всегда прислушивалась к людям, которые давали мне советы. Даже в мелочах.

В 1964 году я впервые попала во Францию — благодаря тому, что пела в Госоркестре и в «Рэро». Я тогда была уже популярна в Грузии.

Меня вызвали в Москву на конкурс. Из исполнителей всех жанров со всего СССР выбирали певцов для гастролей в Париже, которые должны были пройти в концертном зале «Олимпия». Кстати, должна была выступать и Людмила Зыкина.

На отборочный тур собралось много эстрадных исполнителей. Была Нина Дорда, ее отличал несколько оперный голос. Юра Гуляев без микрофона пел. Эмиль Кио выступал, а вела программу его жена. Мы потом подружились с ней. Илико Сухишвили и Нина Рамишвили из Греции прилетали. Потрясающее время было.

Отбирать артистов приехал и Бруно Кокатрикс, легендарный директор «Олимпии». Он слышал мое выступление. А мне, в общем, было все равно: полечу в Париж — хорошо, нет — тоже неплохо. Потому что у меня все было здесь, в Тбилиси: друзья, поклонники.

Все, конечно, безумно хотели попасть в Париж — переодевались перед каждой песней! А у меня было одно-единственное платье. Я пела и уходила к себе в гостиницу. Мне было совершенно не важно — понравилась я Госконцерту и Кокатриксу или нет.

Мне было 26 лет, я уже замужем была, у меня Эка росла. Думала: ну не полечу в Париж, домой вернусь, здесь семья, дочь, сестры. Я так хорошо себя чувствовала в Тбилиси!

Замдиректора Госконцерта просто обалдел от этого. Я спела «Калитку», «Московские окна». Наверное, неплохо спела.

После выступления вернулась в гостиницу. И не знала, когда будут следующие репетиции. Стеснялась позвонить и спросить.

Нашли меня, наконец, через Тбилиси. Как меня выругал замдиректора!

«Знаешь, что тебя не отпускают во Францию?» — спросил он меня. «Ой как хорошо, — ответила я. — Значит, я могу вернуться домой!»

Он засмеялся и позвал Бруно: «Приходи, я тебя с такой девчонкой познакомлю, ты упадешь».

В итоге я прошла конкурс. Представьте, первая поездка за границу — и сразу Париж! Платье для гастролей мне помогли достать актеры «Современника». Оно было очень красивое. Облегающее, бирюзового цвета, с декольте. Но когда его увидела моя мама, то тут же все зашила.

Мы приехали за 10 дней до начала выступлений. Кокатрикс всем сшил костюмы — платья, туфли, обеспечил все-все-все. Мне, правда, платье не шили, просто снова сделали декольте. Дали только красивую бижутерию — словно бриллиантовые цветочки.

Кокатрикс потратил очень много денег, и правильно сделал. Аншлаги были бешеные.

Меня Кокатрикс баловал. Покупал духи «Кристиан Диор». Приглашал в ресторан.

Он ведь столько звезд зажег! Потом Кокатрикс нескольких артистов пригласил к себе домой и сам для нас готовил. В фартуке! Это было большое уважение.

Каким он был хорошим и широким человеком! Дружил с Эдит Пиаф. Мы ее, увы, уже не застали — наши гастроли были в 1964 году, а она умерла в 1963-м. Бруно рассказал, как его к ней позвали. Она сидела сгорбленная, страшная и вдруг сказала: «Я хочу выступить в «Олимпии». Он испугался — как она в таком виде будет выходить на сцену. Но отказать ей, конечно же, не смог.

Он дал рекламу — вся Франция была на ее концерте. И когда Пиаф вышла на сцену, зал от страха выдохнул.

«Нани, она начала петь, и красивее ее не существовало. Вдруг она стала снова молодой и прекрасной», — сказал он мне.

Я ее тоже обожаю. Ничего не понимаю, но она задевает меня. Нерв у нее очень музыкальный.

Мне Кокатрикс никаких советов не давал. Просто всегда хвалил. Когда кто-то приходил за кулисы, он первым делом говорил: «Вот эта молоденькая девочка далеко пойдет».

Потом, во второй раз, он взял в Париж уже Котика Певзнера с коллективом. И третий раз забрал Эдиту Пьеху. По-моему, в нее он был влюблен. Она же красивая очень была, и французский хорошо знала.

Я в Париже жила в одном номере с Людой Зыкиной. Потом, в

Союзе, была у нее дома, она любила гостей принимать.

После успешных гастролей в Париже Кокатрикс пригласил нас в поездку по Франции и Бельгии, а потом еще и Канада была.

Он удивлялся моей наивности. Даже смеялся надо мной. Потому что я такие вещи говорила и вела себя так, что нельзя было не рассмеяться. Когда из окна автобуса увидела, что на улице целуются, закричала. И это была искренняя реакция, а не игра.

Помню, в каком-то магазине увидела платье малинового цвета, тогда в моде была рогожа, очень узкое, закрытое, с короткими рукавами, а на груди три атласных полоски и маленькие бантики.

Я купила платье, шарфик малиновый шелковый и сумку. Заплатила за все десять франков. Кокатрикс удивился: «Как ты смогла все это купить?» Думал, что купила что-то очень дорогое. Ему очень понравилось.

Когда нас пригласили в «Лидо», я большие деньги заплатила — 332 франка — за черное обыкновенное платье в дорогом магазине.

На улице был июнь, жарко, а я в колготках ходила, стеснялась голых ног. Этот консерватизм от мамы шел.

Знаете, какая она была? Я помадой не могла пользоваться и макияж наносить. Перед моей поездкой она даже сказала: «В Париже не говори, что ты моя дочь». Мы так смеялись, как будто кто-то там будет спрашивать. Она сама никогда не пользовалась косметикой. Единственное, чем пользовалась — помадой.

Мама внешне была похожа на тайку. Говорила: «Я хотела, если родится дочь, чтобы были чуть раскосые глаза». А я этого стеснялась.

В Париже я пела с оркестром. Выходила на сцену и стеснялась, стояла все выступление у кулис. Потом мне решили дать немного коньяка, но тут же пожалели об этом. Что я творила!

Сказали: нет, пусть лучше все будет, как было. В первый же день на концерт пришел Шарль Азнавур вместе с сестрой. Она меня много хвалила.

В 1964 году я оказалась одной из первых, кто приехал из Грузии в Париж после большевистского переворота. Там было столько эмигрантов-грузин! После концерта они выстраивались в очередь. Приходили с кульками, приносили подарки.

Жила во Франции и тетка моего мужа, Мариам Гогоберидзе. Ее называли мать Тереза, потому что она за всеми ухаживала. Властная была, в 17 лет уехала в Петербург, потом в Париж. Там

и осталась, так и не выйдя замуж.

Я брала разрешение, чтобы встретиться с ней. И мне его дали. Она водила меня по Парижу. Ездили с ней в Левилль, где жили и похоронены многие эмигранты-грузины.

Увидела я однажды и Мери Шарвашидзе — потрясающей красоты женщину, фрейлину императрицы, ставшую моделью Коко Шанель. Она жила в доме для престарелых, правда, таком, что и я бы пожила.

Ну конечно, вокруг было очень много кагэбэшников, которые ходили за нами. Без них мы не могли шагу ступить. Особенно почему-то за мной следили. Хотя вечерами все гуляли, ходили из номера в номер. А я просто спала.

Шок от Парижа был сильным. Даже язык стала понимать. И захотела, чтобы моя Эка его выучила.

А я сама иностранного не знаю. Не было необходимости учить.

Осенью 2013 года на Первом канале снимали телевизионную программу «Пусть говорят», посвященную Нани Брегвадзе. Было очень приятно, что меня пригласили стать одним из ее участников, представив, как «биографа семьи Брегвадзе». На записи я познакомился с близкой подругой своей героини — актрисой Элеонорой Прохницкой, вместе с которой Нани совершала свои первые заграничные турне. Через несколько дней после телевизионного эфира мы снова повстречались с Элеонорой Болеславовной, и она рассказала о своей дружбе с Брегвадзе и той самой поездке во Францию:

— Мы познакомились с Нани перед поездкой в Париж. Никогда не забуду, как она принесла на оформление документов свой паспорт без фотографии. Руководитель нашей делегации даже растерялся и не сразу пришел в себя, чтобы задать вопрос — что случилось с фото? Нани ответила: «Это все Эка». Тут уже наш чиновник рассвирепел: «Какая Эка?!» А Нани опять спокойно ответила: «Моя дочь. Она играла с паспортом и вот, оторвала фото». Конечно же, документ сделали заново и все обошлось. Но не обратить внимания на непосредственную грузинку было невозможно уже тогда.

Или, не забуду, как во время подготовки документов, когда встал вопрос — едет Нани или нет, она с потрясающей чистотой и наивностью ответила: «Ой, как будет хорошо, если я не поеду в Париж какой-то. Лучше поеду обратно в Тбилиси к маме, Эке, Мерабу».

Но в итоге, как известно, наша делегация отправилась в столицу Франции. В министерстве культуры решили отправить в

Париж по представителю от каждой союзной республики. Россию представляла Люся Зыкина, Украину — Юра Гуляев, из Таджикистана какая-то девочка народный танец танцевала. Всех уже и не припомню. И мы с Нани подружились. Так сблизились, что друг без друга никуда не ходили.

Знаете, сколько аншлагов дал наш мюзик-холл? Сто один аншлаг!

Накануне поездки в Париж нас собрала Екатерина Алексеевна Фурцева — министр культуры СССР, и сказала: «Девочки! Ни в коем случае не покупайте ничего в маленьких частных магазинчиках. Там все очень дорого. Если что-то захотите купить, то делайте это только в больших магазинах!»

Но, конечно же, Нани именно в маленьком магазинчике увидела в витрине миниатюрное черное платьице. Я тогда впервые в жизни увидела, как с человеком случился столбняк. Нани замерла и не хотела сдвинуться с места, ее я не могла оттащить. Потом она все-таки позвонила в колокольчик и вошла в этот магазинчик. Выскочила хозяйка, быстро поняла, в чем дело и обрядила Нани в это платье. К счастью, оно оказалось велико.

У нас оставался шанс красиво уйти. Я сказала: «Ну видишь, Нани, значит, не судьба. Пойдем отсюда, пойдем, мы опаздываем. И денег у нас все равно не хватит». Но хозяйка тоже поняла, что теряет клиентов, и закричала куда-то вглубь магазина голосом: «Лаура!» Из дальних дверей выползла эта самая Лаура, на руке у нее был браслетик с мягкой подушечкой, в которую были воткнуты иголки, а во рту были булавки. Она быстро подошла к Нани, поправила платье, все наколола и сделала наряд ей по фигуре.

Я сказала хозяйке (а французским владею прилично, особенно разговорным): «Вы все равно не успеете, сейчас уже шесть часов вечера, а у нас в семь в «Олимпии» начинается спектакль». Ну не говорить же, что у солисток советского мюзик-холла нет денег на платье. Но и она не собиралась сдаваться: «Через 30 минут это платье будет у вас».

Я понимала, что мы не расплатимся никогда в жизни, даже сложив все наши суточные — и мои, и Нани. Платье стоило бешеных денег. Но что вы думаете? Когда мы пришли в «Олимпию», на служебном входе уже сидела хозяйка того магазинчика, прижимая к себе огромную коробку. В которой, конечно же, лежало то самое черное платье.

Такой счастливой я Нани не видела никогда в жизни. И она никогда так хорошо не пела, как в этом платье. Чтобы расплатиться за наряд, мы собрали деньги со всего коллектива. Суточные-то были копеечные — нам выдавали по 25 франков в

день, делали это один раз в 10 дней, мы сразу получали по 250 франков. Бедная Нани потом уже никаких суточных не получала, а еще долго расплачивалась по долгам.

Нани была очень интересной. Когда она подводила глазки, красила губки… Была такой принцессой. А сейчас стала, конечно, настоящей королевой.

Я помню, мы пришли с ней как-то в большой магазин, по-русски разговаривали между собой, и что-то выбирали. Как всегда, над чем-то громко смеялись. В этот момент в магазин вошло еще три наших девочки. Хрупкие, красивые, все как на подбор.

Продавщицы торгового центра не выдержали, подошли и спросили меня на французском:

— Скажите, вы откуда? Из Польши?

Я ответила:

— Нет.

Они продолжали выспрашивать:

— А, тогда из Италии?

Я снова отрицательно качаю головой:

— Нет!

— Так откуда же вы все?

— Из России.

У парижанок вытянулись лица — в России такие женщины?! С такими талиями? А у меня талия была 48 см, специально приходили папарацци ко мне в гостиницу, мерили.

И продавщицы буквально обалдели:

— А в наших газетах пишут, что в России все очень толстые, ходят в таких широких нарядах, в лаптях, обуви на каблуках не существует. А по улицам медведи ходят.

Я не стала спорить:

— Да, медведи ходят, и еще крокодилы ползают.

Вот такое мнение было в те годы о России. И мы его развеяли. Обо мне, например, в «Пари матч» писали и фотографировали, называли русской Бриджит Бардо. Я на нее действительно тогда была похожа. И Нани была хорошенькая— хорошенькая. Милая очень. А потом, в ней столько было душевной доброты, чувства юмора, теплоты, что она никого не оставляла равнодушным.

Ту нашу поездку во Францию я не забуду никогда. Совершенно потрясающий эпизод случился, когда грузинская диаспора закупила всю «Олимпию» ради того, что бы послушать, как Нани будет петь на грузинском языке «Тбилисо». А мы тогда с Нани не расставались ни днем, ни ночью, очень близко подружились. Так вот Нани накануне этого концерта перед земляками-эмигрантами мне говорит: «Элочка, миленькая, сделай

мне длинные-длинные ресницы».

А тогда тушь для ресниц делалась на простом мыле, она была в такой черненькой коробочке, и туда вкладывалась щеточка пластмассовая. Нужно было, извините, плюнуть на эту тушь, а затем щеточкой все размазать и нанести на реснички. А чтобы они стали совсем пышные и длинные, нужно было сначала наносить слой пудры, потом опять слой туши, и так далее.

Сейчас это звучит, возможно, как что-то из разряда фантастики. А тогда я все это проделала, и сделала Нани огромные ресницы. Она вышла, как королева, с роскошными ресницами, в том самом черном платье, встала на абсолютно темной сцене, и запела первую песню «Московских окон негасимый свет».

В какой-то момент ей в лицо ударил яркий луч осветительного «пистолета». Этот яркий свет растопил простое мыло, благодаря которому удалось создать тот самый эффект длинных ресниц. Я стояла за кулисами, смотрю — у Нани потекла черная слеза сначала по одной щеке, потом по другой, а в конце концов у нее нижние ресницы слиплись с верхними, и от этого мыла она и вовсе почти ослепла.

Я вышла, подала ей руку и помогла дойти за кулисы, где она разрыдалась. Мне надо было выходить на сцену, так что успокоить ее мне как следует не удалось.

Одним словом, в тот раз «Тбилисо» она так и не спела. Но грузинская диаспора так хотела услышать эту песню в ее исполнении, что они выкупили зал «Олимпии» еще раз. И вот тогда уже все сложилось.

Во время той поездки мы жили в гостинице в номерах по соседству. У меня был люкс, а Нани жила с Люсей Зыкиной. По вечерам мы покупали длинные французские багеты и уплетали их с кофе и сгущенкой. А однажды решили побаловаться сигаретами. Так-то мы, конечно, не курили, берегли голос. Но один раз ведь не страшно. Сбросились и купили пачку французских сигарет. Только закурили — стук в дверь. Открываем — на пороге стоит Люся Зыкина. Увидев, что мы курим, она тут же развернулась и ушла. Проходит какое-то время — снова стучат в дверь. И вновь это была Зыкина. На сей раз она пришла, укутав лицо полотенцем: «Курите, черт с вами. Так посижу. Без вас скучно».

Нас селили в хороших гостиницах. В номере были все удобства — ванная, душ, биде, шесть полотенец махровых в день, с которыми мы не знали, что делать — три-то еще можно было как-то использовать, а что делать с остальными тремя? Но иногда приходилось ходить в общественный туалет. А надо заметить, что мамочка Нани перед тем, как отправить дочь в Париж, дала ей все

бабушкины старинные украшения — с изумрудами, с гранатами, с сапфирами, с бриллиантиками. У нее все пальчики были унизаны этими семейными сокровищами. И она каждый раз, приходя в общественный туалет, и моя там руки, снимала с себя все эти кольца, раскладывала их на умывальник, а потом поворачивалась и уходила. Хорошо, что горничная знала, что тут живут русские, она всех чуть ли не по именам выучила. Так вот она собирала Нанины колечки, стучалась в 24-й номер и говорила: «Мадмуазель, вы опять оставили в туалете ваши драгоценности».

И так случалось каждый раз — в поезде, в самолете — в любом месте, где Нани мыла руки, она везде оставляла свои драгоценности.

Ее непосредственность проявлялась во всем. Вот она покупает подарки, комментирует: «Это для мужа Мераби, это — маме и папе, это — Эке». Мы приходили из магазинов с большими картонными коробками, перевязывали их, и Нани надписывала, для кого они. А потом обязательно оставляла все это в аэропорту и так безо всего улетала в другой город. Всю дорогу потом она плакала, все это, как правило, конечно, в итоге находилось. Но стоило Нани здоровья, нервов.

Она всегда была такой наивной, рассеянной, словно большой ребенок. И до сих пор она такая. Хотя, глядя на нее, миллионы поклонников думают, что перед ними гордая, холодная, как кавказская вершина, недоступная дама. А наша Нани — большой ребенок! Доверчивая, добрая, верящая всему. Удивительный человечек!

А как она все витрины в близлежащих магазинах своим лбом перепробовала. В Париже же почти прозрачные витрины, так Нани увидит платьишко какое-то или жакетик, разбежится и — буум! Выскакивал испуганный продавец: «Боже мой, с мадмуазель, все в порядке, она не ранена!?» Я отвечала: «Не ранена, не ранена». А сама брала Нани за руку и говорила: «Теперь ты будешь ходить по Парижу, а я буду держать тебя за руку, чтобы ты от меня не убегала».

Во время той поездки мы очень сроднились. Я так к Нани привязалась, да и она ко мне. Мы друг без друга вообще никуда не ходили. Потом уже мы попросили, чтобы нас поселили вместе, когда было турне по всей Франции, Швейцарии и Бельгии — три месяца колесили.

Мы с ней, как сестры, стали во время поездки. Покупали одинаковые сорочки, одинаковые халаты, как близнецы ходили.

Кстати, с тем маленьким черным парижским платьем приключилась еще одна история. Мы уже вернулись на родину и

давали концерты в Одессе. Я тоже участвовала в той программе и, как обычно, слушала Нани из-за кулис. Она блистательно спела и получила от одного из зрителя огромный букет красных роз. В черном платье с букетом цветов она была обворожительна. И понимала это сама. Со сцены она уходила лицом к зрительному залу, желая, чтобы публика как можно дольше видела ее во всем великолепии. И вдруг в одну секунду исчезла! Была Нани — и нет ее! На ум невольно пришли номера великого иллюзиониста Кио.

Потом стало известно, что в театре работал осветителем большой поклонник Нани. И во время выступления любимой певицы мужчина решил послушать ее из осветительного люка, который он приоткрыл прямо на сцене. Отступая лицом к зрителю, Нани не заметила, как наскочила на люк и прямо каблуками туфель попала на лысину горе-поклонника. Тот не растерялся, удержал Нани за ноги и мягко опустил в люк.

Самое удивительное, что и на другой день осветитель снова наблюдал за выступлением Нани. Правда, на сей раз он был в меховой шапке, несмотря на то, что в Одессе стояло довольно жаркое лето. Когда Брегвадзе закончила петь, из люка показалась голова мужчины, который размахивая руками, словно гаишник, приговаривал: «Обходи, обходи!»

Знаете, каким был наш последний гастрольный день? У нас выходило по одному франку в сутки. На эти деньги на улицах Брюсселя можно было купить огромный пакет жареной картошки-фри. Это был и наш обед, и наш ужин. О каких-то покупках и речи не шло. Мы просто ходили в шляпные отделы магазина, примеряли на себя разные модели и, насмеявшись вволю, уходили.

И вот в последний день у нас как раз осталось по франку. Вечером у нас уже был самолет, а днем мы хотели еще раз прогуляться по красивым старинным улочкам бельгийской столицы и, разумеется, пообедать столь полюбившейся картошкой.

Утром проснулись от звука скрипки. Нани удивилась: «Вай ме, откуда скрипка?» Я согласилась: «Потрясающе!» Выглянула в окно, и вижу, как во дворе стоит маленький мальчик, лет восьми, наверное, и играет на скрипке. Я тут же подозвала Нани: «Иди сюда, посмотри скорее». Она подошла, увидела, и тут же сказала: «Неси наши деньги!» Я принесла. И мы бросили этому маленькому музыканту наши последние два франка и остались в итоге голодные. Нани улыбнулась: «Ничего, в нашем самолете нас покормят».

Потом я не раз бывала у нее в гостях в Тбилиси. Познакомилась с ее мамой и папой. Удивительные были люди!

Думаю, только у таких родителей и могла вырасти Нани. Только они могли воспитать такую дочь. И мама, и папа были необыкновенно интеллигентные, необыкновенно добрые, душевные. А как все пели! Приходили еще ее тетушки, все семейство садилось за стол, и раздавалось великое песнопение, от которого у меня наворачивались слезы, я не могла успокоиться, бежали мурашки по спине.

Я очень люблю Тбилиси. Я со всей «Орэро» подружилась. И, конечно, с Бубой Кикабидзе. Нани и Буба ведь всегда были партнерами. Как-то у Бубы был какой-то вечер в Доме актера в Тбилиси. Я тогда как раз была в гостях у Нани, и она меня взяла с собой, так мы и познакомились с Бубой. Он тут же стал меня обнимать за плечи и целовать в щеку — сразу стал родной.

И когда он получил шикарную 3-комнатную квартиру, я была приглашена на новоселье. Помню, Нани спросила: «Буба, ну как тебе твоя квартира?» А окна выходили в зоопарк. И Кикабидзе ответил: «Квартира неплохая, но окна нельзя открыть, потому что слоны под нами».

Они ведь чудесные люди, такие чудаки! Нани с очень большим чувством юмора, очень большим! Мы с ней всегда хохотали вместе.

И всегда звучало великое грузинское песнопение, которого больше нет нигде в мире. Чтобы внук, дедушка, бабушка — все подстраивались под голоса друг друга! С ума от такой красоты можно сойти.

Господь одарил этот народ музыкальностью, щедростью и таким добродушием, гостеприимством. Зайдите в любой дом, вас всегда примут — причем не только накормят, но и споют.

Я очень люблю Грузию. По красоте, а я объездила полмира, считаю, что Грузия — самый красивый уголок на земле…

* * *

Когда я вернулась в Тбилиси, меня пригласили в ансамбль «Орэро», самый популярный в те годы. Мама сказала — надо идти. И тут тоже проявилась ее мудрость.

Уход из «Рэро» был довольно болезненным. Я не смогла даже сказать Певзнеру, что ухожу. Просто старалась в последний период не ездить с ними на гастроли. Я тогда училась в консерватории и причины каждый раз были уважительные.

Но потом я перешла в «Орэро», и Котик воспринял это как предательство, он был обижен. Но я сказала, что хочу выступать

сама. Потом Певзнер понял, что я на самом деле должна была двигаться дальше. Такое мне письмо прислал! И мы с ним до последнего его дня оставались друзьями. Он мне потом две песни написал. Одна лучше другой. И я их пою до сих пор.

Теперь все внимание было направлено на меня. И это было здорово. Начались гастроли по всему Советскому Союзу. Жуткие условия, плохие самолеты, грязные вагоны. Я переживала, но бросить не могла. Потому что понимала: это — мое.

Отношения с «Орэро» начали заканчиваться в 1975 году. Тогда из коллектива ушел руководитель Роберт Бардзимашвили, создав «ВИА 75».

Тогда Буба Кикабидзе стал руководителем «Орэро». Помню, был незабываемый концерт возле собора Метехи. Я пела «Аве Мария» на грузинском, словно паря в воздухе, обратившись лицом к Нарикала. Это было удивительно.

Увы, «Орэро» к тому времени напоминал поезд, который едет по инерции. Да и я отдала уже все, что могла. Просыпалась по ночам и думала, что мне делать? Очень переживала. И Бог послал Медею Гонглиашвили — пять лет каждый день она звонила мне и маме и говорила: «Давай сделаем сольный концерт». Я отказывалась: «Это неприлично — вот так взять и оставить их». Ведь акцент был на меня, зритель уже шел на меня. Но потом сказала мальчикам: «Вы меня извините». И они поняли, что лучше дать мне свободу.

Я проработала в «Орэро» 15 лет. Это был такой грузинский «Битлз». Наш руководитель всегда смотрел вперед. Когда мы вокруг света отправились на теплоходе и о нас фильм сняли — «Орэро» полный вперед!», это ведь был один из первых клипов! Замечательный фильм получился, а я какая там молодая!

В 1980 году я начала сольную карьеру. Хотя уход, конечно, тоже дался очень тяжело.

Удивительно, но даже когда в 1964 году я ехала во Францию, то не думала, что пение — моя будущая профессия. Как-то спокойно на все смотрела.

Восхищалась всеми вокруг себя. Я так выросла. Мама иногда говорила о какой-то певице: «Как эта девочка хорошо поет, я должна позвонить и сказать ей об этом».

Наверное, ей нравилось и то, как я пою. Иногда она говорила о ком-то: «Она поет, как ты». А мне не нравилось. Даже сегодня, когда слушаю свои старые записи, мне становится иногда стыдно. Подмечаю какие-то нюансы и понимаю, что не надо было так делать.

Первое время не осознавала, что пению надо учиться. Просто

чувствовала, что называется, свое горло и делала так, как считала нужным.

Помню, в Баку один певец, хороший баритон, спросил, как я все это делаю. «Понятия не имею», — искренне ответила ему я.

Если надо, могу и оперным голосом спеть. И он у меня не изменился. Тональность я не поменяла.

То, что пение — моя профессия, я поняла, когда мне дали звание заслуженной артистки. Я уже пела в «Орэро». И параллельно выступала с романсами на каких-то концертах с Медеей Гонглиашвили.

Сольные концерты я начала давать только после сорока. До этого боялась. Не верила, что смогу. Сомневалась: ну что я за певица. Да и по сей день перед каждым выступлением думаю — примут меня сегодня или нет. В это, наверное, трудно поверить. Но те, кто меня хорошо знает, подтвердят.

Слава Богу, все концерты проходят блестяще. Честное комсомольское. Провалов не было. И такая аура в зале чувствуется, такая энергетика! Наверное, потому, что я целиком отдаю себя публике.

Я всегда жила на то, что зарабатывала пением. Как солистка «Орэро», получала очень мало. Когда уже давала сольные концерты в зале «Октябрьский» в Ленинграде, на которые приходили по 5 тысяч зрителей, получала 48 рублей за выступление. И это была самая большая ставка.

Мой импресарио, пожилой человек, Владимир Янковский, говорил, что ему стыдно смотреть мне в глаза. Потому что у метро билеты на мой концерт стоили гораздо дороже.

Мне повезло в жизни со всем, кроме денег. Сейчас я должна была быть очень богатой, но этого нет. И не надо. Что Бог дает, за то и спасибо. Потому что ничего не бывает бесплатно — что-то дается, а что-то отнимается.

Я вообще не обращала внимания на деньги. Через три года после начала сольных концертов получила звание Народная артистка СССР. Я не знала, что это такое. (Нани Брегвадзе стала первой среди своих коллег по сцене обладательницей высшего звания — Эдита Пьеха, Иосиф Кобзон, Алла Пугачева получили звание годами позже, — *прим. И.О.*)

Но разница, оказывается, была: теперь меня селили в хорошую гостиницу, в самолете сажали в первый класс.

Но все равно, когда на концерте объявляли: «Поет народная артистка СССР», я стеснялась и боялась — оправдаю ли. Я немножко ненормальная в этом плане, очень обязательный человек. Не могу выйти на сцену просто так.

В архиве Нани Брегвадзе есть маленькая фотография. Снимок как снимок, маленький цветной портрет певицы. Но именно с этим фото связана необычная история. Нани стала лицом парфюма, и фотография служила рекламой.

В семидесятые годы в Советском Союзе появились первые «именные» духи. Они были названы «Нани Брегвадзе». В то время в репертуаре певицы был популярный романс «Левкои», и у духов был именно этот аромат.

Популярность у парфюма была невероятной. Впрочем, стоит ли говорить, что сама Нани не имела с этого ни копейки. Мало того, ее просто поставили перед фактом: выпускают духи, называться будут «Нани Брегвадзе», аромат — левкои. Единственное, о чем спросили — нравится ли ей этот запах, и попросили сняться для рекламы. Ответ подразумевался только положительный, он и прозвучал.

Сегодня о тех духах, наверное, мало кто помнит. У самой Брегвадзе не сохранилось ни одного флакончика. Зато есть то самое фото, благодаря которому я и узнал этот факт биографии своей героини. Ее всегда волновало другое — хорошо она выступила или нет.

Никогда не забуду свой творческий вечер в Центральном доме работников искусств в Москве. Потому что на него пришел великий Иван Козловский.

Он любил Грузию до умопомрачения. Был влюблен в Кетеван Орахелашвили, нашу знаменитую красавицу, жену моего родственника Евгения Микеладзе.

На тот вечер в Москву за мной поехала, кажется, вся Грузия, весь самолет был заполнен моими друзьями.

А я так боялась выступать с Медеей. Но она настояла, чтобы мы во втором отделении показали, что у нас есть программа романсов. И мы выступили.

В конце на сцену вышел Козловский, поцеловал меня и опустился на одно колено. Все это оценили, кроме меня. Я хотела только одного — поднять его с коленей. Мне было неловко.

А потом был банкет, и какой! Из Тбилиси привезли всякие вкусности, мои мама и папа приехали. Тамадой был Мелор Стуруа. Присутствовал Давид Гамрекели, неповторимый певец, которого больше нет и второй такой не скоро появится. Был поэт Анатолий Софронов, главный редактор «Огонька». Знаю, его не все любили. Но для меня он написал «Рябину». (Изначально песня «Ах, эта красная рябина» была написана для спектакля «Ураган», который шел на сцене ленинградского Александринского театра. Спустя годы, когда постановка сошла со сцены, поэту предложили

дать стихам второе рождение, что и сделал композитор Семен Заславский. Впервые песня была исполнена на авторском вечере Софронова в Колонном зале Дома Союзов. Как вспоминала вдова Софронова Эвелина Сергеевна, предложившая сделать исполнительницей песни Нани Брегвадзе, муж потом получал письма от слушательниц: «Как вы смогли угадать мою судьбу?», — *прим. И.О* .)

Какой это был вечер! Как обидно, что тогда не было видео.

А какой мама устроила прием в Тбилиси, когда я получила звание народной СССР. Вся Грузия собралась. Был пик — юмора, песен. Мы даже боялись, как бы чего не случилось. Передать не могу, что это было! И это все моя мама делала!

Она успела увидеть мой успех. Умерла, когда моей внучке Наталье был год. Вот уже 19 лет прошло…

Не могу говорить, это запретная тема. Я год потом не выходила из дому. Не знала, что делать дальше.

Помогла природа, Бог, я не потерялась. И все в свои руки взяла моя Эка. Продолжила мамину деятельность. Она так же за мной ухаживает. Это ведь тоже дар.

Даже не знаю, сколько у меня песен. Иногда они появлялись совершенно случайно. Порой я отправлялась с композитором, который предлагал свою песню, в студию и сразу записывала. Потом слушала и ловила себя на мысли: неужели это я пою?

Так получилось с песней «Снегопад». Честно говоря, записала ее только для того, чтобы автор, композитор Алексей Экимян, от меня отстал. И потом о ней не вспоминала. А зрители стали писать письма и просить исполнить эту песнию на концертах.

Я даже спросила Медею, что это за песня такая, о которой все время записки пишут. «Та, что ты ненавидишь», — ответила она.

И я решила «Снегопад» начать исполнять. И до сих пор пою ее, как первый раз. С новым отношением. Это феноменальная песня.

В программе концертов у меня ее нет. Но я знаю, что на каждом выступлении обязательно спою «Снегопад», «Калитку» и «Тбилисо».

Кстати, многие думают, что «Тбилисо» писали специально для меня. Но это не так.

Был объявлен конкурс песен о Тбилиси, который выиграли композитор Реваз Лагидзе и поэт Петре Грузинский. Я эту песню спела только в 1976 году, через несколько лет после ее премьеры.

Петре удивлялся: «Почему все обалдели от этой песни? У меня что, других нет?» И ведь действительно были, но в первую очередь все говорили про «Тбилисо».

Мы с ним много работали, дружили. Петре был настоящей богемой. Писал стихи, любил женщин и кутежи. Мы говорили: «Что было бы, если бы ты стал царем Грузии?» Он ведь являлся прямым потомком царской фамилии Багратиони.

Его обожали все, он был широким человеком. Много написал прекрасных стихов и переживал, что его считают только песенником.

У него была песня о виноградной лозе. Эту песню он думал отдать мужчине. И не знал кому. А потом кто-то ему сказал: «Чего ты мучаешься, когда Нани есть?» И он отдал эту песню мне.

Это была единственная песня, которую я репетировала. Обычно никогда не репетирую, записываю сразу. Конечно, с каждым концертом я пела песню иначе, лучше понимала ее. Сразу ведь это сделать очень трудно.

Песню о виноградной лозе тоже не сразу поняла. Попросила Резо спеть ее, чтобы почувствовать характер. Потому что сама сразу очень лирично начала петь. И мне не нравилось, и ему, я видела, тоже.

Мы репетировали дома у Лагидзе, и он предложил: «Давай прервемся, выедем на природу». Мы так и сделали. И все получилось.

Но это была единственная песня, над которой я так работала. А так все делалось спонтанно.

В 1956 году вышел фильм «Колдунья», в котором главную роль сыграла Марина Влади. Она сразу стала настоящей звездой.

А у нас был очень хороший поэт Леван Чубабрия, который написал стихотворение «Синеглазая колдунья». Композитор Шота Милорава сказал мне: «Это будет твоя песня. Я посвящу ее Марине, а споешь ты».

Так появилась песня, которая стала очень популярной.

Никогда не забуду, как часа в два ночи у меня вдруг зазвонил телефон. На другом конце трубки был режиссер, который дружил с Влади: «Сейчас с тобой будет говорить Марина Влади». Я возмутилась: «Что за шутки посреди ночи? Как тебе не стыдно!» И вдруг слышу голос Марины: «Нани, ты, оказывается, поешь эту песню? Сейчас за тобой пришлю машину».

В то, что это не розыгрыш, я поверила, только когда увидела Марину. Она была простой-простой, никаких тебе звездных закидонов. Вообще все большие артисты не играют, они в жизни очень простые.

Потом Марина начала приезжать в СССР и стала женой Владимира Высоцкого. Ей нравилась эта песня. Я часто ее пела.

У меня вообще много песен шлягерами стали. Повезло, наверное. Но каждый раз пою их, как впервые. Иначе не могу.

Я до сих пор свои записи не слушаю. Ненавижу себя.

Даже когда мама хотела послушать, я просила — погодите, уеду, тогда слушайте. Теперь понимаю, что интуитивно была права. И если сейчас слушаю — мне не нравится. Потому что сейчас я лучше мыслю, а в тех записях, что называется, головы нет, хотя голос, конечно, хорошо звучит.

А вообще на концерте голос звучит лучше, чем в записи. Люди потом прослушают и могут удивиться: «И чего эта певица всем так нравилась?»

Может, никто не поверит, но я себя и на телеэкране не люблю. Это плохо. Очень. Но ничего не сделаешь. Я себе не нравлюсь.

Когда идет передача обо мне, я не смотрю. Только если близкие скажут, что было хорошо, включу повтор.

Это у меня от мамы. Она мне говорила: «На кого ты похожа?» Для нее главным было, чтобы я выросла порядочным человеком. И я не жалею об этом. Потому и в людях ищу эти качества. Не люблю, когда восторгаются собой или своими детьми.

В Петербурге, помню, после концерта приходили люди восторженные, буквально двери ломали. А я объясняла им, как на самом деле все было плохо. Друзья потом у меня спрашивали: «Ты что, ненормальная?»

Но, может, это и хорошо. Я все время пытаюсь сделать лучше, идти вперед. Мне понравилось, как гениальный Рихтер в дневниках написал об одном пианисте: «Тот вышел с концерта и сказал, как гениально сыграл. После этого он перестал для меня существовать».

И дирижер Юрий Темирканов такой же. Он как-то приезжал в Тбилиси, и мы встречались. Я в него влюблена во всех смыслах.

«Как вы бесподобно дирижировали без палки!» — сказала ему и тут же смутилась: как я обозвала дирижерскую палочку. А он ответил: «Правильно — палка она и есть палка. Главное — пальцы, в них все чувства». И добавил: «Я так стесняюсь, когда меня хвалят. Слушаю свои записи и удивляюсь — что им там так нравится?»…

При этом они так бесподобно сыграли Мусоргского! А ведь это был очень тяжелый композитор, его надо понять! Мы в антракте все в шоке были. И вот этот дирижер стесняется комплиментов!

Я очень дорожила встречами с нашим прекрасным писателем Нодаром Думбадзе. Мы с ним часто виделись. Не могу сказать, что были дружны, но я тянулась к нему. Он тоже часто бывал у

меня дома.

Нодар был очень интересным человеком. Знаете, есть такие писатели, которые хорошо пишут, но в жизни ничего из себя не представляют. А Думбадзе был личностью. Его нельзя было не любить. Он был очень добрый и глубокий человек. Всегда писал только о том, что видел и знал.

Кстати, Эдуард Шеварднадзе его обожал, они с Нодаром из одной деревни.

У Шеварднадзе вообще было очень хорошее отношение к людям искусства. Во время его руководства республикой уровень культуры в Грузии был высочайший.

Недаром во времена СССР Тбилиси был почти культурной столицей. Когда в Советский Союз приезжал западный гастролер, то первым делом его посылали именно в Тбилиси. И по тому, как его принимала наша публика, можно было понять, что будет в Москве. Грузинский зритель — очень требовательный, обмануть его невозможно.

Самая большая оперная певица для меня — Мария Каллас. Я любила и люблю многих, но если говорить об эталоне, то это — Каллас. Все в ней мне нравится. Иногда она красивая, иногда — совсем даже наоборот. Но все равно прекрасна! Из мужчин отмечу, пожалуй, Давида Гамрекели.

Только не подумайте, что они мои кумиры. У меня их нет, потому что уверена: не надо иметь кумиров. Кстати, фанаты — тоже плохо.

Я сама к себе спокойно отношусь. И могу все свои недостатки назвать. Кто-то меня научил: «Не надо самой рассказывать о своих недостатках». А то я ведь так делала — ко мне за кулисы приходили с восторгами, а я принималась объяснять, что во время концерта не получилось. Мол, должна была вот так спеть, а в итоге получилось иначе. И на меня смотрели по меньшей мере с удивлением — кто она такая. А я продолжала: «Что вы, все было не так хорошо, как вам показалось». Потом, конечно, перестала так делать.

При этом критика меня никогда не ругала. Наоборот, судьба в этом отношении очень баловала. Хотя я сама за всю свою жизнь довольна только 5–6 концертами.

Есть такая присказка о том, что «скромность — не порок…». Так вот в отношении Нани ее можно было бы продолжить так: «… а самый яркий штрих характера Брегвадзе».

Иногда нежелание Нани верить в сонм восхищений, то и дело звучащий в ее адрес, вызывает удивление, а порой и возмущение. Ну

честное слово, вот уже столько десятилетий на занимаемый ею трон королевы русского романса никто даже не претендует. А Нани все сомневается, все думает, что поклонники просто не заметили того или иного огреха, допущенного на концерте.

Да что там поклонники, когда сами коллеги, не менее именитые и талантливые, начинают говорить комплименты, Брегвадзе пытается их поправить, а то и вовсе остановить.

Никогда не забуду, как во время празднования своего семидесятого дня рождения Людмила Гурченко решила сказать несколько слов в адрес присутствующей на банкете Нани.

«Как-то меня пригласили в Тбилиси в ансамбль «Рэро», — начала Людмила Марковна. — И вдруг на сцену вышла Нани…»

Брегвадзе, стоя слушавшая монолог Гурченко, не удержалась от предположения: «Увидела меня и тут же разочаровалась. Наверняка».

Гурченко на секунду замолчала, с легкой укоризной взглянула на Нани, а потом продолжила: «Вышла юная красавица…»

На сей раз героиня повествования юбилярши ничего не сказала, лишь недоверчиво заметила: «Ой!»

Но Людмилу Марковну уже нельзя было сбить: «Да! Степенная, спокойная, собранная, мудрая. Я думаю: «Люся, вот какой ты должна быть!» Но прости, я тебя сейчас разочарую. Нани, сейчас ты очень хорошо говоришь на русском языке. Тогда же это звучало иначе (и Гурченко спела так, как когда-то, как ей казалось, пела Нани — с акцентом. — Прим. И.О.). Так не по-русски, не по-харьковски. Я попала в другой ритм, в другую природу. Я умирала от Тбилиси, я умирала от грузин, я умирала от языка, я умирала от музыки, которой не нужен текст. Эти запахи, над Курой эти дома, я думала — как они там стоят и не падают, эти серные бани, в которых тебя трут-трут и все трется. Этот фуникулер, с которого виден весь Тбилиси, этот Чабукиани в «Отелло». И так высоко-высоко, над всем в моей жизни — Нани Брегвадзе!»

Гости, пришедшие чествовать Гурченко, с удовольствием поддержали восторг хозяйки вечера, рассмеялись и зааплодировали. И лишь Нани стояла, прижимала ладони к груди, благодарила юбиляршу. И наверняка опять не верила.

Хотите, расскажу о самых необычных гастролях?

Мы отправились с «Орэро» в Северную Африку. В Марокко нас пригласил к себе домой король Хусейн Второй. Перед выступлением мы с ребятами в щелочку заглянули в зал — там было смешение Европы и Азии: мягкая мебель и восточные шкафчики. Очень красиво! А сегодняший король был тогда еще

принцем, бегал по дворцу, а за ним гонялась прислуга. Смешно было за ним наблюдать.

Мы выступили перед королем, он был в восторге. Много денег дал нашему руководителю — 7000 долларов, которые он должен был нам раздать. Но офицер КГБ, который был с нами, уже стоял начеку и всю сумму, конечно же, забрали в посольство. А нам выдали по 100 долларов. И все равно мы себя почувствовали такими богачами!

А еще король преподнес подарки: всем музыкантам — серебряные кинжалы, а нашему руководителю — золотой. Такие маленькие, загнутые, с инкрустацией.

А мне перед концертом преподнесли какой-то бумажный сверток. И пока на сцене были другие артисты, я, как крыса, пальцем пыталась расковырять сверток и узнать, что же в нем находится. Потом кто-то из королевского окружения это увидел и сказал мне: «Там платье, которое Его Величество преподносит женщинам, которых любит и уважает. В таких весь его гарем ходит».

Я удивилась: а почему, если это платье, оно такое тяжелое. Оказалось, оно расшито: золотыми нитями. Очень красивое платье. Оно у меня и сейчас есть. Настоящий королевский подарок!

Смешные были гастроли в Непале. По-моему, мы были первыми, кого непальцы видели из иностранцев. На концертах до этого никогда не были. Сидели в белых костюмах, с какими-то гирляндами на шеях. И молча ждали, когда мы запоем новую песню. Они не знали, что надо хлопать. Только когда мы им показали со сцены, что надо аплодировать, они стали хлопать.

Мы много гастролировали за границей. Я, пожалуй, и не знала, как на самом деле живет наш народ. Думала, что хорошо.

Проблема была в том, что даже если у людей были деньги, заработанные честным путем, они все равно ничего не могли купить. Что-то достать можно было только у спекулянтов. Я, правда, никогда у них ничего не покупала. Их и не знала. Да и денег никогда столько не было.

А потом, если надо, я могла что-то купить за границей, я же часто ездила. А в Грузии разве что материал покупала и из него шила. Даже туфли! У меня потом все спрашивали: где вы такие туфли купили? Я отвечала — сшила в Тбилиси. У нас раньше не грузины шили, а армяне. Они были очень талантливы в этом, рука у них хорошая.

У меня никогда не было зацикленности на одежде. Хотя я неплохо одевалась.

Я знаете, что в себе выработала? Ходила за границей по магазинам и все покупала глазами. Все витрины были мои, я была удовлетворена. И спокойно жила благодаря этому.

У меня внучка Наталья такая же. Она как-то ходила с моей подругой в Москве по магазинам. И когда ей что-то нравилось, спрашивала: «Я понимаю, что это дорого. Но ты мне купишь?» И если ей отвечали «да», она была счастлива. Большего ей было и не нужно.

И сегодня я не помню, чтобы я звонила домой откуда-то и мне говорили: «Купи это и это». Такого у меня в доме нет. Ни внуки, ни Наталья, ни моя Эка ничего не просят. Я сама знаю, что им купить.

Я себя за границей стала уверенно чувствовать только после того, как разрушился СССР. Хотя когда мы ездили с «Орэро», с нами уже из органов никого не посылали. Так мы хорошо себя зарекомендовали.

Другие же гастролеры возили с собой технику, водку с икрой, чтобы продать за границей и получить хоть какие-то деньги. Суточные же выдавали мизерные, ничего купить было нельзя.

А мы ничего такого не делали. Бог же знает, что правду говорю.

Я чистый человек. Даже сейчас, когда знаю, что бояться нечего, испытываю дискомфорт, когда прохожу контроль. А раньше тем более дрожала.

При том, что никогда бы не позволила себе ради лишней тряпки трястись. И привыкла к этому.

Вообще ко всему надо относиться спокойно и не сходить с ума.

Я знаете, что один раз сделала? Знакомый режиссер в Америке дал мне почитать книгу Солженицына «Бодался теленок с дубом». Тогда этот писатель считался в Советском Союзе запрещенным. А я так увлеклась книгой, что, не успев ее дочитать во время гастролей, положила в чемодан, и так привезла домой. Все обошлось, никто и не заметил.

Человек себе самый лучший судья. Хотя иногда он может быть и необъективен. А кто-то и вовсе влюблен в себя. Для меня это самое страшное.

Я к себе придираюсь, это есть. Но когда концерт закончен и публика довольна, то довольна и я. Просто принимаю это.

Один раз пели с Еленой Образцовой в консерватории в Тбилиси русские романсы. Без всяких придирок могу сказать — было хорошо.

Другой раз такое чувство возникло после концерта в Доме

художника в Москве.

А как-то раз спела просто ужасно. А меня после концерта хвалили, как никогда. Я разозлилась на себя, а меня хвалят. Так обидно, что люди не все понимают.

То, что у меня есть народная популярность, я почувствовала только на старости лет. Я ведь не уходила со сцены, все время выступала. И лет десять тому назад поняла, что меня любят.

В Грузии люди более гордые, не так открыто выявляют свое отношение. В России это больше проявляется. Иногда у меня даже слезы на глазах появляются от такой любви.

Мама мою популярность воспринимала хорошо. Очень гордилась, конечно. До сих пор удивляюсь, как она могла спокойно приходить на мои сольные концерты. Перед первым попросила: «Приготовь мне хорошие места — я и Кето придем».

Она приходила и спокойно сидела. А я у Эки ни на одном концерте не была. Боюсь услышать что-то, что мне не понравится или не то движение увидеть. Слишком нервничаю.

У меня есть одна очень плохая черта — сижу, могу ничего не делать. Но обязательно должна сесть за рояль. Это моя потребность. Не могу без этого.

Но знаете, как трудно так о себе говорить? Получается, что все время себя хвалю! По мне, лучше рассказывать о своих недостатках!

Когда Тенгиз Абуладзе, наш великий кинорежиссер, предложил мне эпизод в своем фильме «Ожерелье для любимой», я была счастлива. Понимала же, какой это художник.

Я играла роль мамаши-фурии, которая третирует своего сына. Такая смешная роль получилась. Я и сегодня, когда вспоминаю о некоторых съемочных днях, не могу удержаться от смеха.

Мне говорили, что у меня есть способности драматической актрисы. Правда, ролей в кино больше никогда не предлагали. А мне было бы, конечно, интересно. Не красоту, которой нет, изображать. А какую-нибудь гротескную роль сыграть.

Пару лет назад исполнила небольшую роль в фильме «Любовь с акцентом» у молодого режиссера Резо Гигинеишвили. Вместе с Бубой Кикабидзе сыграли семейную пару, которая отмечает 50-летний юбилей своей свадьбы. Я потом шутила, что хоть на экране стала, наконец, женой Бубы. Так ведь весь Советский Союз считал, что мы муж и жена.

Кстати, обычно меня озвучивала Софико Чиаурели. Так было

в фильме Абуладзе. И она очень точно меня почувствовала.

Зато потом, когда снимали «Мелодии Верийского квартала», за нее пела я. Мы вместе приходили в студию, Софико стояла рядом и смотрела, как я пою. И потом в кадре делала те же движения.

Я, между прочим, довольна этой работой. Особенно тем, как пою в тот момент, когда героиня Софико входит в камеру. По-моему, все достойно получилось.

Вообще с Софико Чиаурели меня связывала какая-то творческая близость. У нее были, конечно, люди ближе, чем я.

Родители наши не общались. Несмотря на то, что мой папа хорошо знал Верико. Я к ним, бывало, приходила на Пикрис-гору и Верико говорила: «Папа твой хороший человек».

Когда первый раз к ним попала, подумала: «Боже, где я нахожусь?!» Это же было легендарное место — дом Миши и Верико!

Тогда Софико была уже вместе с Георгием. Я с самого детства была влюблена в нее. Она мне была очень интересна — как личность.

Еще в восьмом классе мы наблюдали, как она ходит в кино. Она шла вместе с подругами — и мы все за ней. Она была лидером.

А учились мы в разных школах. Я — в первой, а она — в пятой. Первая женская гимназия была очень популярной, славилась красавицами. Еще в шестой учились красивые девочки, и всегда было между ними какое-то соревнование.

Софико мне нравилась. Да все были в нее влюблены. Черты лица у нее всегда были правильными, а потом она стала совершенной красавицей. Когда вышла замуж за Георгия, мы были счастливы, потому что появилась возможность к ней приблизиться. И мы подружились.

Сама Софико абсолютно не была влюблена в себя. Она была такая простая! Смеялась, когда ее называли звездой. И не хотела, чтобы открывали ее звезду перед театром. Я, кстати, этого тоже стеснялась.

Я была знакома с Нино Рамишвили. Она была такая удивительная! Действительно, последняя из могикан! Меня просто тянуло к ней. Когда мы встречались, она словно становилась моей ровесницей.

Сейчас мне кажется, что я училась у нее чему-то.

Я звонила: «Вы никуда не уходите?» Приходила к ней. Она встречала меня вся в украшениях: «Пойми, я никуда не хожу. Но я

должна быть одета. Для себя». Она многое рассказывала, всегда с огромным юмором.

Ее муж, Илико Сухишвили, был очень колоритный человек, настоящий импресарио. Она репетировала, а он организовывал гастроли.

Нино знала себе цену. Ее так все боялись, одного ее взгляда! А меня она любила и уважала. Когда шла куда-то, звала с собой. И я с удовольствием отправлялась вместе с ней. Я ее называла тетя Нина.

Как-то привела к ней маленькую Наташу, свою внучку, и они играли вместе. Рамишвили вообще как будто сравнивалась по возрасту с теми, кто находился с ней рядом.

Она не была красавицей, но была очень величественна! Для меня это важнее. Она была личностью! И чувствовала, что я ее боготворю.

После Верико Анджапаридзе осталась она, Нино Рамишвили. Но к Верико я не могла близко подойти. Была в ней какая-то сила. Она выходила к нам с Софико, недолго сидела с нами и возвращалась к себе.

Думаю, Верико знала, что она великая. И в то же время могла дома убраться, помыть окна. При этом она была недосягаемой. Но всегда меня хвалила и любила, я это чувствовала.

Вот ее муж, Михаил Чиаурели, был очень остроумным, пел, шутил. Я с ним была ближе, чем с Верико. Он брал меня за руку, уводил в комнату, и мы слушали записи его и других артистов.

А Нино была и мудрая, и остроумная, и какая-то земная. Такая, как была Софико. Она не витала в облаках, хотя могла на всех смотреть свысока. Была одинакова со всеми.

Софико звонила мне чаще, чем я ей. «Нюня, спустись». Мой дом в Тбилиси находится выше ее. И я шла к ней. Она все время что-то строила. Все время была занята. Я была свидетелем их любви с Котэ Махарадзе. Она не многим говорила об этом. А мне доверяла.

Их роман начался, когда и Софико, и Котэ были не свободны. А Тбилиси — город маленький, и конечно, очень быстро об их отношениях стали говорить. Я точно знала, как и что было. Но не смела никому об этом рассказывать. Мало того, когда однажды мой муж произнес за столом: «Говорят, у Софико и Котэ роман», я его тут же одернула: «О чем ты говоришь?! Как это может быть, она же замужем!»

Когда встал вопрос о разводе, мне позвонил муж Софико Георгий Шенгелая — как все-таки оказалась переплетена наша жизнь! — и попросил поговорить с Софико, чтобы она не уходила.

Но я ему прямо сказала: «Как ты себе представляешь мой разговор? Разве возможно переубедить Софико?» Георгий помолчал, а потом согласился: «Да, ты права. Это невозможно». Правда, с тех пор наша с ним дружба сошла на нет.

Софико безумно любила театр, больше, чем кино. Играла в театре имени Руставели, а потом в театре имени Марджанишвили. Очень красивой была — худая, очень пластичная, глаза просто светились.

А какой юмор был! А как рассказывала!

Она не имела права уйти из жизни так рано! Сколько у нее энергии было, она всем раздавала свою любовь! Если кому-то что-то было нужно, она шла куда угодно. Знала, что для нее сделают все.

В отличие от меня очень смелой была. Я стеснительная, она — нет!

Свой дом Софико превратила в гостиную. Все у нее в гостях были — Ростропович, Плисецкая. Чиаурели побывала и депутатом Верховного Совета. Ни черта в этом не понимала. Но была очень решительной!

Эдуард Шеварднадзе не хотел становиться президентом после Звиада Гамсахурдиа. И Софико пошла к нему! Он потом смеялся, вспоминая о том визите — она кулаком стукнула по столу и сказала: «Какое вы имеете право отказываться?!» Шеварднадзе признался: «Я так испугался ее».

Откуда в ней это было? Наверное, от родителей. Она со всеми на равных говорила. Не боялась вообще ничего и никого. Но была очень справедливой. Я так благодарна Богу, что мы оказались так с ней переплетены!

Дома она любила халаты. Когда приходили к ней на день рождения, Софико за минуту становилась красавицей. Она и готовила, и на базар ходила, и шила, и вязала. Все умела делать! И тамадой в последнее время бывала за столом, где сидели 200 человек.

Софико была ближе к отцу. Боготворила его. Это не значит, что не любила мать. Но отец был ближе. А когда Миши не стало, она с матерью нашла много общего. Я даже путала по телефону ее голос с голосом Верико. У нее появились материнские интонации.

Еще у нее была потрясающая черта. Она никогда не ругала Георгия, своего первого мужа. И правильно — не надо давать повода для разговоров. Не надо ничего выносить из семьи. Ведь потом уже не сможешь себя защитить.

Она до конца осталась такой, какой всегда была. С возрастом

лишь мудрее стала. Только не в отношении здоровья. В этом она была себе врагом. Софико не принимала ничьих советов и предложений. Была ужасно упрямой, но мы с ней никогда не ссорились.

Я вообще ни с кем не ссорилась. Никогда, Боже упаси! Даже если не согласна — отхожу. Никого не хочу оскорбить. Конечно, кто-нибудь был обижен на меня, это жизнь. Но если так получалось, я извинялась. Такое было дважды — случайно вышло.

Так относиться к жизни несложно. Наоборот, очень даже хорошо. Я не коплю зла.

Бывало, мне завидовали. Хоть я этого и не чувствовала и не знала, что это такое. Я сама никому не завидую. А когда мне рассказывали о ком-то, кто плохо говорил обо мне, я не слушала. И легко с этим человеком потом встречалась.

Хотя была одна дама. Бедная, она завидовала всем. При том, что сама очень талантливая, музыкальная, композитор. Мы вместе выступали, дружили. И вдруг я узнала, что она обо мне говорила что-то плохое.

Понятно, никто не мыслит одинаково, у всех разные вкусы. Не могут меня все любить, не могу я всем нравиться. Но когда речь касается человеческих качеств! Болтали иногда обо мне такое, о чем я сама не могла даже подумать.

Так вот она начала столько всякого говорить! Я не стала ей отвечать и оправдываться. Плюнула на нее и не обращала внимания.

Когда я получила звание народной артистки СССР, она мне почему-то позвонила. Хотя до этого наговорила гадостей, якобы я со всеми встречаюсь, потому и получила звание, а вовсе не потому что заслужила. Она, видно, сама так действовала. Так ведь бывает — говорят как раз о том, что сами делают.

Я и забыла о ней и вдруг слышу по телефону ее голос: «Хочу к тебе прийти». И вот тут я ей все высказала. «Не дождешься этого! Потому что если ты увидишь у меня даже ребенка, то все равно непременно придумаешь гадость. В моем доме твоей ноги никогда не будет!»

Сказала все, что можно было сказать. Уничтожила ее, просто заставила себя это сделать!

Эка услышала, изумилась: «Нани, что ты говоришь? Это же не ты!» Но я не остановилась: «Ты знаешь, почему мне завидуешь? Потому что я пошла вперед, а ты осталась на месте».

А потом она ушла из жизни. Бог видит, я не вру — мне было жалко ее.

Такой уж я человек. Могу очень долго терпеть. Но когда

дойду до точки кипения — все! Ничего не помогает!

Что бы ни сделал потом тот человек, он для меня пропащий. Так было с моим руководителем, с этой девочкой и с мужем.

Я не ссорюсь, но делаю вывод — и все! На грузинском есть хорошее выражение: «Твоя злость к тебе возвращается».

Меня очень легко обмануть. Я же по себе людей мерю, всем доверяю. Но в работе, конечно, всякое случалось. Ну, например, зовут тебя на концерт, а потом этот человек исчезает. Но если кто-то меня обманывает, то потом этот человек навсегда уходит из моей жизни.

Бывает побуждение что-то сказать в ответ. Но сдерживаюсь и потом очень сама себе за это благодарна.

Вообще у меня хорошая интуиция. Даже очень. В свои годы я хорошо вижу и чувствую человека. Плохих стараюсь к себе не подпускать. По-моему, получается.

А вот в жизни личной гладко складывалось, конечно, не все. Но это тоже вопрос судьбы. Важно иметь хороших друзей. Я не думаю о плохом, стараюсь убедить себя, что все люди вокруг тоже хорошие. И в итоге жизнь каждому воздает. Когда кто-то делает что-то плохое, я удивляюсь — почему человек не боится? Ведь все вернется…

Свое первое звание — заслуженной артистки Грузии — я получила, когда мне было 32 года. Спустя пятнадцать лет стала народной артисткой СССР.

Я понятия не имела о том, что мне собираются присвоить это звание. На тот момент из эстрадных артистов народными СССР были только Клавдия Шульженко и Леонид Утесов.

У нас с Медеей Гонглиашвили был один знакомый иностранец, который жил то в Цюрихе, то в Париже, то в Америке. И вот однажды он предложил мне выступить в посольстве США в Москве. Я уже собиралась вылетать, как мне позвонил один из высокопоставленных друзей и посоветовал не петь у американцев.

Я даже испугалась — что же я такое там натворила. Но он успокоил, мол, ничего плохого не произошло, скорее, наоборот, но деталей пока сообщить не может. Просто посоветовал под каким-нибудь предлогом отменить концерт.

А потом мне позвонили и сказали, что мне присвоили звание народной артистки СССР. Деталей, как все было, я не помню. Но весь Советский Союз прислал мне поздравления: кто-то звонил, кто-то слал телеграммы.

Наверное, это было искренне. А меня беспокоило только одно — оправдаю ли я это звание? Когда перед началом концерта меня

объявляли, я волновалась — теперь же надо петь еще лучше.

Изменения коснулись в основном материальной стороны дела — стала выше ставка за выступления, в гостиницах давали хорошие номера.

Я ведь в каких только гостиницах не жила! Но всегда старалась сделать их уютнее. Если было можно, даже переставляла мебель.

В «люксе» со мной, как правило, селилась и Медея Гонглиашвили. Ей же «люкс» не был положен. А в простом номере она жить отказывалась.

А потом мне надоело зажимать себя.

Она вообще довольно ревниво относилась ко мне. И если после концерта ко мне приходили за кулисы с какими-то добрыми словами, я всегда глазами подавала знак, чтобы комплименты сказали и Медее.

А то ведь в нашей армии маршалом была Медея, а я — солдатом.

Но я, конечно, за многое благодарна Медее. Если бы не она, может, я и не стала бы тем, кем стала. Спасибо ей большое…

Именно она заставила меня выйти на сцену. И играла она так, как никто, потрясающе.

А вы знаете, между прочим, что у нас репетиций, как правило, не было. Она звонила мне, я ей по телефону пела, а она подыгрывала. Потом уже встречались в Москве. Никто не поверит, но это так.

Я всем рассказываю, что когда начала с ней вместе выступать, то забывала слова. И Медея все время подсказывала. И не только она, весь зал.

Помню, должна была петь на стихи Бориса Пастернака «Свеча горела». Вышла на сцену после долгого перерыва. Медея начала играть. А я, как всегда, забыла слова. Подумала, зал, конечно, знает стихи. Подошла к рампе и сказала: «Умоляю вас, подскажите, как начать». И весь зал хором заговорил, я ничего не разобрала. Попросила: «Подождите, дайте кому-то одному сказать. Вот вы скажите, пожалуйста…»

А в другой раз был мой творческий вечер. Все поначалу шло очень хорошо. Но под конец, когда я должна была спеть один романс, самый последний — опять забыла слова. Хожу по сцене, хожу, кривляюсь, а Медея играет. Я подхожу к ней и по-грузински спрашиваю: «Медея, как начинается песня?» И вдруг слышу в ответ: «Какие слова, я мелодию забыла…»

Медея уже ушла… Она раньше вела дневники и обещала их опубликовать. Мама говорила, чтобы я тоже делала записи. А я о таких вещах никогда не думала. Даже сейчас сомневаюсь — а

нужны ли мои воспоминания кому-нибудь? Достойна ли я этой публикации?

Для меня всегда было важнее всего, чтобы то, что я делаю, оценили профессионалы. Такие люди, как Мстислав Ростропович, Владимир Спиваков, Юрий Башмет, Галина Вишневская.

Я с ними несколько раз встречалась. И было чувство, что мы давно знакомы и я для них ближайший человек.

Ростропович — выдающийся музыкант и личность. При этом — простейший человек. Потрясающий юмор, любовь к жизни, глубина понимания музыки. Ничего не боялся. Один только поступок — взять к себе Солженицына! В то время, когда с тем даже поздороваться боялись.

Ростропович любил Родину и потерял ее, а это ведь самое дорогое. Потерять Родину — самое страшное чувство. Такое же ужасное, как потерять своего ребенка.

Для меня шоком, конечно, было 9 апреля 1989 года. В этот день у папы был день рождения. Мы тогда жили на улице Плеханова, к нам пришли гости. А уже 10-го я летела в Америку и мне было страшно за свою страну!

Я это пережила очень тяжело. Все время молилась в течение месяца — 7 раз в день. Как будто приблизилась к Богу. И увидела странный сон. Мне было видение — открылась стена, и вышел Бог с Божьей матерью. Он проходил мимо меня, а я сидела за столом, и первое, что спросила: «Что будет с Грузией?» И Он ответил: «У вас столько грехов, что вы не знаете, сколько вас еще ждет бед».

И я проснулась. Потом было землетрясение в Раче, потом что-то еще… И мне казалось, что это и есть воплощение Его слов. Но оказалось, все было подготовкой к этой войне. Хуже ничего не может быть.

Бывает, что мои сны сбываются. Как будто вижу предупреждение. Не часто, но такое бывает. Например, в юности я летала в облаках и видела звезду. Мама говорила: «Это значит, что ты многого достигнешь».

Много было интересных встреч. Ко мне хорошо относилась Наина Ельцина. И Борис Николаевич тоже. Когда он перестал быть президентом, я несколько раз с ним встречалась.

На один из его юбилеев (среди гостей был Билл Клинтон) из артистов были приглашены Юрий Башмет, Владимир Спиваков, Наталья Гутман и я. Банкет проходил в Георгиевском зале Кремля. Но в тот раз мы с Борисом Николаевичем лично не общалось. Просто знала — мне говорили, — что он ко мне очень хорошо относится.

А с Наиной Иосифовной мы беседовали. Она очень милая,

добрая и общительная. И сам Ельцин такое же впечатление производил. Как только он отошел от своей должности, то сразу стал другим человеком.

Я вообще заметила, что когда правители оставляют свой пост, то даже здоровее смотрятся. Это к слову о том, как важно быть свободным.

Ельцин был, конечно, неординарным человеком. Крепкой натурой. Держал свое слово.

С Наиной у нас были чисто житейские разговоры. Я пела ей, я вообще всегда пою. А она ласкала меня. Спрашивала: «Нани, если я вас на дачу приглашу, вы споете Борису Николаевичу?» Я отвечала: «Конечно».

Когда я с ним встретилась снова, Ельцин пошутил: «Нани, я 25 лет влюблен в тебя!» Я сказала: «Почему только сейчас говорите об этом? Надо было признаваться, когда вы президентом были!» Мы с ним тогда много шутили.

Так получалось, что меня приглашали выступать в Кремле. Ко мне хорошо относилась и жена Горбачева. И мне Раиса Максимовна была симпатична.

Она всегда приглашала меня на 8 Марта. Когда первый раз увидела меня, взяла за руку, обласкала и сказала: «Наничка, мне ничего от вас не надо. Будьте моим гостем». И я правда в тот раз ничего не пела.

Знаете, о ком у меня остались добрые воспоминания? О Брежневе. С Леонидом Ильичом мы встречались в Тбилиси. Он называл меня Нонной. А мою двоюродную сестру Цисану — Аней. Так и сказал: «Вы — Аня, а она — Ноня». Брежнев очень симпатизировал мне. Мы сидели за столом, и он просил: «Ноня, спой мне этот романс».

Я не знала слов и прямо сказала об этом. Мжаванадзе, тогдашний секретарь ЦК компартии Грузии, на нервной почве начал стучать по столу: «Как не знаешь?! Знаешь!»

Хорошо, Цисана подсказала мне слова и мы спели. Брежнев ведь очень любил романсы. Мы много для него тогда спели.

Это было в 70-е годы, когда Брежнев находился еще в хорошей форме. Тогда в Тбилиси собрались все секретари ЦК со всей страны. Леонид Ильич был очень обаятелен. Он и пел, и Есенина читал, и шутил.

Говорят, при нем был застой. А мне кажется, очень даже хорошо было.

Так получилось, что спустя какое-то время после того как я записал рассказ Нани о своих встречах с четой Ельциных, мне довелось познакомиться с Татьяной Юмашевой, дочерью первого

президента России. Татьяна Борисовна приехала в Грузию на свадьбу к друзьям, и мы оказались в одной компании. Во время ни к чему не обязывающей беседы я упомянул о том, что работаю над книгой о Нани Брегвадзе. На лице Юмашевой появилась улыбка: «Как мы любим Нани! Мама ее обожает!»

Стоит ли говорить, что я тут же попросил устроить мне встречу с Наиной Иосифовной. И она случилась — имя Нани стало тем самым ключиком от дома в Барвихе, где живет вдова Ельцина. Едва мы присели на диваны в гостиной и я задал свой первый вопрос о Нани, как лицо хозяйки осветила добрая улыбка. Вот уж воистину речь шла о семейной любимице.

«Мы с Борисом Николаевичем очень любим Нани Брегвадзе. Как-то мы с ним были в гостях, и там же оказалась Нани. Для нас это был такой подарок: она пела, мы с ней говорили.

Мы ее песни дома тоже слушали. Я и сегодня слушаю. Когда у меня не очень хорошее настроение, ставлю романсы в ее исполнении. У меня всегда под рукой диск.

Я голос Нани полюбила давно. Мы тогда жили в Свердловске, и друзья из Москвы прислали ее запись. Телевизора у нас не было, мы его позднее купили. И потому слушали песни Нани на пластинках. Ее голос меня покорил.

А лично ее увидела году, кажется, в 1978-м. Мы отдыхали в Пицунде. Борис Николаевич тогда был первым секретарем Свердловского обкома, и нас пригласили отдохнуть на «цековскую» дачу. Там в то время отдыхал кто-то из Грузии, Эдуард Шеварднадзе с Нанули Рожденовной там был, и они пригласили в Пицунду Нани. На той госдаче мы часто виделись с ней, слушали ее. Но она, наверное, об этом и не помнит. Она была совсем молодой тогда. Но ее голос и сейчас не изменился. Она стала царицей эстрады. И близко к ней нет никого. Не в обиду никому будет сказано.

В ней есть природная мудрость, это чувствуется. О многих что-то пишут и сочиняют, а о ней — ничего. Ни одного пятнышка на ее репутации нет. Это ведь тоже говорит о ее мудрости.

Нам с Борисом Николаевичем, конечно, нравятся романсы в ее исполнении. А еще такая песня была у нее — «Снегопад». Когда она только вышла, ее пели все. Если, например, собирается компания и не споть за столом «Снегопад» — значит, вечер не удался.

Но когда мы с Нани оказались в тот раз за одним столом, мы не посмели вклиниться в ее голос. Просто слушали и наслаждались.

Она ведь и как женщина не может не нравиться. Она Борису Николаевичу нравится, я знаю.

Увидите Нани — поклон наш с Борисом Николаевичем. Он ее очень ценил».

Конечно же, при очередной встрече я передал слова Наины Иосифовны моей героине. Нани была тронута…

В тот раз она решила показать мне свою квартиру, рассказав о некоторых предметах интерьера. Кстати, дома у королевы романса очень уютно. Свидетельствую об этом как очевидец, которому повезло стать гостем Брегвадзе.

А вообще переступить порог звездной квартиры доводится далеко не каждому. Хотя адрес Нани знает, кажется, весь Тбилиси. Да и на домофоне так прямо и написано возле одной из цифр, обозначающей номер квартиры певицы: «Н. БРЕГВАДЗЕ».

Я очень люблю свой дом. Где бы ни находилась, всегда мечтаю о том, как приеду в Тбилиси и сяду в свое любимое старинное кресло. Только маме оно категорически не нравилось. Я пыталась ее разубедить: «Дедико, знаешь, как Маке понравилось?» — «Пока она не передумала, отдай ей!»

Я его в Ленинграде купила. Вообще многое привозила из России — что-то находила в антикварных магазинах, что-то у знакомых. У меня в большой комнате стоит старинный стол, за который можно 60 человек усадить!

Сейчас сложно что-то привезти, дороги-то нет. А так хочется что-то купить из карельской березы.

Я всегда сама занималась дизайном. У меня такая черта еще есть: если я в каком-то доме увидела то, что мне понравилось, хочу то же самое сделать и у себя.

Все время что-то переставляю. Рояль передвигаю, мебель.

Невероятное удовольствие от этого получаю. А раньше обожала убирать квартиру. Это был лучший отдых — во время уборки.

Сейчас у меня начался завершающий этап в жизни. Но этого я тоже не боюсь.

У меня есть вера, и я счастлива. Не боялась смерти никогда — ни в самолете, нигде. Ну не будет меня, и что?

Хотя, конечно, оказаться перед лицом смерти не хочется. Но когда сижу в самолете и все вокруг боятся, я спокойна. И это мое спокойствие передается окружающим.

Когда была маленькой, помню, боялась, что за шкафом кто-то прячется. Ночи боялась. Но это прошло.

Вообще же надо бояться людей. Тех, кто творит что хочет.

Я часто молюсь. И перед сном, и утром. И верю, что в этот день все будет хорошо. Каждый раз прошу здоровья для своих

близких. Я ведь богатый человек — у меня дочь, внучка, два внука, невестка и уже два правнука. Так и говорю: «Господи, сделай так, чтобы мои дети — Эка, Наталия-внучка и Наталия-невестка, Леван, Георгий, Димитрий и Сандро — были здоровы».

Раньше часто в церковь ходила, сейчас реже. Прежде посещала Кашвети, а теперь Сиони.

Крестили меня в селе Манглиси, мне тогда шесть лет было. Крестил сам Католикос-Патриарх Калистрат (Цинцадзе). Просто так совпало, что он оказался в той церкви.

Он меня назвал Ниной. Я помню, как это было. И всегда отмечаю 14 января, день святой Нины, всю свою жизнь.

О личном говорить не хотелось бы. Но раз рассказывать о жизни, то ведь обо всем? Моего мужа называли Мамало — его фамилия Мамаладзе. К нам домой приходило много ребят, и он заглядывал вместе с ними. Потом он мне рассказывал, что все в городе — а тогда Тбилиси был маленьким городом и все друг друга знали — без конца говорили: «Нани, Нани». И он пошел посмотреть на меня.

Но я на него особого впечатления не произвела. «Какая-то обезьянка», — сказал он. А потом, видно, увлекся. Я знала, чем должна угостить гостей — садилась за рояль и пела. У нас же была маленькая комнатка и ничем особым удивить мы не могли. Но после пения гости уже были «моими».

Мераб был очень красив. И очень положителен. Бывают люди, от которых ты не знаешь, чего ждать. А про Мераба все знали, что ничего плохого он никогда не сделает. Хотя он не был, безусловно, таким уж положительным. И его дальнейшая судьба это подтвердила.

Он учился в ГПИ на инженерном факультете. Его отец работал на 31-м авиационном заводе инженером, а мать была химиком. И они настояли на том, чтобы он поступил в политехнический институт.

Хотя сам Мераб всю жизнь мечтал стать врачом. И так любил это дело, что друзья-медики даже пропускали его на операцию. Он прекрасно знал анатомию, разбирался во всех тонкостях и обожал лечить друзей и знакомых. Не дай Бог, я кашлянула. Все! Он тут же принимался за мое лечение.

На родителей он произвел хорошее впечатление. И мама сказала, что лучшего мужа нечего и желать. А мне Мераб не особо нравился. Но он так активно ухаживал! Даже чересчур — всюду встречал меня, и все такое. И я сдалась.

Делал ли он мне предложения? Сколько раз! И в конце концов я согласилась.

Свадьбу, она была очень веселой, играли у него дома — его родители жили в районе Нахаловки, тогда это была окраина Тбилиси. У них был свой дом. Потом мы какое-то время там и жили. Но это было очень неудобно — я ведь училась в консерватории. И мы переехали в дом моих родителей, в центр.

Вскоре после свадьбы я забеременела. Все девять месяцев ходила на занятия с чашечкой, чтобы пить воду. Плохо мне было. Я стала очень чувствительна к запахам. И моя мама сделала так, что на протяжении всех девяти месяцев все крутилось вокруг меня. А я только воду пила. С тех пор, между прочим, не могу много пить.

В день, когда мне предстояло рожать, у нас были гости. Я, как всегда, сидела за роялем. И когда чувствовала схватки, терпела. Я же должна была доиграть и допеть!

А в полночь меня отвезли в роддом, где работал мой дядя и его дочь, моя двоюродная сестра Ирина Гигинеишвили.

Я помню, что мне очень хотелось родить. Мы ходили по коридору и ждали, когда нас позовут в родильную комнату. Все это время очень ждала, когда же моя девочка — а в том, что будет дочь, я не сомневалась — появится на свет. И очень сердилась на рожениц, которые стонали и кричали.

После рождения Эки год просидела дома. А потом поехала на гастроли. Но так скучала по ней, что на одном из концертов в Риге упала в обморок. И Котик Певзнер меня отпустил домой.

Эка находилась вместе с моей мамой и ее сестрами в деревенском доме. Когда я приехала, помню, мама дала дочке куклу и сказала мне: «Смотри, как она ей сейчас споет колыбельную». И правда, Эка спела потрясающе, особенно для ее года и трех месяцев. Она уже тогда была очень музыкальная.

А отношения с мужем у нас не заладились. Во-первых, я часто была в отъезде, а это уже не семья. Потом зарабатывала больше его. Чтобы ему не сделать больно, всегда говорила, что мне ничего не надо. Он, допустим, спрашивает, что мне купить в подарок. При этом ясно, что денег у него нет. И я всегда отвечала, что мне ничего не нужно.

А еще он очень ревновал. Это я потом поняла. Хотя к мальчикам из «Рэро» у него не было никаких претензий. Он несколько раз ездил с нами на гастроли и видел, что у нас все чисто и опасаться нечего.

Но характер у него был непростой. И с каждым годом это проявлялось все острее и острее. Он постоянно был чем-то недоволен, переживал из-за того, что не может один обеспечить семью. Я предлагала ему поступить в медицинский. «Ты что, мне уже 24 года, я старик», — отвечал он.

Проходило время, я видела, что он не удовлетворен жизнью, и я снова заводила речь о медицинском. «Ты что, мне 27, какой может быть институт?»

Несколько раз мы пытались с ним расстаться. Но потом снова сходились. Только году в 1973-м я уже не выдержала и мы, как мне казалось, окончательно разошлись.

Где-то через год его арестовали — как оказалось, он подписывал какие-то «липовые» накладные. И его посадили на 4 года. Сидел он в Эстонии. Когда я была там на гастролях, то решила навестить его. Напоминала себе жену декабриста. Ночью вызвала такси и попросила отвезти в тюрьму. Как мне его там стало жалко!

Об этом, наверное, не надо говорить, но я помогла ему выйти на свободу. Когда вернулась в Грузию, то попросила о встрече Шеварднадзе, он тогда был министром внутренних дел. Два часа он меня слушал, не перебивая. А я говорила о том, какой Мераб чистый и что если ему суждено быть в тюрьме, то пусть это будет на его родной земле.

При мне Шеварднадзе взял трубку и сказал, чтобы Мамаладзе немедленно перевели в тюрьму города Рустави. И так оно и случилось. В тот же день его посадили в поезд и отправили в Грузию. Правда, этот поезд шел целый месяц.

А потом Мераба выпустили. Он вернулся другим человеком. В тюрьме он много читал, там была большая библиотека, не пил, не курил, занимался йогой. И вышел, словно из Оксфордского университета.

И я снова увлеклась им. А уж как была счастлива Эка! Она обожала отца. По ночам подходила к его кровати и поправляла одеяло.

Я решила во что бы то ни стало сохранить семью. Хотя Мераб снова стал показывать свой характер, недовольство, обвинял меня в том, что его жизнь не удалась. Но я сказала себе: «Значит, такова моя судьба. Буду терпеть. Ради дочери». И родители, которые все это видели, ни слова мне не говорили. И тоже, как могли, пытались поддержать Мераба.

Мама даже говорила, что все красивые аристократические манеры Эка унаследовала от отца. Родители все видели, все понимали. Но не вмешивались в наши отношения. Все должна была решить я сама. И я пыталась наладить отношения. Мне жалко было Мераба. У него умер отец, остались мать с братом. Как бы он справился?

Я даже прекратила выступать с концертами, хотя в 1974 году мне присвоили звание народной артистки Грузии. Стала снова серьезно заниматься музыкой как пианистка. Думала, что

прекращение гастролей спасет нашу семью. Была готова на все.

Однажды к нам пришли ребята из «Орэро» и попросили съездить с ними в Москву, где был намечен концерт в гостинице «Советская». Мераб поддержал их, и мы поехали все вместе.

После того концерта ко мне за кулисы пришла Тамара Церетели, знаменитая исполнительница романсов, и подарила ноты «Вернись ко мне», на которых подписала: «Королеве романса». Когда мы приехали домой, Мераб сказал: «Ты должна петь». Он ведь был очень умный человек, понимал, как я пою и как для меня это важно.

А потом у него появилась женщина и он завел новую семью. Я очень благодарна ей — она освободила в первую очередь Мераба. У них родились дети.

А я, наверное, на самом деле подавляла его. Фамилия Брегвадзе заслоняла собой его фамилию.

Я потом долгое время не могла даже голос его слышать. Я такой человек — могу долго терпеть, но потом, как наполнится чаша — то все. И у нас с ним противоречия копились, копились, и все закончилось разрывом. Хотя я иногда шучу, что мне от него досталось хорошее наследство. Он же меня приучил к йоге.

Снова ко мне он стал приходить после смерти мамы, в 1993 году. А потом его тоже не стало.

Мама, конечно же, хотела, чтобы я вышла замуж снова. Но они с папой это видели так — они сидят за столом, а к нам приходят мужчины и просят моей руки. На это я им сказала, что так больше не бывает.

И в конце концов, мама приняла новую жизнь. Правда, говорила, что я ее испортила, так как показала ей, что времена за окном на самом деле изменились…

Когда в феврале 2011 года я оказался в гостях у экс-президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе, то, конечно, пересказал ему, как по-доброму о его поступке отзывается Нани.

Эдуард Амвросиевич ответил, что тоже помнит ту историю. Но предпочитает говорить не о ней, а поделиться своими впечатлениями о Нани. Если, конечно, мне интересно его мнение.

Шеварднадзе предложил мне присесть. И заговорил:

— С Нани у нас были особые отношения. Я уважаю ее как женщину, как достойного представителя интеллигенции. Она — настоящая интеллигентная женщина. У нее дочь Эка прекрасная девчонка, женщина уже. Нани воспитывала ее как певица, без всяких школ. И поет она не хуже, чем мама.

Все ее песни очень любил — и грузинские, и романсы. Она одна из лучших исполнительниц русских романсов. Почти все

грузинские женщины прекрасно исполняют русские романсы. Это особое произведение, проявление музыкальности, искусства. Была такая певица Тамара Церетели. Она была самым лучшей исполнительницей русских романсов. Михаил Суслов (секретарь ЦК КПСС по идеологии. — *Прим. И.О* .) спросил у меня как-то: «Помнишь Тамару Церетели?» — «Не очень». — «А я очень хорошо помню».

Вообще в Москве очень ценили нашу культуру. Когда назначали Геннадия Колбина вторым секретарем ЦК Грузии, его вызвали в ЦК КПСС на собеседование с Сусловым. Колбин признался: «Я прекрасно могу справиться с металлургией, с машиностроением, со всем другим. Но в грузинском искусстве не разбираюсь». На что Суслов ответил: «А это самое главное!»

Нани любил Леонид Брежнев. Помню, как он приезжал в Грузию. Тогда Василий Мжаванадзе был первым секретарем, у нас с ним были хорошие отношенние. В ресторане на фуникулере устроили застолье. И около Брежнева сидела Нани. Он называл ее: «Нони, Нони». Несколько раз пытался поцеловать, а она не разрешала.

Мне рассказывали, что в 2003 году Нани поддержала оппозиционных Шеварднадзе политиков. В тот же период в государственной канцелярии состоялась встреча президента с интеллигенцией. Когда приглашенные появились в зале, президент подошел к Нани Брегвадзе, обнял и поцеловал ее. Журналисты, конечно, не упустили возможности задать вопрос президенту — Нани поддерживает его противников, а тут такая теплая встреча. В ответ Шеварднадзе посмотрел на них и произнес: «Нани есть Нани».

Я всегда была маминой дочкой. Даже когда у меня уже был внук, она все равно продолжала распоряжаться мною. Всегда спрашивала, куда я иду, и требовала, чтобы я к определенному времени вернулась.

Она и с Экой так пыталась поступать. Но тут уже я воспротивилась и защитила ее. Она была моей дочерью. Но мама не сильно из-за этого расстраивалась. У нее же была я…

Замуж я больше так и не вышла. И, наверное, это к лучшему. Потому что если бы встретила сильного мужчину, который потребовал, чтобы я ушла со сцены и сидела дома, я бы подчинилась…

О других своих романах говорить не хочу. Это личная и закрытая тема. Моя жизнь. И моя позиция. Меня даже Грузия щадила и не обсуждала это… Меня вообще щадили.

Я не люблю выпячивать себя. Люблю, чтобы меня не трогали.

Но не получается.

Сейчас, когда мною никто не может руководить, хочу немножко отдохнуть. За границей все выдающиеся певцы вовремя уходят со сцены. А я не могу, потому что должна зарабатывать. Если бы у меня были возможности, то жила бы для своего удовольствия. А так — прикована к работе.

Хочу не хочу, начинаю работать. И получаю от этого удовольствие. Потому не должна плакаться и жаловаться, это большой грех.

Вот Софико Чиаурели всегда делала то, что хотела. Я ей говорила: «Ты счастливый человек. Делаешь, что хочешь».

А я всегда мамы боялась. Хотя, может, это и хорошо. Так и должно быть. Это вообще мой девиз. С ним я живу: «Так и должно быть».

В мае 2013 года я сидел в зале ожидания международного аэропорта Тбилиси. До посадки на московский рейс оставалось несколько минут, когда я заметил напротив себя красивую молодую девушку. А рядом с ней, как оказалось, ее мать — популярную грузинскую певицу Эку Мамаладзе. Дочь Нани.

Конечно же, я был знаком с Экой — мы виделись, когда я приходил к Нани, слышал ее на концерте Брегвадзе, состоявшемся в Тбилиси по случаю открытия столичной филармонии. Но первая встреча с Мамаладзе-певицей случилась задолго до этого, заочно. Я ехал в такси, и вдруг по радио зазвучала нежная песня. Попросив водителя сделать звук погромче, спросил, кто это поет. Тогда и услышал первый раз имя Эки Мамаладзе.

Эка с дочерью, студенткой консерватории Наталией Кутателадзе, летели в Москву, где должен был состояться их совместный концерт — Нани, Эки и Наталии.

Я получил приглашение и на другой день уже сидел в первом ряду в уютном зале московского Союза грузин.

Видно было, с каким волнением Нани слушает выступление Эки и Наталии. Но все прошло более, чем достойно. Когда в завершение вечера меня попросили сказать несколько слов, я искренне признался, что до этого вечера считал, что в династии Брегвадзе две талантливые певицы и подающая надежды студентка консерватории. А теперь могу свидетельствовать: династия составляет чудесное трио.

Когда публика неохотно разошлась, за кулисами Нани вновь выступила «в своем репертуаре», признавшись, что так волновалась по дороге на этот концерт, что боролась с желанием все отменить.

«Я в последнее время часто думаю о том, что уходит время, я не молодею. А так хочется сделать большой сольный концерт — последний, наверное, с размахом, чтобы запомнили. И важно успеть это сделать, иначе будет поздно. Надеюсь, получится. Всех приглашаю!»

А потом Нани уехала на гастроли. Тем временем нужно было готовить книгу к печати, отбирать фотографии. И я отправился к Эке Мамаладзе.

Она дочь Нани. И при этом — замечательная певица. Это лишь в поговорке «Природа отдыхает на детях гениев».

Мы давно знакомы с Экой, так называют близкие Екатерину, посему говорим с ней на «ты».

— Ты отличалась от своих одноклассниц?

— Тогда редко случалось, чтобы кто-то выезжал за границу. А у меня всегда было то, чего не было у других, например одежда красивая. Так что, может быть, да, в этом плане я отличалась от сверстников.

— А какое-то особенное отношение к себе учителей испытывала?

— Не знаю почему, но меня выделяли. Была в принципе хорошо воспитанной, хотя и не отличницей. Мама редко приходила в школу, чаще бабушка. Вот тогда я слышала от учителей: ах, какая девочка, совсем незаметно, что дочка Нани. И удивлялась — а что же такого я должна делать…

Ощущалось какое-то уважение. Не потому что я дочка Нани. Может, педагогам просто это импонировало. Но меня правда любили, я это чувствовала. И с одноклассниками было то же самое. Во мне не было никакого снобизма. Его и сейчас нет.

Я абсолютно со всеми в хороших отношениях. У меня не было никогда конфликтов. Вот ты спросил, чем я отличалась от остальных. Могу сказать точно: тем, что у меня всегда были какие-то особенно хорошие тетрадки, но это же ничего особенного, верно? И я постоянно их раздавала, раздаривала…

— По рассказам Нани, я понял, что главным человеком в доме была бабушка. Для тебя она была второй мамой?

— Бабушка меня растила. В моей жизни она играла главную роль. Она была женщина принципиальная, строгая. И при этом очень доброжелательный человек, видела в людях добро и в каждом выделяла что-то хорошее. Хотя Нани она все-таки чаще критиковала и воспитывала по-своему, в таком романтическом ключе — все время говорила про честность, добродетель, обязанности… Очень энергичная была, небольшого роста и потрясающего сложения. Очень кокетливая, всегда на каблучках: убежит-прибежит — цок-цок-цок.

И обязательно сама на рынок ходила, хозяйство вела. Когда возвращалась, непременно покупала цветы — для Нани. Говорила, что той будет приятно. Нани любит желтые цветы, и она всегда приносила именно такие. С одной стороны, бабушка подчеркивала, что все делается для Нани, а с другой — серьезно «давила» на дочку. И при этом думала, что это — во благо.

Я помню, как Нани присвоили звание народной артистки СССР в 1983 году. Мы так кутили! Все, естественно, бабушка организовала. Застолье происходило в ресторане на фуникулере. Говоря сегодняшним языком, бабушка была хорошим директором. Иногда предлагала Нани — давай гостей пригласи. Но Нани часто отказывалась, говорила, что не хочет, капризничала даже. Но бабушка и не спрашивала, ставила перед фактом: ты ничего не понимаешь, я сейчас сама приведу твоих гостей… И в итоге все получалось очень душевно и весело.

— А дедушка как себя при этом в семье чувствовал?

— Он был очень милым человеком, таким сдержанным, скромным, тихим. У них дома не существовало страшилки: вот «папа придет и такое будет!»… Он все хорошо принимал и понимал. Когда Нани была студенткой, они жили в маленькой однокомнатной квартире на улице Грибоедова, напротив консерватории. Тогда дедушка где-то в районе работал, пять дней в неделю его не бывало, приезжал только в субботу-воскресенье. Как анекдот потом рассказывали, что к Нани пришли мальчики, друзья. Конечно, бабушку все знали, уважали ее, а когда увидели дедушку, который с ней сидел рядом, кто-то спросил: кто этот человек?

Потом из квартиры на Грибоедова все перехали в обычную «хрущевку». Дедушке квартиру дали в районе Сабуртало. И моя бабушка просто с ума сходила — она думала, что это край света, уже не Тбилиси.

— Скажи, а как бабушка себя вела, если кто-то заболевал?

— С ума не сходила. Трезво оценивала ситуацию, в ней всегда чувствовалась какая-то сила… Мы ни о чем не думали, она все решала и все, что нужно, делала. Когда у кого-то что-то болело — кашель там, насморк, простуда, — все бабушка брала на себя. Конечно, она переживала, когда я болела… Но вот в смысле активности, когда нужно было что-то предпринять — она была первой. Все это она отняла у Нани. Сильные люди умеют поставить вопрос так — это все буду делать я! И в этой стихии она хорошо себя чувствовала.

— Ты боялась ее?

— В детстве очень. Но я человек уже другого поколения, это многое определило. Бабушка старалась воспитать меня на свой

лад. Между прочим, думаю, это негативно повлияло на личную жизнь Нани. Бабушка слишком глубоко вникала в нее, а не надо было, это неправильно. Нани вышла замуж, когда ей было 22 или 23 года. Ее мать была «за» этот брак, она фактически ее замуж и выдала. Считалось, что это хорошая партия. Действительно, мой папа был потрясающий человек, из интеллигентной семьи, что называется, перспективный мальчик…

А со мной у Нани получилось наоборот — она не вмешалась в мою личную жизнь, сказала, лучше ты сама решай, делай что хочешь, но если ошибешься — сама и будешь отвечать. И это было совершенно правильно.

В отношениях с бабушкой я победила. Она принимала мой образ жизни — я поступала так как хотела. Ничего, конечно, плохого не делала, но могла, например, вернуться домой попозже, роман у меня был какой-то — и она смотрела на это уже совсем по-другому. Мне удалось обозначить: это моя жизнь, я буду жить так, как считаю нужным. И вышла замуж в 17 лет. Я к тому времени закончила школу, поступила в консерваторию. Мой муж был на 10 лет старше.

— А Нани не отговаривала?

— Она просто сказала: любишь — пожалуйста, выходи.

— И бабушка не говорила, что рано?

— Нет! Вот с Нани у бабушки отношения были более сложные. Кстати, на творчество дочери, на ее гастрольную жизнь бабушка смотрела легко. Она сама любила музыку очень, ей нравилось, когда дома поют. В такой обстановке выросла — бабушкины сестры все пели. Иногда они просто, безо всякого повода, садились и вместе что-то запевали.

А вот на личную жизнь Нани бабушка влияла — с мужем дочь разошлась, значит, должна в первую очередь думать о ребенке. И Нани соглашалась: как мама скажет, так и делает. Зависима была от ее мнения очень серьезно. И так — до самого бабушкиного конца.

Иногда я даже вспоминаю, как Нани говорила: «Мама, ну не надо столько учить, мне уже 50 лет, оставь меня!» А та ни в какую — сейчас нужно делать то, потом — это. Это были отношения, в которых все время шла борьба, причем не в открытую, со стороны ее было не видно. А я все чувствовала.

— А ты переживала из-за взаимоотношений родителей, ведь они не всегда хорошо складывались?

— Я об этом не думала. Это пришло уже потом, когда взрослой стала. А в детстве всего этого не ощущала, потому что рядом были дедушка, бабушка, Нани, и я не чувствовала дефицита отцовского внимания. Родители разошлись, а потом,

когда я училась в классе 8 или 9-м — помирились. Оказалось, временно.

Нани уезжала и приезжала, а папа оставался, злился, задыхался. Его все раздражало. Он был порядочным человеком, но не сумевшим себя реализовать. Папа буквально кричал о том, что любит Нани, и в то же время изменял ей. А мама его жалела, считала, что во время ее гастролей он остается один и из-за этого возникают проблемы. Потом моя тетя, двоюродная сестра Нани — родной сестры у нее нет, и они были очень близкими — сказала моему отцу: я все расскажу, ты хочешь, чтобы Нани это узнала? И он ответил «да»!

Я, помню, была уже замужем, мыслила по-взрослому. И однажды просто спросила Нани: для чего терпеть такого человека? Думаю, когда рядом с тобой сильная женщина, а ты не можешь ей соответствовать — лучше уйти. Я помню день, когда он буквально убегал, причем с удовольствием. И я была рада.

Папа больше не женился официально, но у него была женщина, совершенно непонятная, на мой вкус. Дочки у нее росли. Он жил с ними хорошо. И скончался там. Папа, кстати, был против моего раннего брака. А позже случилась трагедия — мой муж скончался. И в какой-то момент я осталась одна. Вот тогда мне хотелось, чтобы рядом был отец.

— Ты с ним часто общалась?

— Не очень. И все время инициатором наших встреч оказывалась именно я. Он был такой — если у него в тот момент не было денег, то он не хотел со мной видеться… Из-за этого комплекса он мог вообще не общаться со мной. Бывают такие мужчины, бывают.

— Ты бы хотела, чтобы у Нани сложилась личная жизнь?

— Конечно! Существует детский эгоизм, хотя бывает он не только у детей — лишь бы родители были вместе и плевать, как они при этом живут, что чувствуют. У меня не так. Даже когда маленькой была, думала: если им плохо, то пусть расходятся.

— Нани кажется очень мягким человеком. А получается — она сильная?

— Сильной она оказалась потому, что у нее такая профессия. В деле она сильна. А в повседневной жизни непрактичная, очень беспомощная. Абсолютно нехозяйственный человек. Вот бабушка у нас была другая. Дом был на ней. Потрясающе готовила, все делала сама. И я тоже могу все. У меня хорошая рука, кулинар я неплохой. Торты пеку вкусные, хоть и некрасивые — по бабушкиным рецептам. Она мне все передала, показывала, что и как нужно делать. Все запоминается, оказывается, когда нужно — вспоминаешь.

Для меня была ужасная потеря, когда бабушки не стало в 1993 году. И для Нани тоже — она словно маленький ребенок, как будто осталась одна на всем белом свете. После того как бабушка умерла, долго в депрессии была, петь не могла. Когда это случилось, ее в Тбилиси не было, кто-то позвонил, конечно, она сразу из Москвы прилетела.

Бабушка дома скончалась. Была зима, февраль — холода, мороз. А она незадолго до этого грипп перенесла. Вроде оправилась после болезни, какие-то дела были у нее, она решила выйти. Вышла и говорит: «Что-то мне нехорошо». И все — сердце у нее не выдержало. Дедушка тоже, конечно, переживал, он ее пережил на несколько лет и умер в 90 лет.

В какой-то другой стране постоянно Нани жить не смогла бы, она привязана к Грузии. Но сейчас у нее квартира есть в Москве, на Шаболовке. Очень хорошая. В свое время я туда приехала, обставила дом. Из магазинов все, что нужно таскала, — она вообще не может такими делами заниматься.

В Тбилиси мы живем все вместе. Хозяйство — на мне. А в Нани и сегодня много детского осталось. Мне это не мешает, просто больно за нее.

Она ведь всегда работала, добывала, приносила, бабушке все отдавала. И сейчас та же манера. А я деньги трачу. Иногда мне становится страшно — неужели я такая нехорошая, расходую ее деньги. Но, конечно, на наш общий дом.

Когда Нани куда-то нужно отправиться, я за ней на машине заезжаю. Она — как ребенок, а я — как водитель. Так и говорю: шофер приехал…

Иногда она не то чтобы злится, но начинает рассуждать о том, как ей меня жалко. В такие моменты она говорит: вот сейчас найму шофера со своей машиной, и будет меня возить, не хочу никого беспокоить. Да пожалуйста! Только куда ходить — всего две подруги остались. Одна здесь, в Тбилиси, а другая в Москве.

Ну нет особой необходимости в том, чтобы она выезжала и какие-то дела делала. Просто хочет иногда прогуляться, по магазинам пройтись или в ателье зайти. Это для нее самые большие планы.

— То есть она живет в своем творческом мире?

— Даже иногда мне неудобно бывает. У нее ведь как — даже если чего-то очень хочется, она себя одергивает: сейчас у меня нет права, сейчас это нужно, потом то нужно. Всем нужно помочь…

— А как она восприняла появление на свет твоих детей?

— Она по ним с ума сходила. Когда родился мой старший сын, Леван, она, конечно, была в Тбилиси. А спустя годы он

поступил в ординатуру в медицинском институте в Москве. На два года мы его туда послали, и Нани как-то не очень охотно, как мне показалось, сказала — мы же не оставим его одного там! Я поехала, сняла в Москве квартиру, обставила ее.

Пока мои дети были маленькими, и даже сейчас, они были очень к Нани привязаны. Когда она находилась в Тбилиси, когда не было гастролей, они все время оставались с ней. И она за ними ухаживала, заботилась. Очень. Как за своими. Но бабушка тогда тоже была жива.

— Для нее это уже были правнуки.

— Да. И в семье осталось как анекдот: моя бабушка сидит, уставшая, и вдруг спрашивает у Нани: «Слушай, кто эти дети? Вон, играют там… — Нани подумала, что у нее начался склероз. А бабушка продолжила: — Нет, ты знаешь, я тебя вырастила, с ума сходила, потом твою девочку, Эку. А это — кто они? Они уже мои дальние родственники…»

— Наверное, у тебя не было вариантов в плане выбора профессии. Сразу было понятно, что ты будешь петь?

— Нет. Нани этого не хотела. Она часто повторяла: какой ужас все эти гастроли… Более того — в тбилисском Дворце пионеров работали кружки, ансамбль «Мзиури» выступал. Я пела не хуже, а меня туда не отдавали. Даже когда я поступила в консерваторию, акцент именно на пение не делался. Но потом все-таки направили по музыкальной стезе, потому что у меня был слух и голос какой-то. Это было как-то естественно. Само собой.

— Скажи, а когда ты смотришь фильм, допустим, «Мелодии Верийского квартала», ты слышишь голос матери? Как это воспринимаешь?

— Обыкновенно. Мне нравится очень. Даже Нани сама, когда смотрит, говорит — слушай, как я пела… Не то чтобы с восторгом, но тогда, по ее словам, ей самой не нравилось. «А, оказывается, как я пела!»

— А в целом ты можешь воспринимать творчество Нани отстраненно?

— Однажды случилась такая история. Очень давно я просто пришла на ее концерт, сидела в зале и слушала. И помню, в какой-то момент я ее совершенно по-другому увидела. Вроде все как всегда — Нани поет, слушатели восхищены. Но родился еще какой-то восторг, уже неродственный. Именно тогда я ее осознала как певицу.

Я вообще терпеть не могу необъективности. Стараюсь не терять трезвости оценки, и Нани тоже не теряет. Потому у нас нормальные, равные отношения. Хотя это очень трудно, особенно сейчас, когда у нас общая профессия… Бывает страшно, иногда —

больно. Потому что она — звезда, а тут вдруг — я. Прекрасно понимаю, что что бы ни сделала, все равно останусь в тени. Я это осознаю. А иначе мне было бы очень плохо.

Бывают такие отношения, когда мать и дочь — два творческих человека, и каждый считает себя самым-самым. Вот, к примеру, Джуди Гарленд и ее дочка — Лайза Миннелли. Я ни в коей мере не сравниваю, говорю с точки зрения общности профессии. По-моему, Джуди и Лайза между собой боролись. Гарленд переживала из-за того, что ее дочка лучше поет. Это же страшно!

Я редко исполняла песни Нани. Был у меня какой-то внутренний протест, думала, что никогда не стану этого делать. А потом оказалось, что ее хиты все поют. И тогда я сказала себе — неужели не спою лучше остальных?

Не хочу никого копировать. Страшно копировать человека, который состоялся, не надо подстраиваться.

Да и когда я спела песню Нани — это тоже был протест, но в хорошем смысле. Однажды у меня был концерт, я пела ее песни. В работу она не вмешивалась, и только когда все уже было сделано, пришла послушать. Я знала — она искренне скажет то, что чувствует.

И вот закончился концерт, Нани заходит ко мне за кулисы. И вдруг говорит: «Больше можешь меня не слушать! У тебя свое видение, ты мыслишь по-другому. И мне это очень понравилось!»

Эти слова не забуду никогда. Они держат меня и ведут по жизни…

Вахтанг Кикабидзе. Монологи Мимино

Наверное, не будет преувеличением назвать Вахтанга Кикабидзе самым известным грузином. В бытность Советского Союза едва ли не в каждом доме висел нарядный календарь с фотографией облаченного в белый костюм певца. И едва ли не половина всего женского населения многомиллионной советской империи считала Кикабидзе идеалом мужчины.

Недаром во время одной из гастрольных поездок по Украине к грузинскому артисту подошла цыганка: «Дай хоть разглядеть тебя. По телевизору не могу, муж не разрешает».

Кикабидзе был поистине всенародным любимцем. Правда, высшего актерского звания тех лет — народный артист СССР — так и не получил. Возможно, не успел. А возможно, имеют под собой основания разговоры о том, что помешал всесильный Комитет госбезопасности, в котором Вахтанга Константиновича считали слишком вольнолюбивым и «не заслуживающим доверия» доблестных органов.

Но какое звание может сравниться с той любовью, которую он встречал, да и продолжает встречать. Армия поклонников у Кикабидзе самая разнообразная — от интеллигенции до… воров.

Одна из любимых историй, которую рассказывают друзья Кикабидзе, связана с грустным в общем-то эпизодом ограбления его квартиры. Когда хозяин дома обнаружил, что дверь взломана, то приготовился к самому худшему. Однако все вещи оказались на месте. Только на столе стояла открытая бутылка коньяка и записка: «Говорят, вы не совсем здоровы. Мы выпили за ваше здоровье. И уже напишите на двери, кто здесь живет. Тогда подобного не повторится».

Приключившееся — лишь одно из проявлений всенародной любви. Буба, именно так в Грузии зовут своего любимца, действительно и уважаем, и обожаем. Один его Валико Мизандари из фильма «Мимино» чего стоит. А у него ведь есть еще и доктор Глонти из «Не горюй», и десятки душевных песен, которые обожают миллионы.

Застать Кикабидзе в Тбилиси весьма непросто, он постоянно в разъездах. А когда возвращается домой, то все время посвящает семье и работе над книгой воспоминаний.

Мы с Бубой знакомы лет десять (правда, я ни разу так и не решился обратиться к нему, назвав этим именем). Каждый раз, когда мы встречаемся, батони Вахтанг говорит, а я слушаю и

запоминаю. Чтобы воспроизвести монологи легендарного Мимино и поведать о них тем, кто не имеет счастья стать слушателем Бубы-рассказчика.

Книга мемуаров самого Кикабидзе, кажется, уже закончена. Но до того как она увидит свет (переговоры с издателями пока не обещают результатов), хочу поделиться историями, которые артист рассказал мне.

Наша самая первая встреча состоялась в гостинице при посольстве Грузии в России. В самом центре Москвы, неподалеку от Никитского бульвара, располагается старинный особняк, где раньше находилось посольство родной страны моего героя. И там же, в соседнем переулке, была гостиница, в которой могли остановиться приезжающие по делам в Россию грузины. У Кикабидзе там, кажется, была своя постоянная комната.

Теперь в помещении той гостиницы располагается какой-то роскошный отель, вместо кафе — дорогущий ресторан. Но я успел застать и другие времена. А потому есть о чем рассказать.

Как-то женщину-импресарио, с которой работал Кикабидзе, обидел один из ее подопечных, поведав газетчикам надуманную и некрасивую историю. И Вахтанг Константинович тут же бросился на защиту — дал интервью, в котором не сводил счеты, а лишь достойно рассказал о той даме, а на вопрос об обидчике ответил коротко: «Имя этого человека я никогда не слышал и, надеюсь, этого не случится».

В тот же раз, когда деловая часть беседы была завершена, Кикабидзе признался, что и сам пробовал себя на ниве журналистики. Его статья увидела свет, когда имя Кикабидзе было известно уже всему миру, в девяностых. Она называлась «Шоколадный рояль».

Вахтанг Константинович рассказал мне, что как-то зашел в магазин в Тбилиси, на витрине которого стоял большой красивый рояль, сделанный из шоколада:

— Все посетители подходили и любовались им. Вдруг входят в магазин молодые ребята и покупают это произведение искусства. Только-только заплатив деньги, один из юношей берет и ломает рояль, немедленно начав жевать шоколадную ножку рояля. Зачем было так поступать? Очень неприятная была картина. Я и написал статью «Шоколадный рояль» о том, что не умеем мы ценить то прекрасное, что нас окружает. Друзья потом сказали мне, что статья получилась достаточно острой…

Прошли годы и в силу известных обстоятельств мы с Вахтангом Константиновичем виделись уже только в Грузии. Что

называется, на территории Бубы.

Как-то он пригласил меня в свой тбилисский дом. Перешагнув его порог, первое, на что обратил внимание, были картины. Казалось, я попал в художественную галерею.

Вышедший навстречу хозяин тут же принялся пояснять:

— В основном это картины моих друзей. Когда мне становится хреново, я иду к ним в мастерские. «Какие вы счастливые», — говорю я им. «Нет, это ты счастливый, — отвечают они. — Вот бы нам уметь так петь». Я, кстати, тоже хотел быть художником. Жаль, таланта не хватило. Но в детстве много рисовал. Это в основном были карикатуры, которые я изображал на каких-то листочках, обложках тетрадей. Мама собирала эти работы. Но при этом мне все время говорила: «Буба, тебе нельзя становиться художником, у тебя же нет квартиры. Где ты будешь рисовать?»

Означает ли что-нибудь слово «Буба» на грузинском языке? Означает, но ко мне не имеет отношения. В Сванетии — это регион Грузии — есть гора, которая называется Буба. А несколько лет тому назад была обнаружена горная деревня пятнадцатого века, которая тоже называется Буба, там и река такая была — Буба. Хотя мои родители всего этого скорее всего не знали. Просто это было первое слово, которое я начал бубнить. Мама так рассказывала.

А еще на сванском сленге «буба» означает «самый старший в доме». Обычно так называют самых маленьких. Они же на самом деле всем заправляют.

Буба — это прозвище. Но оно и в титрах фильма «Мимино» написано. Это просто режиссеру Георгию Данелия нравилось. И он несколько раз в титрах своих фильмов так меня заявил. Впрочем, в Грузии меня так и называют. Если кто-то звонит нам домой и просит позвать к телефону Вахтанга, мы сразу понимаем, что звонит незнакомый.

Потом так стали называть и детей. Уже даже в паспорте это имя пишут. Есть такой Буба Кудава, очень интересный историк. Нескольких сыновей моих друзей тоже зовут Буба.

А я как-то прочел в одной газете про знаменитого английского пловца, которого тоже звали Бубба. Правда, его имя пишется с двумя буквами «б».

Из воспоминаний Георгия Данелии, близкого друга моего героя:

Вообще-то Бубу зовут Вахтанг. Но когда я в первый раз позвонил ему домой и попросил Вахтанга, долго не могли понять, кого же нужно позвать к телефону…

Буба у меня снимался в главных ролях в четырех фильмах. И еще в двух должен был, но не снялся: в «Хаджи-Мурате», который я так и не снял, и в «Паспорте» — там французы требовали взять на главную роль французского актера. Два года я сопротивлялся, но все-таки пришлось им уступить.

Помимо того, что Кикабидзе великолепный актер, у него есть одна особенность: если у Бубы сцена не получается, надо тут же проверять сценарий. Буба так входит в роль, что не может сыграть то, чего его персонаж не может сделать по логике характера.

Кстати, в образ Буба входит не только на съемках. Я уже писал, что в восьмидесятом году у меня была клиническая смерть. Буба, узнав, что со мной плохо, тут же прилетел в Москву. И кто-то ему сказал, что я вроде бы уже умер. Позвонить мне домой и спросить, умер я или нет, Буба, конечно, не мог. Дня два выжидал, а потом позвонил Юре Кушнереву (он работал вторым режиссером на «Мимино») — выяснить, когда похороны. А тот сказал, что я жив. И Буба поехал навестить меня в больницу.

А теперь расскажу, как визит Бубы выглядел с моей точки зрения. Лежу я в палате — синий, похудевший. (Леонов сказал, что по весу и по цвету я тогда напоминал цыпленка-табака.) Открывается дверь, заходит Буба с цветами. В дверях остановился, посмотрел на меня, тяжко вздохнул. Потом подошел к постели, положил мне в ноги цветы. Потупил глаза и стоит в скорбной позе, как обычно стоят у гроба.

— Буба, — говорю я, — я еще живой.

— Вижу, — печально сказал Буба.

Он же настроился на похороны. И увидев меня, такого синего, не смог выйти из образа.

Режиссер Георгий Данелия, автор книг «Безбилетный пассажир» и «Тостуемый пьет до дна», сыграл в судьбе героев этой книги важную роль. Разве что Нани Брегвадзе не снял в кино. Может быть, пока. О чем сама Нани, то ли в шутку, то ли всерьез, сожалеет. По крайней мере как-то заметила, что тоже хотела бы быть Мимино. К рассказу о съемках легендарной ленты мы еще вернемся. А пока — рассказ Бубы о том, как он, собственно, оказался по другую строну зрительного зала — на сцене.

— Актером я становиться не собирался. Учился в институте иностранных языков. Это длинная история. Вообще я учился в семи школах. И могу, наверное, за это в Книгу рекордов Гиннесса попасть. Первый раз на второй год меня оставили в третьем классе. Потом я два раза учился в шестом классе, а затем в восьмом.

Я плохим мальчиком был. В конце концов, меня из школы

отчислили и дядя, который был скульптором, устроил меня в ремесленное училище. Я там был самым маленьким, меня, можно сказать, по знакомству приняли. У нас была своя форма, и еще нас там кормили.

Я, видно, «доставал» свою маму. Правда, моя учительница русского языка, Нино Рамишвили ее звали, успокаивала маму: «Не плачь, он же все равно артистом станет».

Только не подумайте, я гадостей каких-то не делал. Просто не учился.

Понимал ли сам, что буду артистом? Я — нет, не понимал. А вот учительница, видно, что-то во мне уже тогда разглядела. В институт иностранных языков меня взяли, можно сказать, случайно. Там ведь училось 95 процентов девочек. Как-то один студент попросил меня спеть на выпускном вечере несколько песен, так как своих мальчиков у них не было. А я уже тогда пел в каких-то самодеятельных коллективах. И так получилось, что ректор присутствовал на этом вечере. Он обратил на меня внимание и спросил: «Этот мальчик у нас учится?» Я, к счастью, к тому времени все-таки умудрился получить аттестат о среднем образовании и работал где-то на стройке.

Когда ректор узнал, что я не студент его института, то неожиданно предложил мне поступить. Мне даже дали педагога, который в течение трех месяцев готовил меня к экзаменам. Потом уже я узнал, что все, оказывается, были в курсе, что я должен поступить. В том институте вообще если учились мальчики, то они являлись либо спортсменами, либо музыкантами.

Первый экзамен был, как сейчас помню, история. За окном стояла жуткая жара. Экзаменатором был такой Шелия, человек с красным носом. На экзамен он пришел, видимо, с большого похмелья. А я как вошел в аудиторию, так у меня от волнения ноги подкосились. Потому что там сидели 15 девчонок и готовились отвечать. А я вообще был в истории ни бум-бум.

А этот Шелия, видно, хорошим мужиком был, понял, что я стесняюсь.

— Иди, — говорит, — и через два часа принеси мне пару бутылок пива.

Я ушел и вернулся, когда последняя девчонка уходила. Принес ему пиво. Он одну бутылку прямо из горла выпил. И говорит:

— Тяни билет.

Я достал — надо было рассказать про Петра Первого.

— Что он сделал для России? — спрашивает меня экзаменатор.

— Царь-пушку, — отвечаю.

— Молодец, пятерка.

Так меня взяли в институт.

А я уже бредил эстрадой. Брат моей матери, Джано Багратиони, известный хореограф и певец, отправил меня на прослушивание к Котику Певзнеру, который руководил Государственным оркестром Грузии. Меня посмотрели и, что называется, забраковали. Вердикт худсовета был таким: «Хриплый голос отдает загнивающим Западом!» А я-то думал, что они меня с радостью возьмут и вообще это будет для них счастьем, что пришел сам Кикабидзе.

Домой вернулся убитый. Но вечером мне позвонил администратор той комиссии, такой старый эстрадный волк. И сказал, что если я соглашусь выйти на сцену под другой фамилией, то он возьмет меня с собой на гастроли. Мама сказала: «Чего тебе какую-то фамилию придумывать? Бери мою — Багратиони». (Мать Кикабидзе — прямой потомок царской династии Грузии. — *Прим. И.О.*) И я поехал на гастроли, как Буба Багратиони. Это был единственный раз, когда так на афише было написано. Концерт проходил в Ростове-на-Дону. И после этой поездки я бросил институт.

Потом в газете была напечатана ругательная статья про меня. Такая там была строка: «В финале на сцену выходит худой молодой человек и орет хриплым голосом в микрофон». Это было в 1959 году.

Но так получилось, что в это время на экраны вышел фильм «Поет Ив Монтан». И директор филармонии приказал: «Найдите мне того мальчика, которого Джано Багратиони приводил». Он же не знал, что я уже вовсю работаю. «Найдите его, оденьте в водолазку, как Монтана, и пусть он поет».

И вот получается, что с 1959 года я — на профессиональной сцене.

Фраза в газете про «худого молодого человека» меня не обидела. Я тогда вообще все воспринимал с удивлением. Но не обижался. Наверное, понимал, что делаю свое дело хорошо. И знал, что именно этим буду заниматься в жизни.

Думаю иногда про свою творческую судьбу. Удивительно она сложилась: поступив в институт иностранных языков, я стал петь, а потом и сниматься…

Мама у меня была замечательной певицей. Работала в свое время в джаз-оркестре у моего дяди. И сорок четыре года пела в Сионском соборе, главной церкви Тбилиси тех лет. Потрясающая женщина была, одна вела дом. Мы же без отцов росли, все они на

фронт ушли и не вернулись.

Мама мне все время говорила: «Как тебе не стыдно с таким хриплым голосом на сцену выходить?» Перед концертами я нервничал только в тех случаях, если она приходила на мои выступления.

А потом мама сказала: «Если люди покупают на тебя билеты, значит, ты интересен». Но главным ее признанием были не слова, а предложение что-нибудь записать вместе. И я до сих пор себя корю, что не отнесся тогда к этому серьезно.

А вообще у нас в семье всегда пели. Первую граммофонную пластинку в Грузии записала моя бабушка, мамина мама. Просто так, шутя. Она сейчас находится в музее поэта Иосифа Гришашвили. Я пытался ее восстановить, но, к сожалению, ничего не вышло.

Мне потом рассказали одну историю. Как-то мама встретила одну свою подругу и спросила у нее, как сын. Та ответила, что он физик и работает в Москве. И в свою очередь спросила маму обо мне. Мама покраснела, опустила голову и ответила: «А Буба — барабанщик». А вот мои фильмы ей нравились. Больше всего она любила «Не горюй!».

С «Не горюй!» все немного странно получилось. Я по своей дурости думал, что, если однажды попал на киноэкран, значит, и дальше меня все снимать будут. Я за четыре года до этого снимался с Лейлой Абашидзе в фильме «Встреча в горах». Но после этого никто меня никуда не приглашал. И я для себя решил, что кино — не мое дело, наверное.

Вообще в актерской судьбе важно — повезет или не повезет. Я так думаю, потому что знал и знаю массу талантливых людей, многих уже и нет на этом свете, которые так и ушли из жизни, не попав в нужную струю.

То, что я попал к Георгию Данелия — заслуга Верико Анджапаридзе. Это она ему посоветовала попробовать меня на роль Бенжамена Глонти. Об этом сам Данелия уже потом мне рассказал.

У него в голове ничего такого не было, он вообще меня не знал. И потом в сценарии этот герой совсем другой. Думали — будет рыжий, толстый, потеющий, пьющий человек. Я и не в курсе был, что Верико то и дело советует Гие — попробуй Бубу, возьми Бубу, вот посмотришь — не пожалеешь. А Данелия очень не любит, чтобы ему кого-то сватали.

Ситуация для режиссера в тот момент была тяжелая. Все актеры уже подобраны, подготовительный период заканчивался, бухгалтерия крутилась. А главного героя не было. Гия

перепробовал всех — и российских актеров, и наших, грузинских.

Когда Данелия позвал, может, я к нему уже и не пошел бы. К тому же мы в Турцию с «Орэро» должны были ехать. Репетировали с утра до вечера, разговорный турецкий учили. Ходили для этого к профессору — был такой турколог Отар Гигинеишвили, ныне покойный. Так что времени думать о кино и не было.

Но все-таки встретился с режиссером, потому что мне очень много его знакомых позвонили. Говорили, что Данелия в Тбилиси приезжает. А сам он — нет, не звонил.

Когда мы с Данелия встретились первый раз, он не очень мне понравился, потому что я почувствовал его неприязнь. В сценарии написано одно, а ему подсовывают совсем другое! Сейчас он очень смешно изображает, как я к нему вошел впервые. Говорит, когда меня увидел, то подумал, что во мне абсолютно ничего нет из того, что ему нужно, что я совершенно из другой оперы.

В тот раз в Тбилиси он в гостинице остановился. Попросил меня: «Покричите». Я отказался: «Неудобно, люди спят». Воскресенье было, полдесятого утра.

В итоге он мне дал сценарий — и все, попрощался: «Мы вам позвоним». Я понял, что явно ему не понравился. До меня к нему заходил Ипполит Хвичия, гениальный артист. Он сыграл в «Не горюй!» шарманщика. Ипполит вышел со словами: «Все, меня взяли!» А мне никто ничего не сказал.

Дома прочел сценарий, и он мне, конечно, страшно понравился. День прошел, два, три — никто мне не звонит. На пятый или шестой день Данелия, наконец, позвонил. Спросил, что вечером делаю. И предложил пойти вместе с ним в гости. А он редко приезжал в Грузию, поэтому его все близкие ждали — тетушки, дядюшки.

Когда он меня привел к своей тете, никто не сказал — Гия пришел. Все отметили — Бубу привел. Я видел, что ему это не нравится. На следующий день к его дяде пошли, потом к двоюродной тете какой-то…

Время шло, мне уже надо было уезжать на гастроли. В Турцию тогда было очень сложно попасть, части американских войск там стояли, закрытая была страна.

Тогда я ему и сказал: «Георгий Николаевич, снимите пробы. Это кино, я все понимаю. Не понравится так не понравится. Но через два дня меня здесь уже не будет». И он назначил съемку.

Снимали на американскую пленку, которую надо было отправлять в Польшу и там печатать. Здесь всего необходимого не было, и они не могли сразу посмотреть материал. Во время съемок пришел наш великий актер Серго Закариадзе

(легендарный «отец солдата». — *Прим. И.О* .), у меня вообще от волнения ноги едва не отнялись. Смотрю на него и думаю: и я должен с ним играть? Тут же была Софико Чиаурели, вся команда. В итоге что-то сняли.

Я уехал с «Орэро» в Турцию. Забыл обо всем — концерты идут «на ура», мы собираем огромные залы в Стамбуле. И вдруг через несколько дней раздается ночной звонок из советского представительства: пусть Кикабидзе придет. Я думал, дома что-то произошло. Прибежал туда. А меня ждет телеграмма: «Поздравляю, утвержден на главную роль у Георгия Данелия. Познер». Познер был тогда одним из руководителей «Мосфильма», он отец известного журналиста Владимира Познера.

Когда я вернулся, то впервые увидел Данелия улыбающимся. Не сразу узнал его. Смотрю — идет какой-то человек, улыбается. И думаю — где я его видел? Только потом до меня дошло, когда он ближе подошел… Данелия вообще был спокойный-спокойный. И все, мы начали снимать.

Такой фильм, как «Не горюй!», Данелия не снимал ни до этого, ни, конечно, после. Вот так. Повезло мне.

Сам Георгий Данелия так вспоминал съемки своего великого фильма:

— Мы с Резо (Габриадзе, соавтор сценария фильма. — *Прим. И.О* .) и писали Софико на Софико Чиаурели, Левана — на Серго Закариадзе, солдата — на Евгения Леонова, шарманщика — на Ипполита Хвичиа… А вот что делать с главным героем — Бенжаменом? Бенжамен в романе описан как высокий светловолосый и голубоглазый тридцатилетний мужчина, здоровенный такой детина… Стали мы искать молодого, здоровенного, голубоглазого и светловолосого грузина.

Среди известных актеров такого не было. Стали искать в провинции. И тут я заболел желтухой и угодил в Боткинскую больницу. В Боткинской на лестничной площадке был телефон, и я каждый вечер звонил домой. Мама у меня была как штаб по подготовке картины, докладывала, как идут подготовительные работы в Тбилиси. И как-то я позвонил, а она мне говорит:

— У вас там телевизор есть? Беги быстро посмотри, там твой Бенжамен поет.

В холле по телевизору показывали выступление грузинского ансамбля «Орэро». Я посмотрел на всех солистов, потом позвонил маме:

— Ты кого-то из «Орэро» имеешь в виду или смотришь другую программу?

— Эту смотрю. Присмотрись к тому, который играет на

барабане. По-моему, то, что надо.

Я пожал плечами, опять вернулся в холл. На барабане играл худющий брюнет, — он все время скалил зубы. Да, что-то мама перепутала… Какой же это Бенжамен?

Выписался я из больницы, приехал в Тбилиси. Ищем Бенжамена, ищем — не находим. Все не то. Я вспомнил о маминой рекомендации и спросил второго режиссера, Дато Кобахидзе:

— А что, если попробовать барабанщика из «Орэро»?

— Бубу? Нет, он не годится!

Но я попросил вызвать его на всякий случай. Пришел Буба в гостиницу. В моем номере тогда сидели Вадим Юсов, Дато Кобахидзе и жена Юсова, звукооператор Инна Зеленцова.

Как только Буба вошел, я сразу понял — не то. Поговорил с ним для вежливости… Когда за Бубой закрылась дверь, Инна сказала:

— Ну все. По-моему, мы нашли Бенжамена.

— Кого? Его???

И я, и Юсов, и Дато понимали, что никакой он не Бенжамен.

И мы стали опять искать. Ищем-ищем, никто не подходит. Опять вызвали Кикабидзе — решили еще раз попробовать, раз он маме и Инне понравился. Наклеили ему усы, бороду и сфотографировали — на всякий случай. А гримерша Тамара пришла ко мне и сказала:

— Поздравляю!

— С чем?

— С героем. Только бороду ему не надо, одни усы оставим.

Странное что-то получается! Маме понравился, Инне понравился, сейчас Тамаре понравился. Я позвонил сестрам и напросился на чай. Они, как всегда, позвали подруг и соседок, а я взял с собой в гости Бубу. Посидели, выпили чаю. Буба ушел раньше, а я спросил:

— Как вы думаете, взять мне Кикабидзе на главную роль?

И сразу все заговорили:

— Бубу?! Конечно! Он такой симпатичный, его сразу все полюбят!

Говорят, выслушай женщину и сделай наоборот. Но нет правил без исключений. Так что если бы я не посчитался с мнением женщин, то критики, возможно, и не включили бы «Не горюй!» в сотню лучших фильмов XX века. И на фестивалях фильм не получал бы призы за лучшую мужскую роль.

Двоюродная сестра Данелия и исполнительница одной из главных ролей в «Не горюй!» Софико Чиаурели всегда с большой

теплотой говорила о своем друге и партнере Бубе Кикабидзе. Вахтанг Константинович платил Софико абсолютной взаимностью. Она для него была не только партнершей и подругой, но и соседкой по дому неподалеку от Батуми.

— Мы с Софико Чиаурели дружили очень, но как-то с промежутками. Она очень интересный человек. Я часто ходил к ним домой, меня очень любила ее мама — Верико Анджапаридзе, ее отец. А Гия Данелия — двоюродный брат Софико. Там все так перемешано… И потом нас очень сдружила еще одна картина, «Мелодии Верийского квартала».

В Тбилиси дружба часто перерастает в почти родственные отношения. Так люди чувствуют. Меня не было в городе, когда Софико скончалась, я выступал где-то за границей, на гастролях. И я не видел, как ее хоронили. Поэтому она для меня жива.

Она была легким человеком. Но, конечно, со своей философией. Самоедом она была. Все — для других… Мне Никуша, ее сын, рассказал, что никогда не видел маму больной. А она была очень больна. Ее называли Софико-строитель. Как царь Давид-Строитель — все время что-то строила, делала для внуков, для этого, для того — делала до последней минуты… Так и ушла.

Мы с ней никогда не ссорились. Жаль, что она так рано ушла…

К теме смерти я отношусь спокойно. Правда, думаю об одном моменте. Правнуки людей, которые нечестными методами делают большую политику, будут страдать из-за своих предков. Вот это меня серьезно беспокоит.

А вообще человек пришел в эту жизнь и счастлив, что родился, так ведь? Точно так же мы можем относиться и к смерти.

Дай Бог, чтоб все жили столько, сколько Он дал. Только после себя нельзя гадости оставлять. Вот когда мы сидим с друзьями, вспоминаем ушедших, то уверены, что они нас слышат. Мы сами себе устраиваем праздник — как знак того, что они для нас живы. И боль от того, что близкие ушли навсегда, на какое-то время оставляет.

Сегодня о многом вспоминается. Был такой момент — еще будучи в «Орэро», я заболел и попал в госпиталь имени Бурденко.

И ко мне пришла Нани Брегвадзе. Я уже еле-еле разговаривал. Лежу, наблюдаю, как мои друзья заходят и почему-то оставляют деньги. Решил, что, наверное, уже на похороны. А Нани приехала, прекрасно одетая, села около меня. Я ей все-таки сделал комплимент, сказал: «Какое красивое платье!»

Она решила меня ободрить. «Когда ты умрешь, — говорит, —

я у самой дорогой портнихи платье сошью и буду все время рядом с тобой сидеть!» Сейчас-то она спорит, мол, такого не говорила. Но моя жена — свидетельница! Нани очень непосредственный человек.

Брегвадзе оставила очень серьезный след в современной грузинской эстраде. И не только грузинской.

Она очень талантливая. Нани создана для кино. Я ее один раз видел в фильме Резо Эсадзе. Такая непосредственность! Экран все показывает и подчеркивает, как аудиозапись. Можно на концерте фальшиво спеть, скажем, болит горло или что-то еще. И это проскакивает. Но когда слушаешь запись — сразу любая фальшь чувствуется. На экране то же самое.

Кино очень много потеряло от того, что Нани не снимается. Мне она очень напоминает Анну Маньяни. Судя по тому, что я видел.

Нани всегда веришь, потому что она сама верит. Когда поет, то верит в свою песню. И то, что я увидел в ее маленькой роли в фильме Резо Эсадзе, было этому подтверждением. На экране была актриса, мастер, который закончил все театральные и киноакадемии.

Вообще удивительная вещь — дар. Я думаю, талантливый артист может стать хорошим плотником, если будет этим заниматься. Потому что человек талантливый. А хороший плотник хорошим артистом? Я такого не припомню. Может если и случается, то из миллиона один случай.

Мы с Нани все время встречаемся. Она друг нашего дома, мы близкие люди. У меня крутится в голове такая идея — сделать с ней совместный концерт. Мне было бы очень интересно спеть какие-то дуэты на хорошие стихи, с разговорами, беседами. Два взрослых человека, которые друг о друге все знают.

Все упирается в финансы. Делать грандиозную программу ради одного концерта — слишком дорого. Такая программа должна путешествовать по странам, чтобы себя оправдать.

Мы ведь с Нани одну песню записали — «Телефонный разговор»… Это было давно. В Питере живет наша подруга — композитор Исакова, очень талантливая женщина, она и написала эту песню. А тогда качество записи было не такое, как сейчас. Мы спели — и сразу словно бомба разорвалась!

Мы с Нани ни разу не поссорились. В течение десяти лет на гастролях мы все время были вместе. Вообще, если хочешь узнать человека, надо с ним поехать куда-нибудь. И никогда у нас не было размолвок. Я такого не помню. В группе нашей, если у мужиков что-то происходило — то она этого не знала. Ее лелеяли. А она — она горой стояла за любого. Камикадзе!

О той самой болезни, в результате которой он оказался на операционном столе в московском госпитале имени Бурденко, Кикабидзе узнал за несколько лет до несчастья… от гадалки.

Это случилось в 1979 году в Сухуми. Буба и Нани вместе оказались в Абхазии, и Брегвадзе «сосватала» друга на сеанс к ясновидящей. Вахтанг Константинович не хотел заходить, даже после восторженных слов Нани о том, что гадалка все точно поведала о ее прошлом. Только после того, как услышал в свой адрес «Боишься?», Кикабидзе переступил порог комнаты предсказательницы. Та и поведала ему о грядущей болезни, в результате которой он станет заниматься новой профессией.

Все случилось с точностью до слова. Только с тех пор к вещунам Буба больше не ходит. Говорит, что о своем будущем и так узнает, когда придет время. А о прошлом ему рассказывать тем более нет нужды, о нем он не забывает.

— Отец у меня был, видимо, необычный человек. У него было плохое зрение, но он сам пошел на фронт. Он работал журналистом. В начале 42-го года сказал: «Мне стыдно ходить по улицам». И ушел на войну. Я его почти не помню. Только одну картинку. Перед отправкой на фронт мы пришли к нему с мамой в казарму. Мне тогда всего пятый год шел. Помню, к нам вышел высокий седой человек в очках и форме. У него были офицерские петлицы. Потом я это осознал. В руках он держал кулек из газеты, в котором был изюм. Он сел возле меня на корточки, целовал меня, а я ел этот изюм. Только это и помню. А в конце 42-го года мы получили бумагу о том, что он без вести пропал.

Это случилось под Керчью. Там какая-то непонятная история произошла. Есть версия, что отец был в разведке. Я потом пытался разузнать о его судьбе, даже в контрразведку обращался. А мне говорили загадочную фразу: «Ну вам же никогда не мешали выезжать за границу?» Что они имели в виду? Если бы он был без вести пропавшим, то меня бы не выпустили?

В каких-то странах мне называли фамилию отца. Я его долго искал. Думаю, что он действительно был разведчиком и на самом деле не погиб. Отец знал языки. Говорят, есть фотографии послевоенные, на которых изображен и он.

Во время войны мы с мамой получали пособие, хотя отец числился без вести пропавшим, а такого для членов семей этой категории военных не полагалось. Но маму вызвали и сказали: «Он предатель Родины, но мы вам будем давать пособие. Только вы никому об этом не говорите».

Сейчас-то я уже все знаю: в какой части он служил, что делал.

Все бумаги у меня есть. Отец не погиб в 1942 году. Существует бумага, где написано, что вся часть погибла, кроме двоих — отца и еще одного человека. Они пропали. Есть версия, что их подставили…

Я никому об этом еще не рассказывал. Только что привез из Киева бумаги.

Хотя в Керчи стоит памятник, и фамилия отца на нем есть.

Когда я маму хоронил, то положил к ней в гроб фотографию отца. И написал на памятнике его фамилию. И теперь прихожу на кладбище, словно к отцу и матери.

Знаете, был такой разведчик — Абель. Он несколько лет учился в Тбилиси. И я с ним как-то повстречался: специально пошел в ту семью, где он гостил, и рассказал ему историю про отца. Абель был интеллигентый такой человек. «Я в жизни не стрелял», — сказал он мне. И подтвердил, что моя версия про отца очень похожа на правду. «Это такая работа — разведка. Про меня 16 лет вообще никто не знал, что я жив».

Как-то мы гастролировали по Канаде. После одного из концертов ко мне подошел один из наших сопровождающих: «Вас там спрашивают. Кто это может быть?»

А в Канаде никого у меня быть не может, это же 1967 год. Сопровождающий посоветовал пойти, встретиться. Смотрю — пожилой человек стоит. Поздоровались. Оказалось, грузин. Спросил, как моего отца звали. Я говорю — Константин. «А маму — Манана?..» Маму — Манана.

Оказалось, он был товарищем папы. У него даже татуировка была — имя моего отца, Котэ. Настолько близкие они были друзья. Рассказывал мне про молодость папы, каким его помнил, как они вместе росли. Очень симпатичный был человек.

Сам он во время войны попал в плен. А после освобождения боялся возвращаться. Очень многих, побывавших в плену, на родине сажали… Так он в Америку и попал.

После первой встречи я наплевал на все и постоянно ходил вместе с ним. Видно, человек из сопровождения был в курсе дела, понял, что к чему.

А вообще в те времена на заграничных гастролях встречаться с кем-то из эмигрантов было чревато. Тогда это было преступлением.

Как мои родители познакомились? О, это очень смешная история. Я тоже спрашивал маму, как она, потомок Багратиони и Амиреджиби, двух самых известных и благородных фамилий Грузии, могла выйти замуж за человека, чья фамилия была Кикабидзе. Это ведь дальше некуда. Мама ответила, что все

произошло в доме Бабошки Дадиани, легендарной женщины.

Княжна Варвара, или Бабо (Бабошка), как ее называли в Тбилиси, Дадиани, была удивительной личностью. Великой. Легендарная красавица Тифлиса, дочь знаменитого предводителя дворянства и жена одного из самых богатых людей Грузии, после советизации Грузии отправилась с семьей в эмиграцию, но не выдержала разлуки с Родиной и вернулась в Грузию. С мужем они пережили несколько арестов, репрессии.

Судьба княжны легла в основу моей книги «Тупик Сталина» и в сценарий документального фильма «Бабо».

Еще один штрих на семейном фото Тбилиси. Родители Бубы познакомились в доме Бабошки, сама княжна Дадиани была знакома с Верико Анджапаридзе, а ее дочь — с дочерью Верико, несравненной Софико Чиаурели.

Ну а с Нани Брегвадзе мы вместе работали над документальным фильмом о судьбе Дадиани.

— В доме Бабошки, видно, был какой-то обед, на котором неизвестный молодой человек начал ухаживать за мамой. А как тогда ухаживали? Передал, наверное, маме что-то за столом и просто знаки внимания оказал. Был разгар весны, и на столе лежало много зелени. Мой будущий отец сказал: «Калбатоно Манана, что мне сделать, чтобы вы на меня внимание обратили?» А мама молоденькая была и ответила: «Если пять острых зеленых перцев съешь, то обращу».

Котэ схватил перцы и съел. А они действительно невероятно острыми были. И ему стало плохо. Пришлось даже вызывать «Скорую помощь».

Когда мама вернулась домой, то ее отец уже обо всем знал. «Радио» тогда работало великолепно — кто-то из соседей, видно, ему обо всем доложил.

— Кто там был? — спрашивает дед. — Что за Кикабидзе?

Мама ответила, что он журналист, правда, внештатный.

— Ты его касалась? — продолжил допрос дед. Оказалось, что пока ждали врачей, мама намочила салфетку и положила ее отцу на лоб.

— Да, у него горячка была, — ответила мама.

— Ну, раз дотронулась — должна за него замуж выйти, — постановил дед.

Так мама и вышла замуж за отца.

Что такое любовь? Я помню, как в Тбилиси начали объединять школы, до этого ведь мальчики и девочки учились раздельно.

Однажды я подсмотрел странную игру своих одноклассниц —

они что-то записывали в тетради друг друга. Когда такая тетрадь попала мне в руки, я заглянул. И прочел вопрос: «Что такое любовь в этой жизни?» Там же был и ответ на него: «Любовь — это зубная боль в сердце».

По-моему, очень точно подмечено! А вообще любовь объяснить невозможно. Как было бы хорошо, если именно это чувство возобладало над всеми другими.

После войны мама замуж так и не вышла. Была уверена, что папа жив и обязательно вернется. Всю свою жизнь она его ждала. И повторяла — мы непременно увидимся…

Она умерла, когда ей было 87 лет.

Мама очень-очень верующая была. Патриарх даже наградил ее орденом Святой Нины. Когда она скончалась, я пошел к нему. Попросил, чтобы три дня до похорон мама оставалась в храме. В Кировском садике (в районе тбилисской улицы Киачели. — *Прим. И.О* .) есть старая церковь XII века. Патриарх спросил, что же мешает? А я хотел, чтобы именно он мне дал разрешение.

На второй день, во время панихиды, патриарх сам пришел. Неожиданно. Илия Второй отпел маму. Это было очень красиво.

Мы с мамой материально очень тяжело жили. Пока мне не исполнилось 16 лет, спали в коммуналке в бывшей кухне, прямо на цементном полу. Из-за этого потом и маму, и меня проблемы с ногами беспокоили. Но у нас даже не было возможности сделать деревянный пол. Потом мы поменялись с соседями и стали жить в бывшем коридоре — комнате с тремя заколоченными дверьми. У нас уже восемь метров было, и при этом деревянные полы. Мы называли нашу дверь окном, потому что ее нельзя было закрывать, тут же задыхались. Я спал на раскладушке, которую утром надо было убирать, так как иначе было не развернуться.

И все равно о детстве у меня остались очень хорошие воспоминания. Люди тогда любили друг друга. Духовность была. О каких-то решетках на окнах, как сегодня, и английских замках на дверях и подумать никто не мог.

Мама была очень своеобразным человеком. Когда я уже на ноги встал, то хотел купить ей квартиру. А она обожала соседей, как и они ее. Не могли жить друг без друга. И в итоге мама не переехала в новый дом. А я же не мог всем соседям по квартире купить. Мама согласилась переехать, только когда Циала, ее любимая соседка, получила жилье в этом же доме. Я, разумеется, там обо всем заботился. Оттуда ее и хоронил.

Когда пришли новые времена, мама никак не могла понять цифры на купюрах — миллионы, сотни тысяч. У нее в голове не укладывалось, как сыр может стоить 900 тысяч? Я как-то принес

ей сыр, картошку, овощи. Мама спросила, сколько это все стоило. «Три миллиона», — ответил я.

«Я не буду это есть», — отрезала она. Тогда я сочинил, что в Тбилиси есть один район, в котором все продают по старым ценам. И мой друг там секретарь райкома и помогает мне купить все по советским ценам. Только тогда мама согласилась принимать продукты.

И почти все раздавала. После этого мне уже приходилось покупать на весь дом, чтобы мама микроинфаркт не получила. «Берите, Буба все по старым ценам покупает», — говорила она соседям. Вот так мы тогда жили.

Есть ли у меня ностальгия по тем временам? Есть, конечно. Людей и быт вспоминаю. Не хватает главным образом духовности. А так я всегда ненавидел этот серп и молот. Меня ведь даже выгнали из пионеров. Выстроили всю школу и объявили, что Кикабидзе не достоин быть пионером.

Меня засекли, когда я красным галстуком вытирал ботинки. Играл после уроков в футбол. И боялся, что мама меня побьет за то, что я испачкал единственную пару ботинок. Ну, я и взял галстук и почистил им обувь.

После этого и в комсомол не пошел. А в 50 лет мне почему-то на киностудии предложили вступить в коммунистическую партию. Какую-то, видно, должность мне хотели дать. Но я отказался.

Думаю, в жизни большое значение имеют гены. Мой отец тоже, оказывается, очень хорошо пел. Я вообще считаю, что важную роль играет семья. Человек же не рождается преступником. Но что-то закодированное в нем есть, конечно. И уже семья и общество воплощают этот код в жизнь. И человек вырастает и идет по жизни именно по заданному пути.

Я всегда жил в доме, где половина жильцов была расстреляна, все у всех было отобрано. И все равно приходили гости, люди умели радоваться.

Старшая сестра мамы, тетя Тамара, была женой Николо Мицишвили, который входил в группу поэтов «Голубой рог». У них дома удивительные люди бывали, включая Бориса Пастернака. И нам, детям, разрешали присутствовать на их вечерах. Они не пили, а до утра сидели и беседовали об искусстве.

Дядя Нико был известным поэтом и прозаиком. В один из вечеров кто-то за столом поднял тост за Берия. А Нико сказал: «Я за этого негодяя пить не буду». И той же ночью его забрали. Через

два дня забрали Тамару.

Она семь или восемь лет провела в Магадане в ссылке. А она красавицей была. Именно с нее великий Гиго Габашвили писал царицу Тамару. С этого портрета потом печатали открытки.

На столе в комнате, где мы разговаривали, лежал конверт, который все время привлекал мое внимание. Хотелось узнать — что же в нем? Тем более что Буба то и дело касался его руками. После слов о репрессированной тетке он снова тронул конверт, притянул его к себе и открыл.

В нем оказалась открытка с репродукцией картины Габашвили: царица Тамара с лицом Тамары Мицишвили. Кикабидзе передал открытку мне.

И правда — какая красавица!

— А моего деда звали Константин Багратиони-Давитишвили. Их было четыре брата. Династия Багратиони с девятого века царствовала на грузинском престоле. Когда начались сталинские репрессии, один из братьев деда ушел за границу. Я так знаю.

Мне нравилось гулять по Тбилиси с дедушкой, потому что когда он выходил на улицу, с ним все здоровались, его знал весь город. «Батоно Котэ, батоно Котэ», — раздавалось со всех сторон. А бабушка, мамина мама, рано умерла. Они куда-то поездом ехали, и там плакал ребенок. Бабушка взяла его на руки и стала нянчить. А оказалось, что он был болен тифом. И она заразилась и в 32 года умерла. Дед не женился больше.

Он сам умер в 1949 году, до последнего дня ждал Тамару. Говорил, что пока дочь не вернется, с ним ничего не случится.

И Тамара вернулась. Она была уже инвалидом, работала в ссылке на лесозаготовках. В тот вечер к нам в дом пришли гости. Дед за столом стакан вина выпил и ушел к себе. А утром почему-то долго не выходил из комнаты. Оказалось, он во сне умер.

В это время его младший брат лежал в больнице и там всех предупредили, чтобы ему не говорили ничего. Но кто-то проговорился. Он пришел из больницы на панихиду, увидел брата в гробу и тут же на месте умер. Обоих братьев хоронили вместе.

У меня вообще была выдающаяся семья.

Мой дядя Джано Багратиони — величайший хореограф, ему в Грузии три памятника установлено. В 1937 году его ансамбль песни и пляски улетал в Лондон. Но Джано не пустили за границу. Его вывели прямо из самолета. Так он в своей жизни за границу ни разу и не поехал. Потому что фамилия была — Багратиони.

Я много думал о том времени, о Сталине. И всегда знал: все мои сосланные родственники в общем-то его рук дело. Хотя имя вождя было свято.

В 1956 году в стране вдруг заговорили о культе личности. В Тбилиси хотели убрать памятник Сталину. Из-за этого начались волнения, выступления. Люди были против. Мы, пацаны, все находились возле памятника, горой за него стояли. И в один «прекрасный» день нас вдруг начали окружать. Тогда много ребят погибло…

Я как-то ухитрился уйти. Мы тогда под Фуникулером жили. Никогда не забуду: иду домой и вижу — в белых ночных рубашках стоят матери и ждут своих детей. В памяти осталось, как фотография.

Я вошел в дом. Мама спрашивает: «Ты где был?» Объясняю, что возле монумента был, защищал. И тут она взяла утюг — тяжелый, старый, нагревался углями. И швырнула в меня. Если бы попала — убила. Рядом совсем пролетел. Это я помню очень хорошо.

Про свою личную жизнь Кикабидзе, конечно, подробно рассказывать не любит. Но в Тбилиси утаить что-либо невозможно. Известно, что его жену зовут Ирина, она окончила хореографическое училище имени Вагановой и служила в тбилисском театре оперы и балета. Первым браком была замужем за популярным грузинским актером Гурамом Сагарадзе, в той семье родилась дочь Марина, которая сегодня и дочь Кикабидзе.

А еще у него с Ириной есть сын Константин, работавший раньше в посольстве Грузии в России, теперь он живет в Канаде.

Марина и Константин несколько раз сделали Бубу дедушкой. Остальные подробности остаются за дверьми дома Кикабидзе.

На что Тбилиси маленький город, где, кажется, невозможно утаить ни одной тайны. Но о семье Бубы я лично не слышал ни одной сплетни. Так организовать семейную жизнь, являясь при этом суперпопулярным артистом — особый талант.

— Самой сложной ролью в моей жизни была, пожалуй, роль сына. Где бы я ни был, каждое первое число месяца я приходил к маме и приносил деньги. А мама у меня меньшевичка была. Спрашивала все время: «Ну как там твои русские поживают?» При том, что русских обожала. У нее много друзей было.

Момент самого яркого счастья? Много чего было, когда я радовался. Например, очень хотел сына, и он у меня родился. Причем до того хотел, что когда жена рожала, то начала вдруг смеяться. Мне врач рассказывала потом: «Мы все удивились —

чего она смеется, это же не такой приятный процесс». Подумали даже, что она с ума сошла. А жена просто предвкушала, как я обрадуюсь. Потому что все время об этом говорил.

Большая радость была, когда первый фильм снял. Сценарий написал в больнице, в 1979 году. Вернее, не написал, а придумал и продиктовал. Я не мог даже руками двигать, мне очень серьезную операцию сделали.

Сценарий встретили, что называется, в штыки. Не хотели, чтобы я делал кино. Говорили: мало, что ли, ему — поет, снимается, вот еще кино хочет делать. А я, пока лежал в клинике Бурденко, сочинил четыре новеллы. И после выписки начал рассказывать своим друзьям, словно этот фильм уже видел. И по их реакции понял, что история интересная.

А потом вдруг из Москвы приехали и выбрали именно мой сценарий. И я за тридцать два дня снял художественный фильм. За 250 тысяч рублей — даже по тем временам сущие копейки для кино. Снимал в домах у друзей, как мог, экономил.

Затем снова произошло это «вдруг» — мой фильм послали на кинофестиваль комедийного кино в Габрово, в Болгарию, где он должен был представлять СССР. А у меня тогда даже костюма нормального не было. Друзья одолжили. Перед отъездом я в шутку сказал им, что если у жюри есть вкус, то первый приз получим мы.

Приехали мы на кинофестиваль в Болгарию, а на нем весь мир представлен. У меня там был друг, Валера Макеев, корреспондент программы «Время» в Болгарии. Первый день мы поприсутствовали на церемонии открытия. А потом с Валерой поехали Болгарию смотреть.

На шестой день нас буквально поймали в Пловдиве. Оказалось, главный приз собираются присудить нашей картине и мне, соответственно, надо быть на церемонии закрытия. Туда все в смокингах явились и лишь один я в куртке, как идиот, на сцене стоял.

А Габрово, надо заметить, славилось своим юмором. Ну вроде как Одесса. Про габровцев и их высказывания и поступки каждый год выпускали книги юмористические. Хотя на самом деле это было не особо смешно, так как весь юмор строился на их жадности. И вот на банкете по случаю закрытия фестиваля мэр города вручил гостям эти книги в подарок. Я открыл книгу и сразу попал на такую шутку: один крестьянин пошел у соседа одолжить яички, а тот ему тухлые подсунул. Мне после этого плакать захотелось, а не смеяться. И тогда я сам рассказал мэру не анекдот, а быль.

Был в Тбилиси такой врач Вахтанг Чхеидзе, знаменитый тамада, невероятно остроумный. За ним надо было ходить и записывать его высказывания, такой фейерверк юмора был. Он врачом не работал, некогда было — с утра к нему приходили и просили быть тамадой то на свадьбах, то на юбилеях, то на крестинах. И он никому не отказывал, ходил — при галстуке, с красным носом.

Весь город знал, что у него была любовница, которая работала секретаршей директора завода. И вот как-то Вахтанг вернулся домой под утро, понятное дело, выпивший. Жена его раздевает и вдруг видит на ягодице отпечаток с копирки. Дело в том, что его любовница брала работу на дом и печатала всякие бумаги. И Вахтанг, видно, сел на одну из копирок. Там был текст вроде того, что Южная Африка согласна на поставки чего-то там. Жена Вахтанга, конечно, тоже знала о любовнице, но в этот раз ее уже достала эта ситуация.

Утром Вахтанг проснулся и говорит: «Нуну, хочу боржом!» Жена поставила перед ним воду и спрашивает: «То, что у тебя на правой ягодице написано, это Лили мне написала?» И Вахтанг мгновенно ответил: «Да, и попросила ответ на левой написать».

Когда я рассказал эту историю, мэр Габрова чуть от смеха не упал. Тогда я ему вернул книгу и сказал, когда в ней такая же смешная история появится, я приеду и заберу.

С главным призом мне полагались какие-то деньги. Но я попросил вместо них дать мне дубленку. Тогда было такое время, когда дубленки лишь по большому блату доставали. Их только члены правительства и носили. И мне дали дубленку. Я вернулся в ней в Тбилиси, и весь город за мной ходил.

Не лукавлю, говоря, что у меня был единственный костюм. Ведь ставки-то были маленькие. А потом многим помогал. Я до сих пор человек сорок кормлю. Почти все мои друзья сидят сейчас без работы. В свое время они меня кормили, теперь я их.

Нам за концерты всегда платили мало. Я как-то хотел пропустить один, сходить на футбол. Но руководитель ни в какую. Тогда я пошел к врачу, дал ему, кажется, 5 рублей. За это он написал, что у меня ларингит, петь нельзя. Концерт отменили, организаторы потеряли огромные деньги. Так мы жили при советской власти.

Когда оказывались за границей, конечно, замечали разницу в уровне жизни «загнивающего» капитализма и «процветающего» социализма. Особенно обидно становилось, когда к нам после концерта заходили журналисты. Они бывали такие довольные, интересовались, откуда мы, из какой страны. Тогда ведь не говорили, что из Грузии или Армении. Отвечали — из Советского

Союза.

В те времена целенаправленно все делалось для того, чтобы наших за границей не любили, старались с нами не иметь дела. Да мы и сами тому способствовали своими поступками, политикой удивительной и непонятной.

Но наши концерты проходили везде «на ура». Мы самостоятельно все придумывали, ставили, делали. С нами работали замечательные композиторы, поэты. А ведь искусство в любом своем проявлении — это лицо страны. Это касается и художников, и писателей, и поэтов, и артистов, и спортсменов. Всех.

Купить за границей мы почти ничего не могли. Возили с собой огромный чемодан, который называли чемодан-буфет. В него помещалось все необходимое, включая обязательный кипятильник. Так и ездили — несчастные, голодные, бедные артисты, которые приносят своей стране большой доход…

Один раз зашли к нам немцы. Двое их было. Они оказались с юмором. Мы кипятильником чайник стали греть. А они так искренне восхитились: «О, это что такое! О, гениально, кто это придумал!» Как будто кипятильника не видели.

В жизни популярного и востребованного актера действительно были времена, когда он, любимец миллионов, оказывался на мели. В 1982 году власти сделали все, чтобы Кикабидзе не мог гастролировать по некогда необъятной стране. Как следствие, заработков не стало. И под Новый год, который в Грузии неизменно отмечают роскошными застольями, глава семьи остался без денег. От депрессии спас… звонок из Комитета государственной безопасности. Кикабидзе попросили приехать. И вручили премию КГБ за исполнение роли агента ЦРУ Глэбба в сериале режиссера Владимира Фокина «ТАСС уполномочен заявить…». К лауреатской медали прилагался конверт с деньгами. Которые и спасли Бубу от пустого праздничного стола и грустных мыслей…

— Моя самая честолюбивая мечта, к сожалению, не сбылась. Я всегда хотел сыграть Хаджи Мурата. Думал, вот сыграть бы его — и потом уже можно больше ничего не играть. Каждый год перечитывал эту повесть. И вот все в том же 1979 году, лежа в госпитале имени Бурденко, я узнал от Георгия Данелия, что у него есть сценарий этого фильма.

Я из больницы вышел абсолютно лысый, мне же череп вскрывали. Мне на тот момент было 40 лет — точный возраст Хаджи Мурата. И я худой, с бритой головой, прихожу к Данелия. Тот открывает дверь и первое, что говорит: «Шамиля будешь

играть». Но ничего из этого не вышло, картину закрыли. Потом эту повесть хотел экранизировать Георгий Шенгелая. Но он почему-то в этой роли Роберта де Ниро хотел снимать. Но и у него ничего не вышло.

Вообще мне два героя с детства близки — Хаджи Мурат и хемингуэевский Гарри Морган из «Иметь или не иметь».

Мне нравятся мужики, которые за себя отвечают. Я считаю, что человек свое дело должен сам делать и ни на кого не надеяться.

Летом 2012 года Грузию облетела страшная новость — умер Буба. Как, наверное, у всякого разменявшего восьмой десяток, у Кикабидзе случились проблемы со здоровьем. Но в смерть любимого актера верить не хотелось.

Сомневавшиеся в скоропостижном уходе Кикабидзе оказались в победителях. А сам Буба, тоже узнавший о своей смерти от журналистов, теперь будет долго жить — примета. Когда его потом спрашивали о самочувствии, он отвечал, что все в порядке и те, кто распускает подобные слухи, увы, не впервые, могут быть спокойны — перед своим уходом он лично наберет их номер телефона.

О якобы смерти Кикабидзе я узнал одним из последних. Через несколько дней я прилетел в Грузию. Набрал номер мобильного Бубы и узнал, что мы находимся по соседству друг от друга — я в аджарском Кобулети, а он в Гонио, тоже неподалеку от Батуми. В те дни как раз завершалась работа над мюзиклом «Кето и Котэ», в которой Вахтанг Константинович тоже принимал участие. Поводов не увидеться не было. И на другой день я уже ехал в сторону турецкой границы — многоквартирный дом, в котором расположены апартаменты Кикабидзе, находится всего в нескольких километрах от пограничного поста.

Выглядел Вахтанг Константинович, признаюсь, не очень — только-только перенес болезнь. Но в остальном передо мной был все тот же Буба: философ и шутник, рассказчик и мудрец.

— Больше всего горжусь своей семьей. Она для меня самое главное в системе ценностей. Хотя жена говорит, что у меня все наоборот. На первом месте Родина, на втором — друзья, и только потом — семья.

И наверное, она права: на первом месте, думаю, все-таки Родина. Я могу ради нее все, что угодно сделать.

Мне кажется, если человек не относится к своей родине трепетно, значит, есть у него какой-то очень большой минус. Мне трудно это объяснить словами. Но я так понимаю, так живу.

Если ты чем-то занимаешься, но своим трудом не приносишь пользы родине, то это не твое дело.

Но и для семьи я тоже все, что мог, делал и делаю. А вот когда у Грузии был сложный момент, я о них забыл. Самое большое горе случилось 9 апреля 1989 года. Я тогда был на гастролях в Майкопе. Помню, восьмого числа звонил в Тбилиси, а здесь уже молодежь сидела перед Домом правительства. Мы такого никогда и не видели. Матери и жены ходили и носили им бутерброды, кормили.

А у меня был контракт, и я просто не мог находиться в Тбилиси. И вот звоню я жене, а Ира мне говорит, что на улице все больше и больше народу собирается. Никто же не мог себе представить, чем это может закончиться. Так получилось, что девятого апреля я не сумел позвонить. Позвонил только десятого утром (а у меня впереди еще 21 концерт должен был быть) и вдруг слышу, что моя Ира плачет в телефоне: «Нас убивают лопатами».

Самолеты в Тбилиси тогда не летали, поезда не ходили. И только два чеченца согласились доставить нас домой. У меня был коллектив из 85 человек, весь государственный оркестр «Рэро», которым я руководил. Мы на двух «Икарусах» 16 часов ехали. И только когда въехали в город и я увидел танки на улицах, то смог поверить в происходящее. И я сломался абсолютно, не помнил даже, что происходило. Мне жена потом рассказала, что я закрылся в туалете и плакал, как ребенок. С тех пор во мне что-то изменилось.

В политику я не лезу, но интересуюсь, конечно. Нынешние политики думают, что они вечны. А ведь они все временны. И потом правнуку может быть стыдно называть фамилию деда и прадеда. История такая вещь, что в ней ничего не проходит бесследно. Нельзя после себя гадости оставлять.

Какой главный урок от жизни я получил? Меня мама всегда учила, она верующая была: «Никогда никого не наказывай. Бог сам накажет. Не мсти. Если тебя обидели, если человек не прав, то он потом сам к тебе придет». И мама оказалась права. Именно так все и происходило. Я понял, что за все в жизни воздается по заслугам.

Надо уметь прощать. Но и выживать тоже надо уметь, к сожалению. Потому что тот, кто угрожает, может и раздавить.

Я себя в обиду не даю. И доволен своей жизнью. Во-первых, никогда ни у кого ничего не просил. А если и ходил просить, то все знали, что я делаю это для постороннего человека. Во-вторых, когда я в течение пяти лет, это в девяностых годах было, не

работал: не снимался, не пел и ничем не занимался, то не ныл и не навязывал себя — вот, мол, какой я популярный, а вы меня бросили. Я нашел себе занятие: вместе со всеми был на улице, охранял хлебозавод. А как-то нам сказали, что одном районе Тбилиси собралось много мусора. В те годы в Грузии беспредел был, никто не убирал ничего. Все службы не работали, полиции не было.

И мы нашли два грузовика и вместе с друзьями поехали в тот район и начали убирать мусор. Потом я сказал своему коллеге, актеру Отару Мегвинетехуцеси, что если нас перестанут снимать в кино, то у нас есть работа. Можем ездить по городу и собирать мусор.

Я счастливый человек, абсолютно! Во-первых, я всю жизнь занимаюсь тем, что доставляет мне удовольствие. А девяносто процентов моего окружения занимаются тем, что может их прокормить. Во-вторых, я объездил весь мир. В-третьих, старшее поколение со мной говорит на «ты». Я раньше думал, почему это они так со мной обращаются, мы же не знакомы. А потом понял, что просто они считают меня членом своей семьи. Из-за моих песен.

А еще я счастливый, потому что у меня трое внуков, хороших ребят. Да и что такое счастье? Это растяжимое понятие. Семья, согласие, возможность любимым делом заниматься. Самое большое счастье, когда посторонний человек на тебя смотрит и улыбается. Это очень важно.

Меня часто спрашивают — если все начать сначала, как бы я жил? Так и прожил бы. Мы тяжело росли, очень тяжело. Впроголодь. Мне, наверное, сверху кто-то помогал, вокруг меня всегда были хорошие люди. Всегда. Других почти не было. Может, это и от меня зависело, не знаю. Так вот в жизни повезло. И когда я наконец решил написать книгу, оказалось, что пишу о них, а не о себе. Один — еврей, другой — русский, третий — армянин, четвертый — узбек, пятый — англичанин или немец. Они, эти люди, были. И на таких людях держится мир.

Не обижает ли, что, когда люди слышат мою фамилию, в первую очередь вспоминают «Мимино»? Вначале обижало. А потом перестал обращать на это внимание. Между прочим, как раз недавно в который раз посмотрел этот фильм. Лежал на кровати в гостинице, переключал каналы и случайно попал на «Мимино». И так и досмотрел до конца. Хороший фильм, смешной.

Сам сценарий писали под меня. И это единственный случай в

моей жизни, когда я все знал заранее. Почти все сцены придумывали и писали вместе, я сидел рядом с авторами. Это на Западе так принято, что актер заранее в курсе всего. А у нас — нет.

Что фильм окажется настолько популярным, никто, конечно, не знал. Вообще всем было непонятно, на каком языке мы говорим. Первый материал смотрели на «Мосфильме», в маленьком зале. Все попадали со стульев! Тогда мы поняли: происходит что-то непривычное. Взорвалась бомба. Это, конечно, массовый фильм. И до сих пор не стареет картина.

Я снимался с удивительным актером, Фрунзиком Мкртчяном. Очень близкими друзьями мы не были. У него были свои проблемы. Сначала я не знал, в чем дело, не понимал. Думал — какой смешной человек с такими грустными глазами. А у него непростая судьба была. Жена, двое детей — погибли все…О болезни первой супруги, насколько я знаю, они не говорят до сих пор.

В Армении, в Дилижане, открыли памятник героям «Мимино». Стали и мне звонить, приглашать на открытие. Я не смог поехать никак. Лежал с воспалением легких. А через два дня мне надо было попасть на съемки в Ереван. Вот тогда и заехал. Очень смешной памятник — знаменитая дилижанская вода, с одной стороны стоит армянин, с другой — грузин, а сзади русский, Леонов.

В Тбилиси, в Авлабаре — районе Старого города, тоже поставили. Бронзовый памятник, церетелевский. Тот, который хотели установить в Москве на Чистых прудах несколько лет назад. Потом наши правители что-то между собой не поделили. Дело остановилось.

А теперь пьедестал в старом тбилисском районе, у здания армянского театра. Сквер вокруг разбили. Журналисты спрашивают: приятно, что это ваш памятник? А это не мой памятник. Если бы был мой, я бы отказался. Он в честь персонажей фильма «Мимино». Меня, честно говоря, и не спрашивали. Но плохой реакции ни у кого не было, потому что очень картину любят.

Вообще-то по первоначальной задумке фильм должен был быть совсем иным — Данелия хотел рассказать историю о летчике, который пишет стихи, играет на трубе и на ночь привязывает свой вертолет на цепь к какому-нибудь дереву.

Сценарий был одобрен Госкино, и уже определена дата начала съемок. Но тут в гости к режиссеру неожиданно нагрянул его давний друг Резо Габриадзе, который напомнил Гие об истории

летчика, который всю жизнь мечтал пилотировать лайнеры, выполняющие международные рейсы, воплотил мечту, а потом все равно вернулся в свою высокогорную деревушку и продолжил перевозить на вертолете крестьян. Данелия тут же переписал сценарий и в результате начал снимать совсем другую картину.

В том, что роль Валико Мизандари будет играть Вахтанг Кикабидзе, никаких сомнений не было. А вот на роль его соседа, товарища Хачикяна, у режиссера были две кандидатуры — Евгений Леонов, которого Данелия снимал во всех своих фильмах, и Фрунзик Мкртчян. Дилемму разрешило… подбрасывание монет. Решка — снимается Леонов, орел — Мкртчян. Выпал орел. Впрочем, Леонов в картине тоже появился — в роли фронтового друга Котэ Мизандари.

Съемки проходили в нескольких местах, в том числе в высокогорной деревушке в Грузии, где снимались натурные сцены, и в гостинице «Россия», в которой жили герои ленты. Теперь, после того как гостиница снесена, «Мимино» можно назвать своеобразным экспонатом в музее уничтоженной столичной архитектуры.

Несмотря на то что в титрах картины Фрунзик Мкртчян не значится соавтором сценария, множество смешных эпизодов придумано именно им. Чего стоят одни только фразы «Я тебя один умный вещь скажу, только ты не обижайся» или «Я тут сейчас так хохотался».

А вот за то, что водопроводную воду в Дилижане герой Фрунзика поставил на второе место после Сан-Франциско, на режиссера потом многие обиделись. И долго пытались убедить, что в Дилижане — самая лучшая вода в мире.

Одной из сложностей во время работы над «Мимино» стало увлечение Мкртчяна горячительными напитками. Дошло до того, что Данелия поставил актера перед выбором — либо он снимается в картине, либо продолжает пить. Разумеется, Фрунзик выбрал работу. А дня через два после начала «сухой» жизни не выдержал, ворвался рано утром в комнату Данелия и произнес очередную фразу, ставшую крылатой: «Я понял, почему бездарности правят миром. Они не пьют, и у них остается очень много энергии на всякую ерунду!»

Съемки шли достаточно легко. Если не считать сильных зимних морозов, выпавших аккурат на дни, когда снимался эпизод возле Большого театра, где Валико напрасно ждал Ларису Ивановну. Костюмы для актеров подбирались летом, поэтому и Кикабидзе, и Мкртчян, не предполагая, как может быть ТАК холодно, выбрали для своих персонажей легкие курточки. В результате дрожать в кадре им приходилось не только по

сценарию.

Основные же трудности начались, когда «Мимино» уже был снят. Ленту выдвинули в конкурсную программу Московского международного кинофестиваля. И тут же потребовали вырезать из фильма эпизод звонка в Телави, в результате которого герой Кикабидзе попадает в Тель-Авив и начинает разговаривать с эмигрировавшим в Израиль грузином.

Данелия категорически возражал против подобной редактуры, даже предлагал положить «Мимино» «на полку», как в советские годы поступали со множеством великих картин. В итоге спор с киношным начальством закончился компромиссом — из фестивальной версии «Мимино» эпизод с телефонным звонком был выброшен, а в копии, которую затем увидел весь мир, эти кадры остались.

…Прошло не одно десятилетие, а «Мимино» остается одной из самых любимых комедий. Фразы его героев давно пошли в народ. Как вспоминает Георгий Данелия, после выхода картины появилось даже новое имя — Ценадо. Когда он спросил, какое отношение это имя имеет к «Мимино», ему напомнили эпизод, во время которого герой Кикабидзе идет по своему селу и, встречая девушку, назидательно говорит ей: «Здороваться надо». Кто-то эту реплику услышал как «Здорово, Ценадо» и дал в честь полюбившегося фильма это имя своему ребенку…

Для многих поклонников Кикабидзе не только Мимино, но и исполнитель песни «Мои года — мое богатство». Историей, связанной с этой песней, поделился Георгий Данелия: «Когда песня «Мои года — мое богатство» была очень популярна, про Бубу ходил такой анекдот. Буба однажды вернулся домой и увидел: дверь взломана, но из квартиры ничего не украдено, а на столе записка: «Мы думали, что ты шутишь, когда поешь, что твои года — твое богатство». Но я знаю — это не анекдот, а чистая правда. Буба — человек широкий, многим помогает, и, несмотря на то, что он был очень популярен и хорошо зарабатывал, на себя и свою семью у него мало оставалось. Всю жизнь он прожил в маленькой кооперативной квартире, и даже машины у него не было. Первая собственная «Волга» у него появилась в шестьдесят лет. И то он не сам купил — а ему ее подарили на юбилей. В придачу к годам».

— Расскажу вам еще одну историю. В 1996 году заложили мою именную звезду в Москве. Через несколько дней я вернулся домой в Тбилиси. У нас тогда уже проблемы со светом были. И вот сидим мы с женой за столом, и я ей говорю: «Теперь ты можешь официально сказать, что твой муж — звезда». И так

получилось, что в этот момент в доме погас свет. И жена ответила мне: «Ну, если ты звезда — свети!» Я для себя ответил на вопрос, зачем человек живет. Да задолго до меня это сделали: чтобы посадить дерево, построить дом, вырастить ребенка. Я с этим согласен абсолютно.

Я люблю ходить в церковь. Тихо там. Успокаиваешься. Человек должен во что-то верить, иначе жить невозможно. Я никогда не забуду мамины слова. Маленьким был, один раз спросил у нее: «А ты Бога видела?» Она ответила, что видит Его каждый день. Я был удивлен. А мама сказала: «Это ты. В каждом человеке заложен Бог». Я запомнил…

Удивительные дела случаются в Тбилиси! Познакомившись с давней подругой Нани Брегвадзе Элеонорой Прохницкой, я услышал от нее немало историй не только о грузинской королеве русского романса, но и ее коллеге и друге — Бубе Кикабидзе. Ну да я пишу об этой в первой главе.

Элеонора Болеславовна вспоминала о своих поездках в Грузию, о том, как бывала у Бубы в его новой квартире, что возле тбилисского зоопарка. Дело происходило лет тридцать назад.

И надо же было такому случиться, что получив приглашение в гости от дочери Кикабидзе, я вдруг понял, что оказался в той самой квартире.

Марина показывала свою уютную квартиру и, подведя, к окну, сказала:

— А там у нас слоны живут.

Я невольно улыбнулся:

— Подождите, а не в бывшей ли квартире Бубы мы находимся?

Марина кивнула:

— Точно. А вы откуда знаете?

Сегодняшняя хозяйка просторного жилища — актриса тбилисского театра имени Руставели Марина Сагарадзе. Впрочем, иной профессии у нее, наверное, и быть не могло. Дело в том, что у Марины… не один, а два отца, и оба известные, уважаемые люди: прославленные актеры Гурам Сагарадзе и Буба Кикабидзе. С отцом Марины, выдающимся актером театра имени Руставели, мать Марины рассталась, когда девочка была совсем маленькой. И вскоре встретила свою большую любовь — Вахтанга Кикабидзе, с которым они вместе вот уже несколько десятков лет.

По словам самой Марины, Вахтанг Кикабидзе — огромная часть ее жизни, человек, наполнивший существование теплом и яркими красками.

— Когда Буба вошел в нашу семью, мы жили в Тбилиси на бывшей улице Дзержинского, сейчас она называется Ингороква, в

очень красивом старом доме. Квартира принадлежала моей бабушке, была она небольшой, а умещалось в ней семь человек: моя мама Ира, Буба, я, мой новорожденный брат Кока, бабушка, дедушка, мой любимый дядя Миша. И еще большая собака — немецкая овчарка по кличке Король.

Мама Бубы — Манана Багратиони, жила недалеко от нас. У нее была 10-метровая квартирка, просто крошечная. Когда мама с Бубой поженились, Манана на какое-то время перебралась к своей сестре, чтобы молодожены хоть на какое-то время могли оставаться наедине. Вечером они отправлялись в ту квартиру, а днем бывали с нами. Впрочем, мама и Буба много разъезжали, их жизнь была украшена частыми поездками.

Как они познакомились? О, это интересует многих. Но почему-то сами родители никогда про это не рассказывают. То ли не хотят, а может, просто никто не спрашивал. Да что там, если я сама точно не могу ответить на этот вопрос.

Как-то пыталась выяснить у мамы, спросила: ты можешь рассказать, где вы познакомились, как он тебе предложение сделал? Мама очень мудрый человек и хороший рассказчик. Должна только сама захотеть, но часто на подобные разговоры не настроена. Вот и мне в тот раз не повезло, подробностей об их знакомстве и начале романа я так и не узнала. Как-то не принято у нас дома предаваться подобного рода воспоминаниям.

Но в общих чертах, конечно, я осведомлена. Ирина и Буба познакомились на гастролях в Венгрии. К тому времени мама была солисткой балета Тбилисского государственного театра оперы и балета имени Палиашвили. В Грузию она вернулась из Ленинграда, где окончила Вагановское хореографическое училище. Была довольно успешной солисткой, танцевала главные партии в спектаклях, ездила на гастроли.

В тот раз ее театр отправился в Венгрию. Там же оказался и Буба — приехал выступать, кажется, в рамках дней культуры. И все началась. Но вот каким именно образом они познакомились: пришел ли Кикабидзе на мамин спектакль, или все случилось на общем приеме — неизвестно. Вообще, странно, конечно: говорю сейчас с вами и сама понимаю, как многого не знаю.

Буба на тот момент был никому не известный молодой певец. Мама рассказывает, что он был бесконечно обаятельным — даже когда просто заходил куда-то, его появление всегда сопровождал фейерверк юмора, таланта и веселья. Он просто излучал доброту. Не попасть под обаяние Бубы было невозможно.

В Венгрии, видимо, искра и пробежала. Это была безумная любовь, очень романтичная. Буба потом, когда у него была возможность, ходил на мамины спектакли, обязательно с

цветами, сидел в зрительном зале. И очень радовался ее успеху.

Мой родной отец — великий грузинский актер Гурам Сагарадзе. Так говорю не потому что, что речь идет об отце. Заслуги и дар Гурама — уже факт истории.

Родители расстались, когда мне было семь лет. Ушла ли Ира от отца ради Бубы? Кажется, мои родители расстались не поэтому, они уже собирались расходиться. Возможно, встреча с Бубой просто стала последним толчком. А у мамы с папой сохранились изумительные отношения — теплые, искренние, человеческие.

Папа потом тоже женился и был счастлив. Мы с ним всегда общались, он мне многое дал. Гурам не только восхитительно играл на сцене, он неповторимо читал стихи Галактиона Табидзе. И эта его любовь к поэзии передалась и мне. Сегодня на столике у меня стоят фотографии моих предков и Галактиона Табидзе. Гениального поэта я считаю таким же близким, как и своих родных.

Что касается отношений Ирины и Бубы, то эта любовь оказалась безумной. Свое чувство они сумели пронести через всю жизнь. Мама человек мудрый. Ее часто спрашивали, как она терпит, что все вокруг любят Кикабидзе, что у него столько поклонниц, что все хотят с ним общения. Мол, не расстраивает ли ее это. Мама очень хорошо ответила: «Всеобщее внимание и любовь к Бубе мне, наоборот, только приятна. Во-первых, зачем нужен муж, который никому, кроме тебя, не нравится. А во-вторых, речь идет о поклонниках — людях, которые почитают его творчество. Так я потому и вышла за него замуж, что он безумно талантливый человек и бесконечно теплый».

Выходя замуж за Бубу, Ира сделала резкий шаг и в своей карьере. На тот момент она проработала в театре около пятнадцати лет. Еще немного, и она могла выйти на пенсию, ведь балетные артисты служат на сцене не больше двадцати лет. Но мама не стала ничего ждать. И, к удивлению многих, вдруг ушла из театра. Причем сделала это на пике карьеры, хотя могла еще работать, создать что-то новое.

Уже став взрослой, я ее спросила, почему она так поступила. Мне было интересно. Мама ответила, что для нее перспектива сделать еще что-то на сцене была ничуть не важнее, чем возможность находиться рядом с Бубой.

Но и становиться простой домохозяйкой она не собиралась. Пребывая в полном творческом расцвете, Ирина сделала себе несколько изумительных танцевальных номеров. Не сама, конечно, ставила, ей помогал хореограф. И с этими номерами ее взяли в ансамбль «Орэра», где пел Буба. Помню, она танцевала

чарльстон, грузинский танец, причем в нескольких вариациях. А каким было мамино платье — национальный костюм, в котором она танцевала, никогда не забуду. Потом я даже фотографировалась в нем.

Словом, получилась прекрасная программа, благодаря которой вместе со своим любимым мужем Ира объездила весь мир. Очень верно она поступила, окончательно не порвав с профессией. В итоге побывала во многих странах, причем в каждой останавливались надолго. В Сингапуре, к примеру, целый месяц жили, и это в то время, когда об этой стране в Грузии не все даже слышали! Когда сегодня мама спрашивает мое мнение о том, правильно ли она поступила, уйдя из театра, я искренне отвечаю: «Абсолютно!»

«Орэра» в те годы был невероятно популярен, собирал полные залы по всему миру. При том что какого-либо контакта с диаспорами соотечественников тогда не существовало. Но тем дороже, что ансамбль из далекой Грузии всюду принимали с восторгом. Зарубежных поездок было предостаточно. Программа пользовалась популярностью — зрителям предлагали выбор: от грузинских песен, народных и эстрадных, очень мелодичных, до песен стран мира.

Репертуар у Бубы был на любой вкус. Он начинал с английских песен, с подражания такого, а потом пел, кажется, все, даже мексиканские композиции. И это у него так здорово получалось! Вокал в коллективе был на высоком уровне. Потому и пользовались успехом. Не зря «Орэра» посылали как представителей Союза по всему миру.

Буба меня безумно баловал, привозил со всего мира подарки, очень красивые вещи. Вообще, мое главное детское ощущение — это то, что Буба подарил мне какой-то другой мир. Например, когда мне было лет десять — одиннадцать, я была уже почти подростком, он открыл для меня мир джаза. Тогда я узнала такие имена — Рей Чарльз, Нат Кинг Коул, Фрэнк Синатра. Думаю, немногие советские дети о таком хотя бы слышали. А нам с братом Буба постоянно привозил из заграницы пластинки. Наши первые диски были такие синие, гнущиеся. На каждом было по две песни — например, на одной был записан Рей Чарльз, на другой — Нат Кинг Коул. Буба мне говорил — запомни, это потрясающие мастера, очень хорошая музыка…

Потом, когда мой брат стал подрастать, он, хоть и остался безумным меломаном, но уже был увлечен немного другой музыкой. А я до сих пор люблю мелодии, которые услышала благодаря Бубе. Для меня он и джаз — это одно целое. Как я могу не благодарить его за этот мир, целую вселенную, которую он

мне открыл.

А еще у Бубы была потрясающая коллекция масок. Они все висели в одной комнате этой квартиры, где мы разговариваем. Сейчас они в новом доме размещены, на мансарде. Там есть совершенно роскошные экспонаты — не просто деревянные, черные или белые. Нет, маски были такие же, как сам коллекционер — радужные, красочные, непохожие одна на другую. Привозились они из Непала, из Бирмы, из разных африканских стран. И многие, на первый взгляд, казались пугающими.

Однажды я спросила Бубу — почему у масок такое недоброе выражение? Тем более, что они висели в моей спальне, и мне порою становилось не по себе. И он объяснил, что так нужно, чтобы отпугивать злых духов, а на самом деле маски добрые. С тех пор я перестала бояться спать в комнате, где находилась коллекция. А когда меня спрашивали, не страшно ли мне по ночам, отвечала, что, наоборот, маски меня защищают, и я чувствую себя в полной безопасности.

Буба никогда не бывал со мной строгим. Громкого голоса в свой адрес не припомню за всю мою жизнь. Хотя строгим он быть умеет, правда, ненадолго — в силу своего характера. Я хорошо его знаю и понимаю — мы с ним представители одного знака Зодиака, оба Раки. Он может вспылить буквально на мгновения, и то — очень редко. Не знаю, до какой крайней степени раздражения должен Буба дойти, чтобы повысить голос. Он может раздражаться, но не кричать — не помню, что бы он на кого-то орал. Самое страшное, что может произойти — когда он в себе замкнется и вообще перестанет разговаривать.

Что еще отличает Кикабидзе, кроме огромной доброты, — это детская наивность. Она, может, не всегда заметна с самого начала, даже наоборот, Буба может показаться каким-то насупленным. Но он реагирует на все, как ребенок. Предположим, случилось что-то неприятное, грустное — другой будет переживать из-за этого минут десять, ну, полчаса, может, поговорит об этом, и пойдет дальше. А Буба воспримет, как тяжелейшее личное событие. Особенно, если это касается Грузии.

Когда происходит что-то трагичное со страной, это его просто уничтожает на какой-то период времени. Помню, он год не разговаривал! Даже с нами, своими близкими, не общался. Наверное, все переживают, но не знаю человека, который бы так реагировал. Он ни есть, ни пить, ни спать не может.

Для меня Буба — родной человек. Ничем не отличается от отца, потому что красной нитью прошел через всю мою жизнь, он

такая же полная ее составляющая, как и Гурам.

Буба очень теплый и заботливый человек. Он всегда, что называется, дрожал надо мной. Ну, вот одна история. Мне было, кажется, лет тринадцать. Помню, словно это было вчера. Я серьезно заболела, лежала в постели с высокой температурой. Наступает вечер и домой возвращается Буба. Он обычно поздно приходил, когда уже все угомонятся. Я ему начинаю жаловаться, как мне плохо, у меня температура, и вообще я умираю. Он возмутился: как это так, ребенок больной, в чем вообще дело!

Сейчас, заявляет, я тебя буду лечить, только никому не говори. Пошел, налил самую маленькую рюмашку чачи, сверху посыпал черным перцем. И принес мне. Правда, предупредил, что будет очень гореть в горле, научил, что сначала надо вдохнуть, затем выпить, и только потом выдохнуть. Я все сделала, как он сказал. И вылечилась — температура упала буквально через полчаса. Довольный Буба был счастлив — вот так надо лечить, а вы эти таблетки-микстуры. Правда, потом пришла моя бабушка и возмутилась, что он дал ребенку! От нее, говорит, чачей пахнет! Буба тут же попытался оправдаться — нет, говорит, это просто спирт, которым натирают…

Отношения бабушки с Бубой — это отдельная история, они были совершенно потрясающим. Бабушка зятя приняла очень хорошо, они дружили. При том, что могли со стороны показаться людьми прямо противоположными. Буба, с его невероятным чувством юмора, и бабушка — серьезная, такая классическая домоправительница, которая строго держала дом.

Ее звали Мария Спиридоновна Кебадзе. Всем известно, что Бубина мама — потомок царского рода Багратиони. Но и у моей мамы происхождение очень интересное. Мы, конечно, соперничать с Багратионами не можем, но со стороны бабушки, маминой мамы, у нас достойная родовая ветвь князей Абашидзе. Дед моей бабушки был предводителем дворянства Кутаиси. Довольно влиятельные были люди.

История бабушкиной семьи, пожалуй, заслуживает отдельной книги. Я сейчас так жалею, что не включила в свое время диктофон, когда бабушка вспоминала о своем прошлом. То были удивительные вещи!

Например, она рассказывала о приемах у Матильды Кшесинской, знаменитой балерины и фаворитки Николая Второго. Девочкой бабушка жила в Петербурге. У ее родителей была роскошная квартира на Невском проспекте, с белым роялем в гостиной. Тот прием, о котором говорила бабушка, состоялся незадолго до отъезда Кшесинской в Париж. В России все уже было зыбко и становилось очевидным, что прежнему благополучию

приходит конец. Близилось Рождество. В особняк Кшесинской был приглашен весь свет — графы, княгини, князья, офицеры. Моя прабабушка, Варвара Михайловна, тоже была приглашена на прием вместе с детьми. А их у нее было пятеро. Моя бабушка, Марья Спиридоновна, была совсем маленькая и, как все отмечали, очень красивая. У нее были огромные серые глаза, кудри, одним словом, она была похожа на чудесную куклу. У Кшесинской, как рассказывала бабушка, своих дочерей не было. А балерине, видимо, очень хотелось иметь именно дочь.

В тот раз бабушка, как она вспоминала, сидела, не шевелясь, на диване — замерла, словно, и правда, кукла. А когда, наконец, сделала какое-то движение, все ахнули — какой ребенок! Сама Кшесинская подошла к моей прабабушке, и попросила отдать ей малышку, хотела забрать ее с собой в Париж. Обещала сделать из нее прекрасную балерину. У вас, говорит, пятеро дочерей, а у меня — ни одной. Бабушка рассказывала обо всем этом очень образно, она ведь была актрисой. По ее словам, Кшесинская получила такой ответ: вот у меня пять пальцев, какой из них вы мне отрежете? Это мои дети, никого из них отдать я не могу.

Помню, я еще бабушке сказала — лучше бы тебя отдали, ты бы уехала в Париж и прожила совсем другую жизнь. Потому что здесь у нее жизнь была тяжелейшая. Она — самая младшая из сестер. Старшие повыходили замуж за очень серьезных людей, и когда в 1917 году случилась революция, кто-то из них эмигрировал, и вся семья распалась.

Прадедушка, Спиридон Кебадзе, служил в царской армии. Когда он лежал раненный в госпитале, подарок ему преподнесла сама государыня. Спиридон был из простых, что называется, не благородных кровей. Но своим талантом и трудолюбием сумел дослужиться до полковника царской армии и жениться на княжне Абашидзе. Жили мои предки в Петербурге яркой светской жизнью.

Бабушка вспоминала, как ее родители оставили свой прекрасный дом. Их вынужденный отъезд из Петрограда — это просто хождение по мукам. Прабабушка успела сложить все свои драгоценности в большой ларец, скрутила все, что можно было унести из одежды, в узлы. Но выйти из дома не успели, — пришли представители революционного комитета. Физически спастись удалось благодаря денщику моего прадеда. Потому что когда незваные гости начали искать хозяев, денщик спрятал их в своей маленькой комнатке, где-то внизу. А вооруженным визитерам сказал, что хозяева уже ушли. Так прадед и выжил, иначе бы его расстреляли прямо на месте.

Из Петрограда они отправились в Грузию — с мытарствами,

через Баку. Естественно, по дороге все свое добро продали, пережили дикий голод. Прабабушка ничего не умела делать, вообще понятия не имела о хозяйстве. Один раз сварила курицу прямо с перьями. Поэтому на мою бабушку тяжелая доля легла с самого детства. Она пережила войну, вышла замуж, родилось двое детей — моя мама и ее брат.

Вот в такую семью попал Буба. И бабушка, и дедушка — представители старой тбилисской интеллигенции, с изумительным кругом общения, с чудесным образованием. Бабушка прослужила в русском драматическом театре имени Грибоедова 55 лет, была заслуженной артисткой Грузии. Мамин отчим, Мавр Пясецкий, тоже был очень известным актером Грибоедовского театра, народным артистом. Для меня — он родной дедушка, другого я и не знала.

У нас дома было очень весело. И, конечно, Бубе это безумно нравилось. Бабушка тоже сумела по достоинству оценить зятя. Они были с колоссальным юмором, у нас постоянно случались какие-то посиделки.

Я сама закончила русскую школу. В Тбилиси же в основном преподавали на грузинском. И я тоже поначалу ходила в грузинскую школу, номер один, которая считалась самой престижной. Но потом, когда мы с мамой переехали к бабушке с дедушкой, встал вопрос моего образования — дома-то все говорили по-русски. Потому что бабушка, хоть и была чистокровной грузинкой, но приехала из Петербурга, здесь работала в русском театре, и с дедушкой говорила тоже по-русски. Мама моя — тоже самое. В результате взрослые не могли меня проверять — как я занимаюсь, как выучила уроки, да элементарно, что пишу. При том, правда, что училась я всегда очень хорошо. И в итоге меня перевели в русскую школу. О чем я никогда не жалела.

Театр имени Грибоедова находился совсем недалеко от нашего дома. Бабушке и дедушке нужно было только пройти несколько метров от улицы Дзержинского до проспекта Руставели, где находился театр. Безумно жаль, что старое здание снесли, когда строили универмаг. Это — трагедия! Такой особняк уничтожили, не сохранились такую красоту! Из-за бетонной коробки снести красивейший особняк, перед ним был роскошный фонтан, разбит сад, сам дом был весь сине-белый, интерьер выполнен в стиле ар-нуво. Мама моя до сих пор почти рыдает что не уберегли ту красоту. Она, между прочим, со своим братом, моим дядей, принимала участие в старых постановках. Когда были нужны дети для спектакля «Дети Ванюшина», выбрали именно маму и дядю. Так что у нас несколько поколений за

кулисами выросло.

Вокруг меня — сплошные кулисы. И иной альтернативы, кроме как идти на актерское, не было никакой и никогда. Я с тех пор, как себя собой ощущаю, знала, что буду никем другим, а только актрисой. Вначале, в детстве, меня немножко манил балет, потому что я выросла в этой атмосфере, первым моим соприкосновением с театром был именно танец. Уже в три года сидела на ступеньках оперного театра на всех премьерах, росла в балетных кулисах, помню запах специальной морилки, развешанные пачки.

Самые яркие впечатления — удивительные спектакли оперного театра. Я была совсем маленькой, когда в Тбилиси приезжал Жорж Баланчин, но все равно что-то запомнилось. Потом был театр имени Руставели, где служил папа. Мне было девять лет, когда там шли изумительные спектакли Михаила Туманишвили и папа во всех был занят. Играл и в «Антигоне», и в «Чинчрака» — это сказка детская, где играл и великий Серго Закариадзе.

Бесконечно жаль, что не сохранилось записей этих спектаклей. Только маленькие отрывочки. Дело-то происходило в коммунистическое время, когда телевизионщикам вечно были нужны кассеты, на которые переписывали все заседания съездов и тому подобной ерунды. Потому, к сожалению, очень многое утеряно. Осталось лишь в памяти…

То, что наша большая семья — не самая обычная, мы с братом стали осознавать, когда Буба находился на пике популярности. Лично я, например, восприняла его славу только после того, как стала ездить с ним на гастроли. Мама по возможности старалась всегда брать с собой — если, скажем, выезжали в Москву, Ленинград, или за границу. За рубеж в тот период вообще мало кто ездил, а нас брали. Или меня, или брата моего, Коку, или уже моего сына — Георгия…

Буба мне подарил весь мир, я увидела его лишь благодаря ему. Объездила много стран, где приобрела многих друзей. Изначально, конечно, они становились друзьями Бубы, но потом, в силу возраста, чаще общаются уже со мной.

Наши друзья — интересные и разные люди. Например, есть одна армянская семья из США, с которой мы знакомы с 1998 года. Они живут в Лос-Анджелесе. Ее глава — меценат, который дружит со всей московской элитой, с такими людьми, как, например, Владимир Спиваков. Когда этот человек узнал, что Буба Кикабидзе будет выступать в Сан-Франциско, он прилетел туда только для того, чтобы познакомиться с ним и пригласить нас к себе в в Лос-Анджелес. С тех пор мы очень тесно дружим с

этой семьей.

Но часто отношения поддерживаются благодаря моей инициативе, потому что Буба — своеобразный человек. К нему тянутся, он прекрасно со всеми общается, но при этом не умеет поддерживать контакты.

Когда я смотрю на его жизнь, на невероятную популярность, возможности, то понимаю, что другой бы на его месте, наверное, горы своротил. А Буба в жизни не пользовался никакими самыми высокими, поверьте мне, связями. Среди его знакомых — люди на уровне президентов многих стран. И никогда он этого не использовал ради каких-то собственных интересов.

Особый интерес к себе из-за того, что являюсь дочерью Бубы — с одной стороны, и Гурама Сагарадзе — с другой, я ощутила уже в школьные годы. Потом к этому привыкла, конечно. Но вначале меня это задевало, хотелось, чтобы мною интересовались в первую очередь просто, как Мариной Сагарадзе. Потому что я такой человек, знаете, правильный…

А вот с моим братом в школе произошла забавная история. Кока в детстве был очень своеобразный — веселый, настоящий вождь краснокожих. Большой хулиган, непоседа, не любил особо заниматься. И его постоянно журили, все пытались на правильную дорогу наставить, мол, посмотри на своего отца, ты должен хорошо учиться.

Однажды учительница в очередной раз отругала его за что-то и потребовала срочно привести родителей. А брат маленький совсем был, лет семи-восьми, но выдумщик уже тогда отчаянный. «У меня, — отвечает, — родителей нет. Папа погиб на фронте, а мама умерла от горя». Из его уст это прозвучало действительно смешно. Правда, учительница едва не сошла с ума, тут же маме позвонила. А брат, видно, просто устал — его все время дергали: твой отец такой, твой отец сякой. И его детская реакция была вот такой. Мы потом дома хохотали, конечно, до упаду.

Кстати, у Коки могла бы состояться кинокарьера. Режиссер Гия Данелия хотел снимать его в фильме «Совсем пропащий» — истории про Геккельбери Финна. Мой брат был — истинный Гек. Но почему-то не сложилось, в кино он так и не снялся. В итоге этот непоседливый ребенок вырос в спокойного, тихого, уравновешенного и образованного мужчину.

Сейчас Коку все называют Константином Вахтанговичем Кикабидзе. Он занимается бизнесом, живет в Канаде, приезжает в Грузию пару раз в год и проводит по два — три месяца с родителями. Его сына зовут Вахтанг — в честь деда. У Кикабидзе имена и отчества всегда так и чередуются: Константин Вахтангович, Вахтанг Константинович. Второго сына моего брата

зовут Иваном, или Ивико. Он живет в Тбилиси, в одном доме со мной, в соседнем подъезде.

В «Совсем пропащем» у Данелия снялся сам Буба, у него была очень интересная роль, он неподражаемо играет герцога-афериста. Делает это очень тонко, в паре с Евгением Леоновым. «Совсем пропащий» — прекрасная картина, которую, увы, не многие знают. Жаль — там есть прекрасные сцены, с точки зрения актерского мастерства Буба справился со своей задачей просто блестяще.

Хотя, конечно, в сознании массового зрителя Вахтанг Кикабидзе — прежде всего остается Валико Мизандари из «Мимино». Слава у этого фильма была невероятная. Мы, члены семьи, все с гордо поднятой головой ходили после всех его фильмов. Помню, когда Гия Данелия делал «Мимино», то приходил к нам домой, вот в эту квартиру, они сидели с Бубой, придумывали, выстраивали этот фильм.

Пока шли съемки картин, авторы никогда не знали, что выйдет в итоге, понятия не имели, каким будет резонанс. Буба в этом плане вообще очень наивен. Когда он снялся в «Не горюй», то никак не ожидал, что последует такая реакция. Он всегда просто честно работал, делал свое дело.

Я, как и миллионы по всему миру, обожаю «Мимино», эта картина — просто прелесть. Я не присутствовала, когда ее делали, но знала, что идут съемки. Они какую-то часть в Москве снимали, какую-то — здесь. Вокруг фильма был огромный ажиотаж, множество показов и в Москве, и в Грузии.

Знаете, Буба очень любил пересказывать фильмы, у него получалось очень интересно. Он красиво умеет все обрамлять. Бывало, что он фильмы и вовсе выдумывал, всегда был большим фантазером. Как-то признался мне, что это было его хобби с самого детства: мальчишки собирались на крыше, и он придумывал для них киносюжеты, он ведь тогда фильмы видеть не мог. А, бывало, рассказывал и вовсе от начала и до конца выдуманные истории, и делал это с такой достоверностью, что все верили, будто слушают пересказ реально существующего фильма. Эта способность потом передалась моему брату.

А еще Буба пишет, и любит читать готовый текст, порой — совершенно постороннему человеку. Пришел, например, журналист, и если Буба в настроении, то может взять и целую главу из книги, над которой работает, прочесть. Очень часто это бывает, очень.

Он же сейчас над своими воспоминаниями работает. Никак только не доведет до конца это дело. Жалко: уже откорректировал все, а рукопись лежит и лежит, никак не увидит

свет. Я на его месте давно бы уже все напечатала. Но автору виднее, может, должно прийти свое время…

Я, конечно, книгу писать не собираюсь, хотя, наверное, есть что рассказать. Но вот семейным архивариусом уже заделалась. Меня же со всех сторон «бомбят», когда снимают фильмы о Бубе или отце. Знаете, что заметила? В домашнем архиве больше всего фотографий, на которых Буба изображен со своими внуками и правнучкой.

Мой единственный сын, Георгий — его первый внук. Так что больше всего фотографий, на которых Буба с маленьким Георгием. Он очень любит маленьких детей. Пока я была маленькая, со мной носился. Потом Кока появился, потом, когда мы оба выросли, родился Георгий. Образование он получил, кстати, благодаря деду. И я Бубе за это невероятно благодарна — в самые непростые для Грузии времена он сумел отправить Георгия сначала в Лондон, а затем в Канаду, где тот получил прекрасное образование.

Вот такой наш Буба! А сейчас у него новая любовь, правнучка. Теперь маленькая Александра главное действующее лицо, по ней он просто сходит с ума.

Мама с Бубой редко фотографируются в последнее время. Ира совсем непубличный человек, считает, что очень плохо получается на снимках. Хотя мне кажется, что это совсем не так…

Квартира, в которой мы беседуем — чудная, счастливая, с очень хорошей аурой. Кроме нашей семьи здесь никто не жил. Только Буба, Ира, я и Кока. Это был кооперативный дом, в который мы переехали с улицы Дзержинского.

Очень много счастья в этих стенах было, побывало множество людей, близких Бубе. Интересные гости приходили — коллеги, друзья. Некоторые оставались и на ночь. Хотя времена наш дом видел, разумеется, разные. В 90-е годы, например, в Тбилиси кошмар творился. Я хорошо помню это период.

Материально мы жили довольно скромно. При всей Бубиной популярности. А как могло быть иначе, когда официальная ставка госконцерта составляла около 11 рублей за выступление, и больше не могло быть никаких дополнительных гонораров, вообще никаких. Зарплата у всех нас была минимальная, хорошо — бабушка с дедушкой помогали. И так продолжалось много лет.

Только после развала Советского Союза, когда появилась возможность свободного перемещения по миру, стало реально заключать договор непосредственно с продюсерами, в доме появились какие-то материальные возможности.

В 90-е годы снова жить в Грузии стало тяжело. Очень тяжело. Когда я вспоминаю, как все было, меня начинает буквально

колотить: что же мы пережили — это ни сказать, ни описать. Бесконечный холод, невозможность нигде согреться. Прямо напротив нас жил режиссер Эльдар Шенгелая. Те тяжелые годы мы пережили вместе. Помню, родители пошли в новогоднюю ночь в гости. А на улице — настоящий обстрел. Шла гражданская война, в те годы палили совершенно безудержно, из настоящего оружия. Буба с Ирой так и не смогли дойти, вернулись обратно. По-моему, вообще едва уцелели.

Многие тогда уезжали из страны. Но мы никуда не уехали, никто. Ни за что. При том, что приглашали, многие приглашали. Из Москвы звонили, из Ленинграда, из-за границы. Звали — побудьте здесь хотя бы на время.

Но надо знать Кикабидзе! Пока на родине все не успокоилось, он и концерты не давал, и не ездил никуда. В результате — никаких денег, ноль гонораров. Получалось, что Вахтанг Кикабидзе фактически исчез со сцены. До 1993 года так продолжалось, Только когда в Грузии все успокоилось, мама сказала — надо работать. Потому что буквально есть было нечего, катастрофа была с деньгами. Никто ведь из нас не работал. И Буба понял, что надо что-то делать.

И только он решил вернуться на сцену, появилось множество концертов. Ситуация напоминала костер, который, казалось бы, едва тлеет, но на самом деле в нем сохранился колосальнейший потенциал. И стоило дунуть ветерку, как пламя вспыхнуло, по-моему, с двойной силой. Тут же начались поездки по Америке, мы отправились в Австралию, путешествовали на кораблях. После всего того кошмара, который пришлось пережить в течении нескольких лет, мы окунулись в радужную, веселую жизнь. Конечно, это заслуга Бубы: весь тот праздник, на который походили наши будни, я считаю его подарком.

Я иногда думаю: если бы не он, то моя жизнь, наверное, была бы совсем неинтересной. Может, мне и хватило бы каких-то сил, чтобы выстроить свою судьбу, но все было бы другим.

Нет, присутствие и значение Бубы в моей жизни, да и жизни всей нашей семьи, огромно, его нельзя переоценить. У него наичудеснейшие отношения с моим сыном Георгием. Они даже сейчас вместе живут в новом доме. Я осталась в этой квартире, а они все переехали.

Однажды в жизни нашей семьи настал такой этап, когда удалось накопить какие-то средства. Мама сказала: у Бубы должен быть свой дом. Его так любят, он столько в этой жизни сделал, имеет же он право на собственное жилище. Мы тут же открыли журналы по недвижимости, начали искать, где что продается. И по очень низкой цене, почти за копейки, приобрели

дом.

Но главным было местоположение — центр города с маленьким двориком, свой садик. В итоге старое здание снесли и выстроили новое. Дом получился очень красивым. При том, что никаких дизайнеров и приглашенных художников не было. Все сделала моя мама — от и до.

Мама всегда руководствуется только своими представлениями, и у нее все выходит весьма художественно. Если бы она не была балериной, то стала бы талантливым дизайнером. На третий этаж особняка ведет оригинальная лестница, так вот даже она спроектирована мамой. Внутри дома — красивейшие коллажи, их тоже сделала Ирина. Сейчас я там уже не каждый день бываю, есть какие-то дела, но нахожусь в постоянном общении с мамой и Бубой. Мы — семья, которая не расстается никогда. В день созваниваемся, по меньшей мере, раз двадцать.

В плане быта у мамы никогда не было помощницы. Разве что иногда приходили женщины, чтобы помочь убраться. А так, чтоб постоянно помощницы находились в доме, как бывает в грузинских семьях, такого не было. Лишь год назад они появились — в огромном доме нужна помощь. А раньше мама все делала сама — пекла, готовила изумительные обеды. Прекрасно справлялась со всем хозяйством. И оставалась в прекрасной форме, не прибавила ни грамма. Ира — очень хорошая хозяйка, хотя по своему характеру она совершенно не похожа на традиционную грузинскую жену.

А вот Буба совершенно не занимался домом. Он и гвоздя не забьет. Разговоры на тему «мужчина должен уметь все» — не про него. Он — весь в творчестве, в рассказах. Благодаря его повествованиям у меня ощущение, что пересмотрела массу фильмов, побывала во всех странах, знаю всех и все. Это ведь тоже великий талант…

Отдельная глава жизни нашей семьи — это прекрасные друзья и коллеги Бубы: Нани Брегвадзе и Софико Чиаурели. Их дружба поистине велика. Легендарная троица — Нани, Буба, Софико — всегда была вместе. Часто фоном для встреч теплой компании становились лето и Черное море.

Мне кажется, у них были равные отношения. С Нани, может, чуть ближе — здесь уже дело в профессиональном контакте, который случался чаще. С Софико они очень дружили. Там вообще все, что называется, «повязаны». Мой отец, например, был ближайшим другом Котэ Махарадзе, мужа Софико. Да и сама. Софико присутствовала в моей жизни — не было за почти четверть века лета, чтобы мы вместе не отдыхали.

Сначала — в Пицунде, ездили туда много лет подряд. Вся семья Софико, вся семья наша. Никуша, сын Софико, и я, выросли вместе. Мой папа и его супруга Татьяна очень дружили с Софико и Котэ, в последние годы их пути переплелись уже в аджарском Кобулети.

Однажды они вчетвером — Котэ, Софико, Гурам и Таня — поехали в турецкий Трабзон, это почти на границе с Грузией, отмечать чей-то день рождения. Они так потом рассказывали об этом городке, что можно было подумать, будто они объездили всю Европу — Париж — Лондон — Рим. Я даже спрашивала, что такого они нашли в этом маленьком турецком городишке. Мне было смешно, но потом я поняла, что просто там они провели, наверное, лучшие дни в своей жизни. Это было поколение, которое умело наслаждаться общением друг с другом, весельем, рассказами, общими воспоминаниями.

Никогда не забуду, как однажды летом Софико в первый раз надела на себя парашют и… взлетела. Знаете, когда по морю едет катер, а к нему крепится парашют. Это только она могла сделать. Шутили даже: вдруг стало темно — это Софико в черном купальнике взмыла в небо. Причем никого об этом не предупредила. Увидев такое, мы на пляже прямо подпрыгнули. Нечто было. Папа мой нервничал — чтобы что-то не случилось. Котэ носился туда-сюда…

А потом она еще один раз летала, уже в Гонио. В то время мы уже жили в наших квартирах, которые почти одновременно купили на побережье. Нани реже там бывала, а Софико обожала то место. Как приезжала — и не хотела возвращаться обратно в Тбилиси. Несколько недель могла провести. С середины июля до начала сентября, как правило, и бывала на побережье.

Так получалось, что много лет моя мама и Софико на море сталкивались чаще, чем в Тбилиси. И день и ночь вместе проводили. И мне Софико всегда говорила: «Ты — мой летний друг».

Ее мечтой было иметь хоть одну маленькую комнатку на берегу моря. Потому что Софико обожала море. И я тоже его обожаю. Мы с ней отправлялись в дальние заплывы, и в это время очень интересно и о многом говорили.

Она благодарила море, ласкала его. Это осталось у меня в памяти, теперь, как только вхожу в воду, всегда ее вспоминаю. Потому что море и Софико для меня слились в одно целое. Она разговаривала с волнами, как с ребенком. Проводила руками по морской воде: мое хорошее, здравствуй, как я соскучилась. Разговаривала, как с живым существом. Она, кажется, сливалась с солнцем, морем.

А иногда мы просто долго молчали и плыли, плыли.

Ей все время задавали вопрос: «Почему не едешь на Средиземное море, на курорты?» Она меня спрашивала потом: «Марина, объясни, что может быть лучше всего этого? Какие курорты! Какая Турция! Какая Греция! Ты посмотри, какое у нас море!»

И наконец-то настал момент. Помню, я ей первая сказала, что продаются квартиры в доме на берегу моря в Гонио, это неподалеку от Батуми. Именно такие, как она мечтала: чтобы прямо в купальнике из дома — и в воду. Софико сперва не поверила — и цена была нормальная, и соседями должны были стать Буба и Нани.

В результате покупку она совершила раньше нас! И ремонт сделала в то же лето. Сорвалась немедленно, настолько ей этого хотелось. Так осуществилась ее мечта.

Но отдыхала в своем доме она всего два лета. И в последний раз я ее видела сидящей на балконе. Символично, что я с ней рассталась именно на море. После мы уже не встречались. Потому что она, когда поняла, что уходит, вообще никого не хотела видеть. И я ее прекрасно понимала.

В тот раз она сидела, смотрела на закат. Стала рассказывать мне о том, что все дела, наконец, сделала — и в Цхнети, это поселок неподалеку от Тбилиси, дом достроила, еще что-то закончила. И произнесла такие слова: «Молю Бога, чтобы хотя бы еще года два мне подарил — чтобы я могла этим насладиться». Я ей сказала, что, конечно же, все будет, и не два года, а больше. Но через несколько месяцев ее не стало.

Чиаурели была мудрейшим человеком. У нее всегда можно было спросить совет. И я никогда не ощущала разницу в возрасте. Мы дружили. Может, я не была для нее самой близкой подругой, которая 24 часа с ней проводит. Но было волшебство, которое нас объединяло: море.

Софико для меня — особый человек. Да, я представитель другого поколения, она — подруга моего отца и нашей семьи, но у меня с ней сложились свои отношения, и они были необыкновенными…

Софико Чиаурели. Дочь своих родителей

Я всегда обожал Грузию и комедию «Ищите женщину» с Софико Чиаурели в главной роли. Так что поездка в Тбилиси была, наверное, мне просто написана на роду. Однако все оказалось не так просто. Году в 2002-м, когда я, наконец, созрел до похода в авиакассу за билетом, в Грузии начались какие-то волнения (по крайней мере наше телевидение именно так изображало происходящее в Тбилиси) и ехать мне, честно говоря, расхотелось.

Но случилось чудо. Или почти чудо — Софико Чиаурели сама приехала в Москву. На фестиваль «Лики любви», на котором она была членом жюри. Поскольку до этого я не раз звонил ей в Тбилиси с различными поздравлениями (преследуя корыстную цель напроситься в гости), то договориться об интервью было несложно. Как и попасть в номер гостиницы, где остановились актриса и ее муж, замечательный актер и спортивный комментатор Котэ Махарадзе.

Котэ участия в разговоре не принимал. Представившись: «Здравствуйте, я давний любовник Софико», он остался в номере смотреть какой-то старый советский музыкальный фильм. А мы с Софией Михайловной вышли в холл, где и поговорили.

«О чем будет интервью? — спросила София Михайловна. — Обо всем понемногу? Нет, так не интересно. Давайте о любви. Я же все-таки член жюри «любовного» кинофестиваля. Согласны?»

Еще бы я возражал! Напротив меня сидит любимая актриса, величаво обмахивает себя старинным веером да еще и про любовь собирается говорить…

— Знаете, я вообще-то плохой зритель. Я актриса. Обычно сажусь к телевизору после часа ночи, когда все домашние ложатся спать. И тогда позволяю себе посмотреть какое-нибудь кино. Хотя не очень люблю это дело. Интересные фильмы попадаются один раз на тысячу. А может, и реже.

Чем фильмы 20-летней давности отличаются от сегодняшних? Изменилось понятие «любовь». Появилась какая-то патология, какой не было. Я вспоминаю такие картины, как «Три мушкетера» или трофейные ленты с Диной Дурбин, наши «Три товарища» или этот… та-та-ти-та-та. Да— да, «Сердца четырех». В них была чистота, показывались нормальные отношения мужчины и женщины, а не женщины и женщины или мужчины и коровы, как сейчас. Вообще все изменилось.

Я вам скажу такую вещь: когда раньше в Тбилиси умирал

человек, это становилось событием для всего города! Или я просто была маленькой, поэтому на меня это производило такое впечатление? А сейчас люди мрут как мухи. И ничего. Конечно, это закон жизни. Но все равно вещи воспринимаются по-другому.

А как мы обсуждали, когда 18-летняя девушка выходила замуж! Это была сенсация! А сейчас вообще нет понятий «любовь», «семья». Я не говорю, что надо обязательно идти в загс. Но ведь исчезло все святое. Сегодняшняя молодежь, не все, к счастью, но многие, знакомятся и через час уже идут в постель.

Что такое любовь? Я считаю, что это большой подарок Всевышнего, потому многие рождаются и умирают, так и не познав ее. Это и огромное счастье, и страшное мучение. Однозначно сказать, что такое любовь, я не могу. Это чувство способно заставить человека или высоко взлететь, или начать делать какие-то страшные вещи. Можно же из-за любви и убить человека. Но я бы не позавидовала тому, кто не познал это чувство.

Я впервые влюбилась в шесть лет. В талантливейшего художника Сулико Вирсаладзе, который много лет работал в Большом театре. Как сейчас помню, настало счастливое лето, когда мама взяла меня в Гагры. Я была вместе с мамой! Я заполучила ее!

Все свое детство скучала по ней, ее все время не было дома, она всегда спешила — то на репетицию, то на съемку. И фраза «Мама, ты скоро придешь?» преследует меня до сегодняшнего дня. Болезненное чувство тоски. Хотя мама, как цыганка, таскала меня с собой на гастроли, я и сама так потом делала со своими сыновьями. Но что такое гастроли? Те же репетиции, спектакли.

А тут мама взяла меня на 10 дней в Гагры. Только мы приехали, как на следующий день пришла телеграмма: умер мамин старший брат. Надо возвращаться на похороны. И тогда Вирсаладзе, а они очень дружили с мамой и отцом, предложил оставить меня с ним.

Мама согласилась и уехала. А Сулико в это время ухаживал за очень красивой девушкой, дарил ей цветы. И вдруг я стала устраивать ему сцены ревности: «Если вы еще раз пошлете ей цветы и не будете уделять внимания мне, я уеду».

А он был до мозга костей аристократ. Со мной, 6-летней пигалицей, говорил на «вы». Сулико извинился передо мной, и потом каждое утро я просыпалась и видела около подушки букет цветов. С моей стороны это было очень серьезное чувство. Я превращалась в какого-то зверенка.

Я хорошо плавала (мама в 5 лет бросила меня с лодки в воду,

и я выплыла). До сегодняшнего дня могу доплыть до Турции. А Сулико плавать не умел. И я, когда злилась, вбегала в море и заплывала далеко-далеко. А он кричал с берега: «Я вас умоляю, вернитесь!»

Это так запало мне в память. Не помню, что было вчера, а то, как он стоит на берегу и умоляет: «Вернитесь, я хочу вас нарисовать», не забуду никогда. У меня хранится его рисунок — я стою в красненьких трусиках в белую крапинку… Вот такой была моя первая любовь, которую я познала в 6 лет.

А вообще любовь, как и человек, с возрастом меняется. Человек худеет-полнеет, так и форма и качество любви меняются. Мама умерла в 1987 году, а я до сегодняшнего дня не трогала ящик трельяжа, где хранятся ее духи, пудра. Не могу. Время от времени открываю, вдыхаю ее запах и снова закрываю. Это самое страшное — чувство тоски. Я скучаю по маме, по ее запаху. Когда открываю трельяж, мама возвращается ко мне.

Мама Софико — великая Верико Анджапаридзе. Эти три слова уже стали неразрывны: если «Верико Анджапаридзе», то обязательно «великая». И это в высшей степени объективно.

Кстати, в грузинском языке окончание «ко» после имени — дань большой любви. В переводе на русский имена моих героинь можно было бы написать так: Верочка и Сонечка.

Даже в энциклопедии написано — «Верико Ивлиевна Анджапаридзе» и «Софико Михайловна Чиаурели». Ну о ком еще, как не об истинных любимицах, можно было бы написать даже официальным слогом — Верочка Ивлиевна и Сонечка Михайловна…

Итак, настало время представить Верико Анджапаридзе.

Она появилась на свет в Кутаиси, в княжеской семье известных юристов. Календарь показывал 6 октября 1897 года. Правда, говорили, что это не совсем точный год ее рождения.

Верико оставалась женщиной до своего последнего дня, и напоминание о возрасте выводило ее из доброго расположения духа едва ли не быстрее, чем любая ругательная рецензия. Впрочем, таких, кажется, и не бывало.

Она была совсем малышкой, когда великий грузинский поэт Акакий Церетели, подняв ее на руки, провозгласил: «Верико — добрая волшебница XX века! Вот увидите — в новом столетии она прославит свою родину!»

Так оно и случилось. Уже при жизни Анджапаридзе называли великой. Все ее роли неизменно становились легендами.

Была ли она счастлива в жизни вне театра? Как и у всех, ответ на этот вопрос однозначным быть не может.

Она не была очень красива. Но все равно при встрече с ней у

молодых людей начинало сильнее биться сердце.

Не стал исключением и молодой выпускник школы живописи, ваяния и зодчества Михаил Чиаурели. Ему было 24 года, и он, как это часто бывает, случайно оказался в театральной студии, где играла Верико.

Спустя годы Михаил Чиаурели опишет этот день: «Кто-то воскликнул, вот Верико идет! Не смогу объяснить, что меня так взволновало в ту минуту. Сам удивляюсь. Наверное, какое-то необъяснимое предчувствие все же существует и преодолеть его невозможно. Но вот… Воцарилась тишина. Широким шагом вошла женщина, одетая в длинное шелковое платье. Необыкновенно высокая шея. Чуть великоватый нос. Непослушная грива волос. Поздоровалась со всеми, но мне почему-то показалось, что на меня она взглянула с особым вниманием. Я видел ее впервые. И видел только ее! Так получилось, что она села рядом со мной. Какое счастье!»

Присутствующие попросили Верико прочесть стихи. Она отказалась. И лишь когда с той же просьбой к ней обратился Чиаурели, вдруг согласилась. Недаром у судьбы есть второе имя — случай. И эта встреча, и чтение стихов… То было начало.

«Во мне словно открылась какая-то новая вселенная, и как же она была не похожа на обыкновенный мир», — вспоминал потом свои ощущения Михаил Чиаурели.

На момент встречи и Верико, и Михаил были не свободны. Чиаурели женат, а Анджапаридзе помолвлена с поэтом Шалвой Амирэджиби, выйти за которого перед смертью ее просил отец.

Она не могла ответить отказом, и в 1919 году свадьба состоялась. Рассказывали, что, выйдя после венчания из церкви, Верико едва не потеряла сознание. Среди гостей тут же пробежал шепоток: «Дурная примета».

И правда, у супругов в скором времени умерла только что родившаяся дочь. Брак был обречен, и спустя шесть лет Верико и Шалва расстались. Амирэджиби уехал в Париж, а Верико… связала жизнь с тем самым скульптором, которому было суждено войти в историю мирового кино.

Анджапаридзе не была единственной дочерью в семье. Кроме нее, подрастала еще младшая, Мери. Сестра жила в Москве и тоже имела отношение к искусству — работала на киностудии.

Но самым великим вкладом Мери Анджапаридзе в кино стало рождение сына Георгия. Легендарного кинорежиссера Георгия Данелия.

Несколько лет назад он написал мемуары, в которых, конечно же, не мог обойти вниманием свою тбилисскую родню.

«Верико, по существу, моя вторая мать.

В семнадцать лет, окончив гимназию Святой Нины в Кутаиси, Верико, не спросив ни у кого разрешения, уехала в Москву, прошла актерский конкурс, и ее взяли в Театр Революции к Охлопкову. Через два года вернулась в Тбилиси и стала ведущей актрисой в театре знаменитого грузинского режиссера Константина Марджанишвили.

Из рассказов Михаила Чиаурели. Верико не была красавицей, но в ней было столько шарма, что мужчины сходили с ума. Поклонников у нее было очень много, но полюбила она молодого скульптора, обаятельного красавца Михаила Чиаурели. И он в нее влюбился и оставил ради нее жену и ребенка. Отец Михаила, Эдишер, тбилисский зеленщик, долго не мог простить за это сына. А о Верико он даже слышать не хотел: «Чтобы я никогда в глаза не видел эту шлюху!»

Чиаурели послали на стажировку в Германию. Верико поехала с ним. Из Германии Верико вернулась раньше мужа. Чиаурели купил в Германии подарки родителям и попросил Верико отнести эти подарки его отцу: «Когда он тебя увидит, он меня простит. Вкус у него есть».

Верико надела самое скромное платье, туфли без каблуков, гладко причесалась, на голову накинула платок и пошла к свекру.

Старый Эдишер — в шлепанцах, в сатиновых брюках, заправленных в шерстяные носки и в рубашке навыпуск — сидел в тбилисском дворике на ступеньках веранды первого этажа и перебирал четки. Верико подошла и поставила перед ним кожаный саквояж с подарками.

— Здравствуйте, батоно Эдишер. Это вам ваш сын Миша прислал из Германии.

— Спасибо. А ты кто?

— Я та самая Верико, батоно Эдишер.

Эдишер внимательно оглядел Верико.

— Да… — Он тяжело вздохнул. — Теперь я понимаю Мишу. Ты такая красивая, такая хорошая… Разве можно в тебя не влюбиться?

Верико засмущалась и, чтобы поменять тему, сказала:

— Батоно Эдишер, здесь вот Миша вам кое-что купил и для мамы — очень красивую шаль.

— Да? Спасибо, милая. Сейчас мы ее позовем… Соня! Соня!

— Что хочешь? — с веранды третьего этажа выглянула мать Чиаурели.

— Иди сюда! Мишина блядь приехала!»

Она была непревзойденной театральной актрисой. Но — таковы законы времени — спектакли, даже самые выдающиеся, остаются в памяти лишь тех, то имел счастье их видеть. Последующим поколениям актеры запоминаются благодаря кино. А вот с этим «важнейшим из искусств» у Анджапаридзе отношения складывались не особо.

Мало того, она прямо признавалась, что не пребывает в большом восторге от кинематографа.

«Я должна признаться, что не люблю кино, — говорила она. — Конечно, не кино как искусство — его я очень люблю, а вот сниматься в кино не люблю. Истинно театральной актрисе, мне кажется, очень трудно сделать в кино что-нибудь настоящее, как говорится, выложиться в полную силу».

Широкому, как принято говорить, зрителю Верико Анджапаридзе известна благодаря фильму Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Именно героиня Верико в финале картины произносит вошедшую в историю фразу о том, «зачем нужна дорога, если она не ведет к храму».

Роль у актрисы совсем небольшая, эпизод. Неудивительно, что Абуладзе робел предложить прославленной на весь мир актрисе появиться в кадре всего на несколько минут.

О том, как же все-таки удалось «заполучить» на эпизод саму Верико, мне рассказал актер Кахи Кавсадзе, хорошо знавший семью Анджапаридзе и Чиаурели:

— Верико была очень интересной женщиной. По соседству с нами жила семья ее родного брата, и Верико вместе с Софико часто приходила к ним в гости. Мы вместе играли с Кэти Анджапаридзе, сестрой Софико, и с ней. Потому я всегда относился к Чиаурели, как к двоюродной сестре.

Потом я бывал у них дома. У Михаила Чиаурели была большая коллекция пластинок с операми, которые я слушал. Рубинни, Руффо, Карузо. Все это я впервые услышал у них. Оперу «Паяцы» и вовсе выучил наизусть — от начала и до конца.

Но, конечно, с Верико мы не часто разговаривали. Все-таки она всегда была Верико Анджапаридзе!

Но вот когда я учился на втором курсе театрального института, то со сцены поздравлял ее с 60-летием. Я должен был вскрыть запечатанный свиток, прочитать приветственный текст, который был написан на нем, и потом снова его запечатать. От волнения у меня никак не выходило это сделать — прочесть прочел, а запечатать — не могу.

В конце концов, мне уже из зала стали кричать: «Уходи! За кулисами запечатаешь!»

А я так растерялся, что не знал, что делать. Тогда со своего

места поднялась юбилярша и обняла меня.

Нам не довелось, к сожалению, вместе сниматься. Правда, в одном фильме мы, пусть и в разное время, но снялись — в «Покаянии» Тенгиза Абуладзе.

Анджапаридзе появляется там в самом последнем эпизоде и задает знаменитый вопрос о том, ведет ли дорога к храму?

Тенгиз очень хотел снять в этой роли именно Верико. Но стеснялся предложить ей, так как роль была совсем малюсенькая. А когда предложил, она отказалась:

— Мало ли старых актрис в Тбилиси? Почему именно я?

Тогда Абуладзе собрался с духом и сказал, что заплатит ей за эти съемки, как за несколько съемочных дней.

— Вот с этого и надо было начинать, — ответила Верико и согласилась…

Она вообще была не только великой актрисой, но и очень мудрым человеком.

Сама Верико больше всего дорожила фильмом «Отарова вдова». Говорила, что очень похожа на свою героиню.

«Я тоже очень неласковый, даже суровый человек. У меня есть внук, с которым я стараюсь быть как можно более нежной, потому что он очень раним, а вообще-то я даже со своими детьми не бываю ласковой. Актерская профессия — страшная профессия, она сжирает в тебе все человеческое, все, что есть у тебя дорогого внутри, всю любовь, ласку, материнский талант. Без этой утраты нельзя, видимо, быть хорошим актером. Домой я приносила всегда только какие-то остатки чувств».

Режиссером картины был Михаил Чиаурели. Казалось бы, фильм снимает супруг, с мужем-постановщиком должно быть проще. Конечно, уже стало штампом говорить о том, что все совсем наоборот, и с близкими работать сложнее, потому что они спрашивают вдвойне и так далее.

Но здесь был другой случай: с Верико как раз никто не спрашивал. Кроме нее самой.

Одной из самых ярких сцен фильма стал эпизод, в котором вдова идет за гробом своего сына. Была задействована многочисленная массовка, оркестр играл похоронный марш. Актриса настроилась, вошла в кадр и тут… объявили перерыв: ушло солнце, снимать нельзя. Массовка и оркестранты тут же разошлись по своим делам, начался перекур, плавно переходящий в обед.

И только один человек не вышел из кадра: Верико стояла возле дерева и не хотела потерять найденное для работы настроение. Через пять часов съемки возобновились. И Верико сыграла так, что

за роль Отаровой вдовы англичане ее включили в десятку самых великих актрис XX века.

Софико Чиаурели, пожалуй, такая же. Она снялась более чем в ста фильмах. И у каждого есть свой, любимый, в котором блистает именно «его» Софико. Для меня, как уже говорил, таким фильмом стала картина «Ищите женщину». Вроде детектив, но на самом деле — рассказ о любви.

— Как понять, что человек тебя любит? Для этого специально ничего не надо делать. Три заветных слова «я тебя люблю» совсем не надо говорить. Они не нужны, если любишь. Я не произносила их давно, но делаю все, чтобы было понятно.

Когда мы познакомились с Котэ, то были не свободны — я замужем, он — женат. Но это была судьба!

Мне вообще, получается, судьбой были предназначены два брака. Первый — с режиссером Георгием Шенгелая. С его матерью, актрисой Нато Вачнадзе, дружила моя мать. И когда Нато погибла в авиакатастрофе, мама стала заботиться о 14-летнем Георгии. А потом мы повзрослели, влюбились и стали мужем и женой.

Первым спектаклем выпускницы ВГИКа Софико Чиаурели в Тбилиси стала постановка театра имени Марджанишвили «Девочка с ленточкой». На премьеру собрался весь Тбилиси. Среди гостей был и одноклассник ее брата Рамаза Котэ Махарадзе. Котэ был старше: ему — 34, Софико — 23. К тому же она счастливо замужем.

Шло время. Одаренность Софико признала не только Грузия, но и весь Советский Союз. На сцене все того же театра имени Марджанишвили Верико собралась восстановить спектакль, в котором некогда блистала сама — «Уриэль Акоста». Главные роли должны были играть Котэ Махарадзе и Софико.

Как потом говорила Чиаурели, этот спектакль их и «погубил». Кстати, сама Верико считала себя виновной в разрушении брака Софико и Георгия.

Чиаурели не сразу ушла от мужа. Тайная любовь, как говорила она сама, продолжалась 11 лет. Ради любимого Софико выделила всего несколько недель на съемки своего самого знаменитого фильма. «Ищите женщину» сняли за рекордные сроки.

Кстати, только собираясь приступить к съемкам этой картины, режиссер Алла Сурикова полетела в Тбилиси, намереваясь сделать кинопробы Софико. Стоит ли говорить, что все три дня ее пребывания в столице Грузии были заняты более

увлекательным делом — одно застолье сменяло другое. Только вернувшись в Москву, Сурикова поняла, что даже не сфотографировала Чиаурели. В результате она взяла фото актрисы из календаря и представила художественному совету. Пробы были утверждены.

Тогда-то актриса и поставила жесткое условие, ограничивающее количество съемочных дней. Ее Котэ должен был вернуться из загранкомандировки, и она хотела лично его встретить.

— Если бы вы знали, какие он мне такие письма писал! Ни одна бы женщина не устояла. Представьте: я улетаю в Москву, он меня провожает в Тбилиси и вдруг в Москве встречает!

Правда, я долго не могла решиться развестись с Георгием. Не забуду, как однажды мы вышли из ресторана и прогуливались с Котэ вдоль глубокого оврага. Он опять завел разговор о том, когда я стану его женой. Ну, я ему и ответила: «Всего вам доброго». А он взял и прыгнул с обрыва. Я тут же последовала за ним. Хорошо, что дно было завалено снегом.

Я вышла за него. И никогда об этом не пожалела. С Котэ мне было очень легко. Он был тонкий, любящий, внимательный. Могу понять, почему он считался донжуаном. Но я на подобные разговоры не обращала никакого внимания. Ведь все это было до моей эры. На нашу свадьбу друзья Котэ подарили ему якорь. Такой, знаете, корабельный, из чугуна. То есть намекали, чтобы он окончательно бросил якорь. Так оно и случилось. Мы уже много лет вместе.

Конечно, любовь, которая была у меня к Котэ 20 лет назад, уже не та. Она приобрела другие формы, очертания и значимость. Это уже не дикое и страстное чувство. Но оно стало гораздо глубже, дало корни. Котэ стал для меня родным, моей плотью и кровью.

Когда я начинаю думать о том, кто из нас уйдет из этого мира раньше, становится страшно. В один день умирают только в сказках. И чем старше ты становишься, и чем больше живешь с каким-то человеком, тем чаще приходят в голову такие мысли, и тем они страшнее.

И потом, вы меня, конечно, извините, но у грузин гораздо глубже понятия «семья», «родители». Разная ли любовь к родителям и мужу? Естественно. В жизни бывает не то что несколько любовей — мильон. К каждому человеку, к каждому предмету. У меня сейчас осталась дома собачка, пекинесс. Внуки для меня — все. Но собака… Я ее всегда беру с собой. А сейчас не смогла. Приехала в Москву, звоню, и мне говорят, что она ничего

не ест. Три дня голодала. Я уже Котэ сказала, что все брошу и полечу домой.

Что это — рефлекс или любовь? Ради любви можно всем пожертвовать. Страшное чувство. Возьмите Отелло. Он убил человека, без которого не мог существовать. Получается, действительно всем можно пожертвовать.

Могла бы я сегодня всем пожертвовать ради любимого? Не знаю. У меня все сложнее. Есть сын, ради которого я сегодня существую…

У каждого свой крест. У каждого. Нет человека без креста. И он обязан нести этот крест не с тягостью, а с радостью. Ведь именно своим крестом отмечен человек и им отличается от других…

Если бы от меня не зависели другие… Но я взвалила на себя очень многое, несмотря на то что я женщина. Дом, семью, внуков, театр, строительство, ремонт. Хотя прекрасно знаю, что, если завтра я свернусь, жизнь не кончится. Но моей семье будет очень тяжело, пока они очухаются и распределят все полномочия, которые я несу одна.

Но ничего, справлюсь. Женщина же гораздо сильнее мужчины. В чем вообще отличие мужчины от женщины? У него на 100 граммов мяса больше. А так все одинаковы…

Знаете, у меня через час конкурсные показы начинаются, надо идти. Давайте последний вопрос и прощаемся.

О многом ли жалею? Да нет. Частое сетование «было бы мне сейчас 20 лет» не знакомо. Единственное, о чем жалею — о былой худобе. Мне тяжело таскать свой вес. А похудеть уже не получается. Нарушен обмен веществ, как говорится. Физически чувствую тяжесть. А так я человек без комплексов…

Как-то летом отдыхала с Котэ в Кобулети. Никогда не догадаетесь, что сделала. Полетела с парашютом. Давно мечтала об этом — и выполнила. Чего бояться?

Котэ тоже захотел. Но его отговорили, все-таки возраст. Я не намного моложе, но не сдалась. Отдыхающие замерли вначале, а потом принялись хлопать. А я летела и наслаждалась. Правда, была одна мысль — выдержит парашют мои сто килограммов или нет. Выдержал.

У меня уже выработалось свое отношение к собственной фигуре и внешности. Я и в зеркало стараюсь лишний раз не смотреться. Кто та женщина, которая отвечает мне с той стороны? Я не знаю.

Никогда не любила смотреться в зеркало. И не боялась

выглядеть как-то не так. Помню, во ВГИКе молодой Отар Иоселиани предложил мне роль в своей дипломной работе. Я, не раздумывая, согласилась. И сыграла старуху-алкоголичку.

Это ведь самое интересное — играть не писаных красавиц, а ярких персонажей. За это мне очень дорога работа у Тенгиза Абуладзе в его «Древе желаний». Я играю такую дурочку по имени Пупала.

У меня, кстати, был прототип. Неподалеку от нашего дома жила ненормальная, которая с утра до вечера стояла на дороге. Про нее говорили, что она сошла с ума после того, как погиб ее любимый. И вот она каждый день выходила на улицу и искала его среди прохожих…

Спасибо, что оказались хорошим слушателем. И давайте уже приезжайте к нам в Тбилиси…

И я действительно приехал. Через два года, осенью 2004 года. Накануне моего приезда, судя по репортажам наших телеканалов, в Тбилиси опять начались какие-то народные выступления. Но я рискнул. И оказался прав — кроме солнца и никуда не спешащих тбилисцев на улицах этого красивейшего города никого не было. Демонстранты и протестующие, судя по всему, остались лишь в новостях.

В жизни моей героини за эти два года случилась беда — ушел из жизни ее Котэ. Честно говоря, я не очень представлял себе, как пройдет наша встреча. Слишком свежа была рана. Да и отношения России и Грузии начинали серьезно ухудшаться, хотя получить российскую визу все еще было возможно и до авиационной блокады не дошло…

Когда София Михайловна диктовала мне свой домашний адрес, я внимательно записывал, чтобы передать таксисту. Ну откуда мне было знать, что дом Чиаурели на Пикрис-горе все могут показать и так?

С местом, где живет актриса, связана романтическая история. Много-много лет назад на Пикрис— горе (гора Раздумий, если переводить с грузинского) состоялись первое свидание и первый поцелуй родителей Софико — известного режиссера Михаила Чиаурели и прославленной грузинской актрисы Верико Анджапаридзе. В знак своей любви Чиаурели пообещал построить на Пикрис-горе дом. И свое обещание выполнил.

Подъезжая, я представлял себе, что увижу старинный, может, даже ветхий особняк, но с неизменным тбилисским балконом и вьющейся по нему виноградной лозой. Балкон с лозой был, а вот дом показался мне вовсе не старым. Да еще и с лающей собакой за оградой.

— Гамарджобат, гамарджобат! — *Чиаурели встретила меня во дворике. Несмотря на ноябрь, одета она была по-летнему. Благословенна осенняя Грузия! На руках держала своего любимца пекинеса, из-за которого несколько лет назад чуть было не улетела из Москвы раньше срока* . — Давайте сразу к столу. У меня сейчас не то настроение, чтобы устраивать пир. Но не угостить вас я не могу. Вот зелень, хачапури, вино. Вы ведь выпьете? Это замечательное киндзмараули, мой отец обожал его. За обедом мог бутылку выпить. Или вы чаю хотите? У меня есть очень вкусное варенье. В общем, присаживайтесь и чувствуйте себя как дома.

Когда я в прошлом году была в Москве, меня один очень известный человек спросил, не страшно ли мне ходить по Тбилиси. Я удивилась, почему это мне должно быть страшно? Ну как же, ответил он, у вас же мужчины в бурках и с автоматами ходят. На что я ему посоветовала не путать «Кавказскую пленницу» с реальной жизнью.

Я предлагаю поговорить на улице. А потом я покажу вам наш дом. Тот самый, который построил папа. И в котором родилась я.

Во время войны в Тбилиси эвакуировали труппу Московского художественного театра. Великие Немирович-Данченко, Книппер-Чехова приходили сюда в гости к моим родителям. Мама рассказывала, что они могли ночь напролет читать стихи, говорить об искусстве и пировать. Представляете, «пировать»! А на столе стояли только черный хлеб и вода.

Все мужчины были немножечко влюблены в маму. Ну что вы хотете, она же была великой женщиной! Немирович признался ей после того, как увидел ее «Даму с камелиями»: «Я видел двух дам — Элеонору Дузе и Сару Бернар, но вы заставили меня забыть о них. Вы — великая актриса».

Я тогда была совсем маленькой. Но помню, как мы, дети, забирались на деревья и наблюдали за взрослыми. Влюбленный в маму великий Василий Качалов читал стихи. На память он подарил ей свою фотографию, которую надписал: «Вечно в вас влюбленный».

В школе я была сорванцом, сорвиголовой. Всегда была такой. Мне очень повезло, что я дочь своих родителей. Отец и мать — совершенно разные люди, и я от каждого впитала что-то свое.

Да, они были не похожи друг на друга, но у них было главное — их любовь. Мама пережила отца на 11 лет. И все эти годы писала ему письма. У них все равно продолжался диалог.

А рассказать вам, какими были их реальные диалоги?

Однажды, пока папа был в командировке, мама, чтобы расплатиться с долгами, продала его американский «крайслер» и купила «Победу». На которой и отправилась встречать мужа на вокзал. В следующий раз, опять-таки во время папиной командировки, мама продала «Победу» и встречала отца уже на маленьком «Москвиче».

— А потом ты будешь встречать меня на мотоцикле? — спросил папа. — Не угадал! — ответила мама. — На велосипеде.

Свидетелем отношений Верико и Михаила, а также внутренних порядков в доме на Пикрис-горе был племянник Анджапаридзе Георгий Данелия, описавший происходившее:

«Иногда, когда приезжали родственники, мне стелили в зале. Там на стенах висело много картин. Особенно мне нравилась картина Пиросмани — белые барашки на темном склоне. Когда я вспоминаю дом Верико, я вспоминаю этих барашков, освещенных луной.

Но спать в зале я не любил. Потому что каждый раз ровно в шесть утра в кабинете Чиаурели (двери которого выходили в зал) начинал петь Карузо: это дядя Миша проснулся, поставил свою любимую пластинку и уже начал что-то мастерить.

В его кабинете, кроме письменного стола и стеллажа с книгами, стоял рабочий стол с инструментами, тисками и токарным станком. И дядя Миша все время что-то мастерил: то мебель для загородного дома, то нарды. И меня к этой деятельности приобщил: под руководством дяди Миши я выточил мундштук из плексигласа, который потом подарил Буте (этим именем внуки называли мать Верико и Мери Анджапаридзе. — Прим. И.О.).

Сын зеленщика Михаил Чиаурели в жизни добился многого. Он был скульптором, киноактером, режиссером, слесарем, плотником, хорошо играл на гитаре и очень хорошо, профессионально пел: и романсы (которых он знал бесчисленное множество), и оперные арии (он занимался в консерватории вокалом).

Когда я говорю, что на мое творчество оказал громадное влияние Михаил Чиаурели, многие удивляются, что может быть общего между постановщиком фильма «Падение Берлина» и режиссером фильма «Я шагаю по Москве»…

Но они никогда не видели первые фильмы Чиаурели «Хабарда» и «Последний маскарад» и главное — не слышали его рассказов. Рассказчиком дядя Миша был потрясающим, другого такого я не встречал…

Дядя Миша рассказывал обо всем с юмором. Даже об очень грустном.

Из рассказов Чиаурели. Когда умер старый Эдишер, Чиаурели был за границей. До Тифлиса добрался в день похорон. Заходит он в свой двор, посредине двора — стол, на столе — гроб, вокруг, на некотором расстоянии, стоят родные и друзья. На ступеньках веранды музыканты: зурна, барабан-доли и певец Рантик — из хинкальной на Плеханова. Зурна выводит печальную мелодию, и Рантик тоненьким фальцетом поет.

Около гроба сидит мать дяди Миши, вся в черном, голова опущена, лица не видно. Дядя Миша подошел к ней, обнял — и почувствовал, что она мелко-мелко дрожит. «Плачет, конечно».

— Мама, я здесь. Я приехал.

Мать, не поднимая головы, погладила его руку, и тихо, чтобы другим не было слышно, сказала:

— Хорошо, что ты приехал, сынок. Умоляю, скажи Рантику, чтобы замолчал, а то я от смеха описаюсь.

На бумаге этот рассказ много теряет, потому что Чиаурели воспроизводил пение Рантика, — и мы понимали, что от смеха точно можно было описаться. Рантик пел, слегка подвывая, а какие-то слова вдруг громко выкрикивал и подпрыгивал… Нет, это надо было слышать и видеть.

Верико и дядя Миша официально расписались, когда Чиаурели исполнилось семьдесят пять (и то только потому, что дяде Мише было лень писать завещание). А когда дяде Мише стукнуло восемьдесят семь, у них случилась первая сцена ревности: Верико нашла у Чиаурели любовное письмо от одной кинозвезды немого кино… А до этого они жили мирно. Обязанности были четко распределены: дядя Миша зарабатывал и строил — он любил и умел строить. Он построил этот дом Верико, дом в дачном поселке Цхнети, большой дом в Дигоми (деревне, где он родился)… А Верико любила и умела тратить».

А вот еще одно воспоминание:

«Шофер дяди Миши Чиаурели, Профессор, всегда выглядел элегантно, почти как сам дядя Миша, и все время был рядом с хозяином. И когда в Тбилиси приезжали именитые гости (Джон Стейнбек, сын Черчилля, Назым Хикмет), дядя Миша встречал их вместе с Профессором. Так и представлял его гостям:

— Познакомьтесь, это Профессор.

И гости уважительно именовали Михаила Заргарьяна «господин профессор» и никак не могли понять, что это «господин профессор» все время бережно держит в левой руке. А это была крышка от радиатора, Профессор таскал ее с собой: боялся, что сопрут.

Однажды (когда Чиаурели уже не стало) я наблюдал такую

сценку. Девять тридцать утра. По залу с антикварной мебелью, по сверкающему фигурному паркету Профессор катит колесо. Открывает дверь в спальню, закатывает туда покрышку и зовет:

— Верико! А Верико!

— Что? — не открывая глаз, сонно спрашивает Верико. Как всякая театральная актриса, она поздно ложится и поздно встает.

— Открой глаза! Посмотри!

Верико приоткрывает один глаз.

— Ну?

— С такой покрышкой можно ездить? Можно?!

— Хороший шофер с такой покрышкой может ездить, а у говновоза любая лопнет, — бурчит Верико.

— Вера Ивлиевна, я вас вожу, — напоминает Профессор.

Верико открывает оба глаза.

— Господи, чем я перед тобой провинилась, что ты окружил меня такими идиотами!..

И далее она минут десять с трагедийным надрывом сетует на судьбу. Верико Анджапаридзе критики включали в десятку лучших трагедийных актрис XX века, и, когда она с таким пафосом говорила на сцене, зал рыдал. Но Профессор был человеком дела и эмоциям не поддавался. Когда Верико утомилась и замолчала, он спокойно говорит:

— Деньги давай.

Верико тяжело вздыхает, переворачивается на другой бок и бормочет:

— В тумбочке посмотри…»

— Знаете, каким был папа? Он считался другом Сталина, присутствовал на всех его застольях, так как был непревзойденным тамадой. Но и отец обожал Сталина, безоговорочно верил ему. Посвятил ему три фильма — «Падение Берлина», «Незабываемый 1919-й» и «Клятва».

Кстати, один из своих фильмов — исторических — папа снял во время войны. Когда Сталин посмотрел это кино, в котором у актеров были дорогие костюмы, на женщинах — старинные серебряные украшения, массовка исчислялась сотнями, то отдал распоряжение отпечатать как можно больше копий картины и забросить в немецкий тыл. Чтобы враги увидели, как сильна наша страна, раз может позволить себе снимать такое кино во время войны.

Почему папа снимал такие фильмы? Не думаю, что он был наивен. Скорее он просто верил Сталину. Верил и любил его. Потому, наверное, иногда позволял себе небезопасные фантазии.

Так, снимая «Падение Берлина», он включил в фильм эпизод прилета Сталина в поверженную немецную столицу. Чего, как известно, на самом деле никогда не было.

Папа потом рассказывал, что во время показа картины вождю он сидел как на иголках. А Сталину, наоборот, все очень понравилось. «Знаешь, Михаил, — сказал он отцу, — а я ведь на самом деле думал полететь в Берлин. Теперь жалею, что не сделал этого. Так что ты был абсолютно прав».

Мама же Сталина ненавидела и никогда этого не скрывала. Но главным объектом ее ненависти был Берия. Так получилось, что во время одной из гастрольных поездок на мамину подругу, молодую актрису театра имени Марджанишвили, обратил внимание Берия, бывший, как известно, большим любителем красивых женщин. Лаврентий Павлович сказал девушке, что вечером придет к ней в гостиничный номер. А она жила в одной комнате с мамой. И что сделала мама? Забралась под кровать. И когда Берия и несчастная оказались в постели, мама засмеялась. Хозяин Лубянки вытянул Верико из-под кровати буквально за ноги, но сделать ничего не смог. То, что мужа Верико любит сам Сталин, ни для кого не было секретом. Вот когда Сталина не стало, Берия сумел отомстить нашей семье.

Кстати, одно время мы были с Берия соседями. Это было в Москве, где на «Мосфильме» папа снимал сталинскую трилогию. Мы жили тогда на Садово-Кудринской, неподалеку от дома Лаврентия Павловича. Пока был жив Сталин, Берия был бессилен. Но после того, как вождь умер, все началось.

Папа успел снять документальную ленту «Великое прощание» о похоронах Сталина. Он брал меня с собой на студию документальных фильмов, и я вместе с ним просматривала километры пленки, запечатлевшей прощание со Сталиным.

А уже следующий его сценарий, тоже посвященный Сталину, не приняли. Вскоре папу исключили из членов партии и отправили в ссылку в Свердловск.

Когда он смог вернуться в Грузию, его не допустили до кинематографа. Хотя был ли в те годы хоть один человек, который не посвящал Сталину книги, фильмы, музыку?

Поскольку папа хорошо рисовал, он занялся мультипликацией. И все равно умудрился снять мультфильм, посвященный Сталину. «Мыши хоронят кота» он назывался. По сказке Василия Жуковского.

Папа был очень талантлив — организовал в Тбилиси оперный театр, занимался скульптурой. А как он пел! Я храню магнитофонные ленты, на которых записаны романсы в его

исполнении. Стоило ему взять в руки гитару, все были сражены наповал. Женщины обожали отца и всегда, завидев его, просили спеть. Папа, разумеется, не отказывал…

Наливайте себе вина, очень вкусно. Или вы хотите белое? У меня есть цинандали.

На столе стоял кувшин с красным полусладким, которое в дом Софико присылали знакомые виноделы из Кахетии не один десяток лет. И тут же — бутылка магазинного цинандали. Увы, наставника в винных делах у меня тогда не нашлось. И я — к изумлению хозяйки, никогда не забуду ее чуть насмешливый взгляд — выбрал вино из бутылки. Софико кивнула и спустившийся к нам за это время ее младший сын наполнил мой бокал. Сама Чиаурели пила, конечно же, киндзмараули.

Знаете, за что давайте выпьем? У нас в Грузии первый тост всегда был «За мир!». Раньше это казалось таким банальным. А сейчас, после гражданской войны, когда сосед шел на соседа, значение тоста понимаешь по-другому. Тост, над которым мы все издевались, вдруг стал таким злободневным. Мир! Оказывается, самое главное, чтобы был в доме мир. Не в квартире, а в городе, стране. Чтоб был мир, чтоб не бояться выходить на улицу, чтобы люди здоровались друг с другом.

Мой любимый тост? За здоровье. Мы сейчас приблизились к тому возрасту, когда понимаешь, что оно не безгранично. Нет ничего дороже жизни. Она бесценна, ее нам даровал Господь. И ее нужно ценить в каждом проявлении. Она неповторима, и в этом ее главное чудо. Иногда задают такой вопрос — хотелось бы мне повторить свою жизнь заново? Да ни за что. Она была прекрасна, ярка, интересна. Но заново все переживать? Увольте!

Рассказать о детстве? С удовольствием!

Мои мама и папа были партнерами. Встретились и полюбили друг друга. Для кого-то это была трагедия. А для них — счастье. Хотя бы потому, что на свет появилась я.

Они тогда уже жили в доме на Пикрис-горе. Мама потом рассказывала, что 21 мая 1937 года в три часа ночи раздался стук в дверь. Мама вздрогнула. Время было такое, что ночные визиты ничего приятного не сулили. Открыла — на пороге стоял Сталин. А рядом с ним — Ленин.

Так папины друзья, актеры Геловани и Мюффке, которые снимались у него в фильме «Великое зарево», решили подшутить и в гриме заехали домой к родителям.

«Хулиганы, сволочи, гады!» — кричал отец. Но беременная Верико уже не могла прийти в себя. И Сталин с Лениным практически приняли роды.

Я родилась, и месяц у меня не было имени. День моего рождения — это именины святой Елены. Мама и хотела назвать меня Еленой, а отец — Софьей. Между ними месяц шли споры. В итоге, когда мне исполнился месяц, папа написал два этих имени — София и Елена — на бумажках и бросил в папаху. Взял меня на руки, поднес к шапке и запустил в нее мою ручонку. И я достала записку с именем Софья.

Я очень рада, что достала это имя, потому что Софья — это мудрость.

В моем характере две разных крайности: со стороны мамы в роду были аристократы. Дедушка служил нотариусом, бабушка училась на Бестужевских курсах в Петербурге. Вспоминала свой поход на какой-то съезд. Рассказывала, что «на трибуне стоял красавец Како, то есть Акакий Церетели. И вдруг в зале какой-то рыжий парень закричал, что есть такая партия». Это был Ленин.

А по отцу мои предки — крестьяне. Бабушка, помню, играла на маленькой гармошке. И просила, чтобы я танцевала. Папиного отца, Эдишера, знал весь Тбилиси, он торговал на базаре. Был кинто.

Сам папа пришел в искусство с нуля, ему никто не помогал. Семья у него была очень бедная. Он собирал на улице старые журналы и, изучая их, узнавал великих творцов прошлого — от Леонардо да Винчи и Тициана до Ван Гога и Мане. И в результате сам стал художником. А потом и режиссером. Если бы вы видели, какие немые фильмы он снимал.

У меня, конечно, были уникальные родители. Но понимание, в каком доме я росла, пришло слишком поздно. Все кажется, что самого главного у них я так и не успела спросить.

Я была папиной дочкой. Отец обожал меня. Все время старался помочь деньгами. Присылал денежный перевод, а мы его тут же проедали.

Как-то на день рождения прислал деньги и телеграмму: «Это тебе на торт». Ну, я через день ему и ответила: «Торт съели. Пришли на хлеб».

Когда мне говорили, что я тоже буду актрисой, у меня был такой протест! Нет, только не актрисой — я буду хирургом! Но в итоге все-таки собралась в театральное.

Когда сказала дома, что еду в Москву поступать на актерский, мама умоляла хоть что-то ей прочесть. Но я решила для себя: понравлюсь приемной комиссии — пройду, нет — вернусь в Тбилиси. В результате поступила сразу в ГИТИС и во

ВГИК.

Моя карьера складывалась довольно удачно. Первой работой в кино стала главная роль в фильме Резо Чхеидзе «Наш двор». Он вышел на экраны в 1956 году и сразу же был удостоен главной премии на Московском кинофестивале.

Мало того, я получила телеграмму от знаменитого в то время индийского киноактера Раджа Капура. Он поздравлял меня, 20-летнюю, с победой.

После этого на киностудии «Грузия-фильм» мне присвоили высшую категорию и я стала зарабатывать 500 рублей. При том, что у Верико в театре была зарплата 350 рублей.

Мама, кажется, даже обиделась. Но я ликовала — теперь могла легко летать в Москву, благо билет стоил всего 37 рублей.

Тогда же я стала матерью. Помню, пришла к врачу и он мне сказал, что через семь месяцев у меня родится сын. Я была так счастлива! Поднялась в трамвай и удивлялась: почему мне никто не уступает место, ведь я — будущая мать.

Рассказывали, что, услышав предложение сняться в фильме у Резо Чхеидзе, Софико поставила условие — роль должен получить и Георгий Шенгелая, ее муж. И режиссер выполнил требование начинающей актрисы.

После окончания института кинематографии Софико получила несколько приглашений от московских театров и киностудий. Но выбрала для себя Тбилиси, театр имени Марджанишвили, которым руководила ее мать. Здесь Софико сыграет великие роли — Джульетту, Жанну Д'Арк.

А потом в ее жизни появится Сергей Параджанов. Софико исполнила главную роль в его легендарном «Цвете граната». Она вспоминала, что накануне одного из съемочных дней заболела, температура была под сорок градусов. Но Параджанов и не думал отменять съемки. «То, что надо! — сказал он. — В другом состоянии у тебя не будет такого блеска в глазах».

Потом Софико признает, что режиссер оказался прав.

В конце жизни она говорила, что, если Господь отмерит ей еще немного времени, она сделает все, чтобы в Тбилиси появился музей Сергея Параджанова. Увы, этого не случилось…

— Когда я уже снималась и играла в театре, мне долгое время казалось, что мама довольно критически ко мне относится как к актрисе.

Это пошло с детства. Не забуду, как я кривлялась перед зеркалом в маминых нарядах, а она, глядя на это, восклицала: «Какая бездарность! За что мне такое наказание?»

И вдруг однажды, когда у нас были гости — Майя Плисецкая, Аркадий Райкин, другие московские знаменитости, она встала и произнесла тост: «Сегодня я могу уже с гордостью сказать, что Софико гораздо большая актриса, чем я».

И вы знаете, на меня это произвело странное впечатление. Я даже не обрадовалась этим словам. Наоборот, мне стало страшно: в произнесенном тосте чувствовалось, словно мама передает мне эстафету, словно прощается с театром.

Именно в тот момент я поняла, как много значу для мамы. И потом целую ночь не спала. Маме оставалось еще пять лет жизни.

Ее последним спектаклем стала моя постановка пьесы Поля Зиндела «Ромашка». На сцену мы выходили вместе. Этот спектакль был последним, который сыграла Верико. На другой день у нее случился инсульт…

Какое-то время Софико сидела молча, перебирая пальцами веер. За стеклами очков что-то блеснуло. Я не смел перебить ее молчание. И разглядывал стены дома, увешанные фотографиями его прежней хозяйки. К тому времени мы уже перебрались под крышу: начался дождь. Когда снова выглянуло солнце, мы вернулись в сад и опять расположились за столом.

— Знаете, я чувствую свою вину перед мамой.

Через месяц после ее смерти в бумагах я нашла маленький конвертик, на котором было написано «Софико». Я раскрыла его и прочла: «Заклинаю тебя памятью отца и брата! Если меня хватит удар, не тащи в больницу, дай мне умереть в своей постели. Не возвращайте меня к жизни. Я не заслужила жить калекой. А сегодня столько средств, сделай мне один маленький укол. Ведь я так мечтаю лежать рядом с моим мальчиком. Выполни это, для меня это будет огромным облегчением».

Но я ведь это не сразу прочла! И когда маму хватил удар, потащила ее в больницу. Конечно же, там все знали, что к ним везут Верико. В коридоре стояла толпа народа. И тогда мама правой, единственной работающей рукой взяла покрывало и накрыла себя с головой, чтобы никто не видел ее в таком состоянии.

Думаю, что, оказавшись в больнице, мама сама остановила свое сердце. У нее был инсульт, и врачи сказали, что такое состояние — надолго.

На второе утро ее уже не стало. Она была очень сильной женщиной.

Ее похоронили на святой горе Давида, в пантеоне, а меня никто и не спрашивал. Хотя она так мечтала лежать рядом с моим братом.

Получается, ни одного пункта из ее завещания я не выполнила. И это меня очень угнетает.

Утешением служит только то, что я прочла все слишком поздно.

Очень долго мама и папа были похоронены на разных кладбищах. Отца предали земле на территории киностудии «Грузия-фильм», а маму — на Мтацминда.

Говорили, что в парке киностудии будет тоже устроен пантеон для выдающихся режиссеров. Но этого так и не случилось. И могила отца так и осталась в одиночестве.

Дошло до того, что на заброшенной территории стали гулять лошади. Они паслись и щипали траву, которая росла из папиной могилы.

Тогда я обратилась к Шеварднадзе, и он распорядился перезахоронить прах папы тоже на Мтацминда.

Зимой 2011 года я оказался в гостях у бывшего президента Грузии. Эдуард Шеварднадзе рассказывал о Нани Брегвадзе. И вдруг засмеялся — вспомнил о Софико и Верико :

— Я был очень близок с семьей Софико. Она была совсем маленькая, когда мы познакомились с Верико. Как-то мне позвонил Михаил Горбачев. Какое-то мероприятие проводилось в Ташкенте. «Прилетай. Возьми Софико». Я пригласил ее, мы прилетели в Узбекистан. Жили в одном доме, в разных комнатах, естественно. Рано утром Горбачев подошел к нашему дому, Софико сидела на балконе. Он поднялся и стал ее целовать. Софико такую ему пощечину дала! Он говорит: «Я — Горбачев, ты знаешь?» — «Да пошел ты к черту!» Уникальная была личность, всегда ее помню…

Несмотря на яркие роли и зрительский успех, жизнь Чиаурели не была безоблачной. В 1974 году не стало отца. Затем погиб брат Рамаз. Она сама говорить об этом не любила, а расспрашивать я не решился.

О том, как сложилась судьба родных братьев Софико — Отара и Рамаза, вспоминает Георгий Данелия. Его книги «Безбилетный пассажир» и «Тостуемый пьет до дна» не только история кино, но и настоящая летопись жизни тбилисской родни:

«Отар учился в Академии художеств, но учением особенно себя не утруждал. Ректор академии, встречая Михаила Чиаурели, все время жаловался ему: Отар очень способный, но шалопай. И дядя Миша постоянно читал сыну нотации. Говорил, что он в возрасте Отара сам себя содержал, а еще и младших братьев и сестер воспитывал.

Отару надоели отцовские нотации, и он устроился работать на склад. И в один прекрасный день к дому Верико подъехал грузовик, Отар с каким-то парнем сгрузили тяжелый мешок и вдвоем пронесли его через зал в кабинет Чиаурели.

— Это что? — спросил дядя Миша.

— Соль, — гордо сказал Отар. (Дело происходило во время войны, и соль была большим дефицитом.) — Для семьи.

— Откуда?

— На лопаты выменяли.

— А лопаты где взял?

— А лопаты были лишние.

Дядя Миша велел немедленно вернуть и соль, и лопаты и прочитал сыну нотацию о том, что честь дороже денег. Отар увез соль, вернул лопаты и ушел со склада. И стал хроникером на тбилисской киностудии. И жил жизнью советского служащего.

А парень, с которым он привозил соль, остался работать на складе, и в пятидесятых годах за свой счет, чтобы поддержать грузинский спорт, на трех самолетах возил болельщиков по всем городам, где играло тбилисское «Динамо». А после перестройки стал олигархом и несколько раз баллотировался в президенты. И Отар мог бы так же, если бы его не сбили с пути.

Отар был для меня хоть и сводным, но главным братом. Ему было двадцать лет, он крутил «солнце» на турнике, мог выпить, не отрываясь, двухлитровый рог, умел рисовать смешные картинки, пел, играл на гитаре и на рояле и мог запросто отлупить трех человек, несмотря на то что сам был маленького роста и горбатым. А главное — хоть Отар и был намного старше меня, но был со мной на равных, здоровался за руку, внимательно слушал и никогда не делал замечаний.

Отар был намного старше, и я с ним общался не часто. Но с другими братьями, когда жил в Тбилиси, я был неразлучен.

Рамаз был старше меня на три года, Джиу — на два, а Тимур — на год.

Рамаз был фантазером и все время что-то из нас организовывал — секцию вольной борьбы, футбольную команду, шахматный клуб… А во время войны организовал сапожную мастерскую «Братья и К°», мы шили босоножки и продавали их на базаре.

А еще он был экспериментатором. В сорок первом на Новый год нам с Рамазом подарили по банке сгущенного молока. (Джиушки не было. Он уехал к тетке в Кутаиси.) Взрослые куда-то ушли, а мы ровно в двенадцать вскрыли банки и начали есть. Ели мы, ели… По полбанки съели — больше не лезет. Рамаз сказал,

что надо насыпать в сгущенку кофе: «Будет намного вкуснее. У Верико есть кофе, я знаю, где она его прячет». Он пошел в спальню Верико и принес пакет. Насыпал себе в банку три ложки, хотел насыпать и мне, но я отказался: «Дай я сначала из твоей попробую». Попробовал — не понравилось: очень горько. А Рамаз доел свое молоко с кофе до конца. Говорил, что я не прав: «Вкус не горький, а пикантный».

А на следующее утро Верико подняла крик: «Кто взял мою хну?!» (Турецкий порошок для окраски волос в рыжий цвет.)

Рамаз потом боялся, что у него на попе вырастут оранжевые волосы, но обошлось…

Джиушка был спокойным и молчаливым. Никогда не спорил, не ругался, не обижался. Если я начинал с ним бороться, он всегда поддавался, хотя был намного сильнее меня. А Тимур был очень общительным: он знал в Тбилиси всех, и его все знали. А еще он был страшный аккуратист: когда он приезжал ко мне в Москву, то на ночь брюки аккуратно складывал под матрас.

Рамаз стал кинорежиссером, Джиу — геологом, а Тимур — врачом.

Первым скончался Отар.

Потом — Джиушка. Сосед попросил Джиушку помочь с ремонтом «Москвича», Джиушка вручную вытащил мотор, и у него заболело сердце. Он пошел в больницу к Тимуру на обследование. И Тимур обнаружил, что Джиушка уже перенес на ногах два инфаркта.

— Больше моторы не поднимай, — велел Тимур. — Для этого существует техника.

Моторы Джиушка не поднимал, но… В одно воскресенье он лежал на тахте, читал, а на балконе играл щенок, которого притащил сын Джиушки. Щенок умудрился пролезть между перилами и упал с балкона. Джиушка вскочил и — разрыв сердца.

Потом ушел Рамаз. Рамазу еще не было пятидесяти, когда он тяжело заболел. Его положили на операцию, вскрыли и зашили снова: все в метастазах. Рамаз знал, что у него неоперабельный рак. Боли были очень сильные, и Рамаз попросил Тимура облегчить ему уход. Тимур сделал укол.

Правильно ли поступил Тимур, выполнив просьбу Рамаза, — теперь судить не нам: Тимура тоже уже нет…»

— То, что обо мне думают окружающие, не всегда справедливо. Все думают, что я очень властная.

Ко мне как-то пришла журналистка и спросила: «Как проходит ваш день?» Ну я и ответила: «Встаю, принимаю молочную ванну, потом приходит педикюрша, потом отдыхаю,

мне читают газету, потом еду в театр. А перед сном принимаю душ из шампанского». И она всему поверила, смутил только душ из шампанского.

А я… Не успеваю открыть глаза, начинаю думать: «Чем сегодня накормить детей? Надо заплатить за телефон, за свет. Придут рабочие, не забыть о репетиции».

Знаете, я так чувствую быстротечность времени, не успеваю жить! Поняла, что время бежит, где-то после 40. Мой старший сын талантливейший художник, но лентяй. Вернее, не лентяй, но не чувствует, что время мчится. Никак не могу его заставить это понять.

Младший — актер, но… Маленький принц. Он мой сын. Я его родила, а плацента не отделилась. Не может без меня существовать, как и я без него.

В этот момент Сандрик обратился к матери с какой-то просьбой. И пока Софико была занята, я вспомнил, как оказался в одной компании с актрисой в каком-то московском ресторане. Как смешно она рассказывала о своих поездках за границу. В этот раз тоже попросил актрису вспомнить какой-нибудь эпизод из гастрольной жизни.

— Были не только веселые истории. Никогда не забуду, как нас с Гией Данелия в конце 60-х послали в Чехословакию представлять фильм «Не горюй!».

Кстати, сценарий этого фильма писался изначально на меня, поэтому мою героиню зовут Софико. Надо так было случиться, что на съемках у меня обострилась язва. И единственное, что помогало — семечки, которые я бесконечно грызла. Гию это бесило: «Прекрати! Фильм провалится». Он даже нарочно назначал съемки на раннее утро, чтобы я не успела купить семечки. Но я еще с вечера готовилась и заезжала прямой домой к женщине, которая ими торговала. А Гие сказала, что все будет наоборот и фильм ждет успех. И оказалась права!

Мы с этой картиной много ездили. В тот раз в составе делегации кроме нас были оператор Вадим Юсов, Буба Кикабидзе и тогдашняя жена Данелия актриса Люба Соколова. Приехали мы. Вечером — премьера. За нами заехал директор кинотеатра и привез к абсолютно темному зданию — ни света, ни афиш, ни людей.

Мы удивленно посмотрели друг на друга, а Гия спрашивает у директора: «Это здесь будет премьера? А почему так темно и никого нет?» Директор испуганно отвечает: «Я вас очень прошу, не говорите громко по-русски». Завел нас в кабинет, предложил чай-кофе и сказал, что на несколько минут отлучится. Причем,

когда он выходил, я услышала, как в дверном замке повернулся ключ.

Я сказала ребятам, что нас заперли. Данелия говорит: «Тебе показалось». А потом дернул дверь — действительно заперта. На часах восемь вечера, полдевятого. Мы уже стали стучаться, звать на помощь. Наконец, ровно в девять появился директор с бледным от испуга лицом и проводил нас в зрительный зал. А там — никого. Только на последних трех рядах какие-то престарелые люди. Как мы потом узнали, в течение этого часа он съездил в дом умалишенных, чтобы хоть кого-то привезти на наш фильм.

Оказалось (нам же никто ничего не говорил), в стране был объявлен траур из-за ввода советских войск. Погибли люди, все дома были убраны черной тканью, на каждом окне стояла свеча. А нас с комедией послали на растерзание. Потом нам рассказывали, что перед нами с гастролями приезжал эстонский оркестр. Так барабанщику рогаткой выбили глаз. Буба Кикабидзе чуть не плакал: «Я тоже барабанщик, мне тоже выбьют глаз». Нам запретили говорить по-русски. И мы — я, Гия и Буба — общались по-грузински. А Люба, с которой мы ходили по магазинам, шепотом называла мне заинтересовавшую ее вещь. Никогда не забуду ту поездку.

И свое депутатство в Верховном Совете СССР помню.

Такое разве забудешь? Я была депутатом от Южной Осетии. На сессиях рядом со мной сидел первый секретарь обкома, кажется, так называлась должность первого лица республики. Во время голосований нас просили поднять руки. «Единогласно?» — переспрашивали на всякий случай. А я кричала, что нет, не единогласно, я — «против». Чего мне было бояться? Я относилась ко всему, как к спектаклю. И секретарь обкома умолял меня: «Софико, опусти руку, меня с работы снимут!»

На одной из сессий перед нами должен был выступить Брежнев. Но вместо него на трибуну поднялся Суслов и сказал, что Леонид Ильич приболел. А в вечерних газетах все равно напечатали, что на сессии выступил Брежнев, и опубликовали его речь, перемежающуюся ремарками «аплодисменты», «бурные аплодисменты, переходящие в овацию». А ведь нас было 900 человек депутатов. И все равно не стеснялись дурить народ. Странно, что еще и фотографию выступающего Брежнева не напечатали. Такой маразм!

Но я не жалею, что была депутатом. Потому что смогла многим помочь. Что вы, у меня дома очередь с утра выстраивалась. Когда Шеварднадзе был первым секретарем ЦК

компартии Грузии, а я — депутатом Верховного Совета, он попросил меня выступить в защиту старинного церковного комплекса, рядом с которым располагался полигон советских войск. «Ты актриса, тебе можно. Попроси перенести полигон. Только постарайся умаслить Брежнева», — напутствовал меня он. Я вышла на трибуну и сказала: «Конечно, нашим солдатам надо где-то учиться. Но ведь можно найти другое место. Дорогой Леонид Ильич, я надеюсь на вас, вы же отец всех нас!» Брежнев заплакал, подошел ко мне, обнял — вопрос был решен.

Горестный август 2008 года, надолго поставивший крест на почти семейных отношениях России и Грузии, был впереди. Чиаурели до него не дожила. Но тема наших двух стран, конечно, в разговоре прозвучала.

Уже тогда мы говорили, словно находясь на двух полюсах. Но было легко, ведь между нами было великое прошлое, сердечное настоящее и большое будущее. Была надежда .

Есть она и сейчас, когда я пишу эти строки.

— Поймите, я не политик, я актриса. В России живут люди, которых я обожаю. Я юность провела в России, училась в Москве, во ВГИКе. Это моя вторая родина! Но я не всегда понимаю поступки ее власти.

Мирным путем Грузия победит всех. А военным, конечно, никогда. У нас же маленькая страна.

Самое главное — это любить друг друга. У наших народов так много общего, что его никогда не забыть и не зачеркнуть.

Не люблю говорить о политике, но куда от нее денешься. Беда прежнего грузинского руководства заключалась в том, что президент Шеварднадзе был оторван от реальной жизни народа и верил благостным докладам своего окружения.

Шеварднадзе, когда стал президентом, был уже в годах. Его привезли в 1992 году в стра-а-ашную, раздробленную Грузию. У нас не было ни электричества, ни газа. Приходилось во дворах разводить костры, чтобы приготовить еду. Ведь я только тогда поняла, что газ нам дает Азербайджан, а электричество — Россия. И Шеварднадзе начал постепенно наводить порядок. Но к 1997 году он уже был окружен теми, кто не допускал его к простому народу. И он, видимо, полагал, что все прекрасно.

Знаете, у меня была возможность напрямую разговаривать с президентом. Эдуард Амвросьевич приходил на все премьеры нашего театра. Я откровенно говорила ему о проблемах. Я актриса, и мне терять нечего — ни власти, ни должности, ни

дома меня лишить нельзя.

Когда я сказала Шеварднадзе, что он страшно оторван от народа и не те люди его окружают, он ответил: «А что мне делать? Я же не могу привезти людей с Марса!»

Это уже было издевательством. Что ж, ни одного честного и здравомыслящего грузина, что ли, не осталось? И тогда мне стало ясно, что ничего путного Шеварднадзе не сделает.

А сейчас пришла новая кровь. Да, молодежь делает ошибки, им надо подсказывать, советовать. Главное то, что нынешние руководители лишены комплекса раболепия. По-настоящему Россия и Грузия изменятся лишь тогда, когда на смену всем нам придет новое поколение.

Наши внуки, которые не будут помнить об СССР и станут жить в другом мире.

— Зачем лезть в чужую семью, во взаимоотношения между мужем и женой? Я же не говорю, что мы во всем правы. Ошибки бывают у всех. Не родился еще человек, кроме Господа, который бы не ошибался.

Мой отец безоговорочно верил Сталину. И я часто думаю, что лучше — верить в какого-то человека или пребывать в том безверии, в котором мы оказались сейчас? Произошло абсолютное крушение идеалов…

Монолог моей собеседницы то и дело прерывался телефонными звонками. Чиаурели хоть и коротко, но все-таки уделяла время беседам со звонящими. А я разглядывал сад того самого дома на Пикрис-горе.

Мне рассказывали, что раньше на этом месте располагался лес, в который тбилисцы приходили на прогулку. Видимо, в один из дней сюда пришли и Михаил с Верико.

Кстати, вот еще один штрих — ни разу мне не довелось услышать, чтобы режиссера Чиаурели кто-нибудь называл уменьшительно— ласкательным Мишико. Были, наверное, для этого основания.

Стоило мне назвать таксисту имя Софико, как он сразу понял, куда надо ехать. При этом сама актриса, когда на одной из церемоний ее назвали «легенда», поправила ведущего, сказав, что этот титул к ней не имеет никакого отношения. В шутку она называла себя народной артисткой «исчезнувшей цивилизации».

— Никакая я не легенда. Моя мать Верико Анджапаридзе, которая действительно была великой актрисой, умерла в 90 лет, как деревья, которые умирают стоя, отыграв за день до смерти спектакль. Она всю жизнь мечтала умереть на сцене. Так она

умерла, сомневаясь, что она актриса. И никакие титулы и популярность здесь ни при чем. Маму обожали все! Однажды она пришла на рынок и услышала, как по громкоговорителю объявили: «На нашем рынке сейчас великая Верико. Надеюсь, никто не посмеет взять с нее деньги». Мама тут же развернулась и убежала…

Как только поверишь, что ты что-то собой представляешь, — ставь на себе крест. Я, конечно, ощущаю популярность. Но не величие.

О величии Софико могла говорить легко, ведь она видела перед собой пример матери.

У Верико и друзья были под стать. Одной из ее ближайших подруг была Фаина Раневская. Когда была возможность, Верико и Фаина Георгиевна встречались, чаще это происходило во время поездок Анджапаридзе в Москву. Когда увидеться не получалось, они писали друг другу.

Одно из писем Раневской: «Верико, моя обожаемая, пока я жива, Вы не должны чувствовать одиночества. Я ведь не расстаюсь с мыслями о Вас ни на одну минуту. У меня, кроме Вас, нет никого, кто мне нужен, кто дорог, моя Верико, моя неповторимая актриса, я верный Ваш друг до конца моих дней. Что такое одиночество, мне известно хорошо, у Вас его не должно быть. А возможно, что каждый человек одинок, если человек мыслящий… Я не могу передать силу моей благодарности Вам за Вашу доброту ко мне, за Вашу дружбу. Вы моя самая дорогая, самая прекрасная — пишите мне, когда Вам одиноко и грустно, всем сердцем, всей душой я Ваша. Раневская».

Она ушла первой. Но Верико не собиралась мириться с потерей. И даже в день смерти Раневской писала:

«Дорогая моя, любимый друг, Фаина! Вы единственная, кому я писала письма, была еще Меричка — моя сестра, но ее уже давно нет, сегодня нет в живых и Вас, но я все-таки пишу Вам — это потребность моей души.

Думая о Вас, прежде всего вижу Ваши глаза — огромные, нежные, но строгие и сильные — я всегда дочитывала в них то, что не договаривалось в словах. Они исчерпывали чувства — как на портретах великих мастеров. На Вашем резко вылепленном лице глаза Ваши всегда улыбались, и улыбка была мягкая, добрая, даже когда Вы иронизировали, и как хорошо, что у Вас есть чувство юмора — это не просто хорошо, это очень хорошо — ибо кое-что трагическое Вы переводите в состояние, которое Вам нетрудно побороть, и этому помогает чувство юмора, одно из самых замечательных качеств Вашего характера.

Фаина, моя дорогая, никак не могу заставить себя поверить в то, что Вас нет, что Вы мне уже не ответите, что от Вас больше не придет ни одного письма, а ведь я всегда ждала Ваших писем, они нужны были мне, необходимы…

Я писала Вам обо всем, что радовало, что огорчало. И я лишилась этого чудесного дара дружбы с Вами, лишилась человека с большим сердцем. Моя дорогая, очень любимая Фаина, разве я могу забыть, как Вы говорили, что жадно любите жизнь! Когда думаю о Вас, у меня начинают болеть мозги. Кончаю письмо, в глазах мокро, они мешают видеть.

Ваша всегда Верико Анджапаридзе».

Сама Софико каждый раз подчеркивала, каким счастьем для нее было родиться в такой семье и столько лет находиться рядом с великим родителями.

Я, в силу возраста, не застал ни Михаила Эдишеровича, ни Верико Ивлиевну. Но почувствовать, каково это — оказаться в одном пространстве с выдающейся грузинской актрисой, — успел. А однажды даже стал свидетелем того, как Софико делала покупки на рынке. Обычном, где продают зелень, овощи, фрукты.

Не расскажу, в чем была одета Чиаурели, запомнилась лишь ее шляпка. Она вообще любила носить головной убор.

И даже рассматривая разложенные на прилавках кинзу, петрушку, укроп, лицедействовала. Не играла, не притворялась, не казалась кем-то иным. Но была Актрисой. Так, наверное, и случается с поистине великими. И конечно, это счастье — знать их и видеть.

— Что такое счастье для меня? Очень кратковременное ощущение. Жмут туфли, пришла домой, сняла их — Боже, как хорошо! Но бывает другое счастье, когда кто-то из твоих близких оказывается в опасности и ты можешь его спасти. Разные баллы счастья. Я вот затеяла дома ремонт, сижу вся в заботах, и вдруг входит сын, весь в крови. «Мама, меня ударил грузовик», — сказал и упал. Когда поправился, я подумала: «О чем я до этого беспокоилась, на что тратила нервы с рабочими?!» Мол, не тот колор стен выбрали. Какая глупость! И когда сын вышел из больницы, я поняла, какая счастливая!

Сегодня я осталась одна. Котэ ушел…

Моего брата не стало, когда ему было 49 лет. Мама очень его любила, и я думала, что она не сможет перенести эту потерю. А мама даже не заплакала. Это было так удивительно для меня.

Пока ночью я не услышала, как она воет в своей комнате. Это был стон раненого зверя.

И тогда я поняла, что по-настоящему горе переживается только наедине с собой. Так что все свое я оставляю на ночь.

Мне грех жаловаться на жизнь. Все, что хотела — сделала!

Конечно же, я счастливый человек. Была большая любовь…

А сколько я видела закатов! И ведь ни одного одинакового не было! Разве это не счастье? Надо только уметь ценить все это…

После того как разговор был закончен, вино выпито, варенье (действительно, очень вкусное) съедено, София Михайловна провела меня по театру, который несколько лет назад они с Котэ Махарадзе устроили на первом этаже своего дома.

Маленькая сцена, небольшой зрительный зал, уютное фойе, в котором на самом видном месте — фотография Котэ. Поговорить об ушедшем супруге я тогда так и не решился…

За несколько лет до ухода Махарадзе признался, что больше всего боится пережить Софико. Без нее он был беспомощен, и, говорили, что даже лампочку в доме вкручивала Чиаурели. Это была большая любовь. Настоящая.

В 2002 году в Тбилиси состоялся футбольный матч между Россией и Грузией, во время которого неожиданно погас свет. Матч был сорван. У Котэ Махарадзе случился инсульт. Он прожил после этого всего два месяца.

Самой Софико оставалось чуть больше пяти лет.

Она приходила на могилу Котэ в Дидубийском пантеоне. Махарадзе похоронили прямо у входа. И Софико попросила возвести стену, чтобы прохожие своим любопытством не мешали ей оставаться наедине с ее Котэ.

Сегодня эта стена охраняет и саму Софико…

Летом 2007 года Чиаурели исполнилось 70 лет. Специально для нее я написал пьесу «Ночи маркизы», подумав, что моноспектакль станет неплохим подарком к юбилею.

Но работы не получилось — София Михайловна уже была больна. Отправилась лечиться в Париж, но все было бесполезно.

В феврале 2008 года ее не стало…

Со старшим сыном Софико Николозом, или Никушей, как его называют в Грузии, Шенгелая мы знакомы давно. Причем наша первая встреча состоялась совсем не в Тбилиси, а в аэропорту Вены — Никуша с женой летели, кажется, на какой-то футбольный матч, а я — в Венецию читать лекции. Говорили о чем-то постороннем. Ну не расспрашивать же было о знаменитых родственниках прямо в зале регистрации.

Зато потом, когда я в Тбилиси снимал документальный фильм

к семьдесят пятому дню рождения Софико, с ее старшим сыном, без участия которого представить себе ленту было невозможно, мы встретились, как добрые знакомые. Мало того, Никуша появился на пороге материнского дома, открыл двери и, позволив мне с оператором начать съемки, уехал. Чтобы не смущать своим присутствием.

Когда возникла идея настоящей книги, я опять набрал телефонный номер Никуши Шенгелая. Тем более что повод был — хотелось передать сыну Софико журнал, в котором вышла моя большая статья об актрисе. «А мне уже вручили этот журнал, — ответил мне Никуша. — Спасибо большое, очень достойно. Хочешь встретиться? Записывай адрес».

На следующий день я поднимался на седьмой этаж высотного дома на Пикрис-горе, где живет семья Никуши Шенгелая. Дом Софико находится на параллельной улице.

В квартире полумрак, но все равно я замечаю, как много в доме фотографий Софико. Хозяин предлагает стакан холодного вина, носящего имя его знаменитой бабки, со стороны отца, актрисы Нато Вачнадзе.

Мать первого мужа Софико Чиаурели и бабушка Никуши считалась одной из первых красавиц немного кино. Этакая грузинская Вера Холодная. Сегодня портрет Вачнадзе украшает этикетку выдержанного саперави, которым меня угощает хозяин дома.

Вообще это уникальная семья. В столице Грузии есть два дома, на каждом из которых висит мемориальная доска — на одном зданиц, в старинном районе Сололаки, в честь Нато Вачнадзе и Николая Шенгелая, а на другом, на Пикрис-горе, в память Верико Анджапаридзе и Михаила Чиаурели. А в самом городе живет их внук, мой собеседник, Никуша Шенгелая.

Но главная тема моего визита — Софико и ее родители, чей дом, кажется, виден из окон квартиры, где мы сидим.

— Здесь я живу лет десять, наверное. До этого жил вместе с мамой. А когда серьезно занимался живописью, то работал в нашем доме в Дигоми (один из районов Тбилиси, — *прим. И.О.)*.

Там еще у отца Софико была мастерская. Михаил Чиаурели ведь родом из Дигоми. Там в пятидесятых годах он и дачу построил. И мама его оттуда. Ее тоже Софико звали. Она простой женщиной была.

А вот мать Верико, наоборот, была знатного рода, княжеского. Мы ее звали Бута.

Сегодня в доме Верико и Софико живет мой младший брат.

Он остался на верхнем этаже, где были мамины комнаты. Внизу располагается театр. Правда, он уже не функционирует, никто не финансирует. Хочу сделать там центр культуры и искусства. Проводить вечера театральные и встречи — с писателями, музыкантами.

Мама много снималась в кино, играла в театре. Поэтому дома чаще бывала Верико. Она уже в таком возрасте находилась, что на сцену выходила не так часто.

Мама проводила со мной все время, когда могла. Она рассказывала, что брала меня с пяти лет на съемки. Но я знаю, что это случалось и раньше — восемь месяцев мне было, я только первые шаги сделал. В Татушети мой дед снимал фильм «История одной девушки». И я тоже там был. У меня есть фотографии, на которых я — восьмимесячный — сижу на лошади, а уздечку держит отец. Такие бесстрашные были мои родители, что решились посадить меня на лошадь.

Мама потом шутила: как ты встал на ноги и прошелся, так с тех пор я мечтаю, чтобы ты чаще заходил ко мне.

Помню съемки фильма «У берегов Ингури», это уже в Сванетии происходило. Мне тогда было, наверное, годика два.

Мама играла вместе с Нугзаром Шария, который потом сбежал из Советского Союза. Была громкая история — советский актер остался на Западе. При Брежневе это случилось. Нугзар стал работать в Голливуде, переводил фильмы. Владел мегрельским, грузинским, русским и немецким языками.

Не так давно мы устраивали мамину выставку, представляли ее фотографии из фильмов. И Нугзар приехал в Тбилиси. Потрясающую историю рассказал мне. Первое время после побега он жил в Западном Берлине. И работал на Радио Свобода. Разумеется, никто из приезжающих из Грузии на фестивали с ним не контактировал, это было опасно. По возвращении могли возникнуть большие проблемы.

«А Софико, — вспоминал Нугзар, — меня отыскала. Достала номер телефона Радио Свобода, позвонила туда и нашла меня. Когда я услышал ее голос, у меня слезы появились. Я ей сказал — Софико, может, ты воздержишься от встречи, ведь знаешь, какая ситуация. Но она ответила: «Нугзар, главное в людях — это поступок. И плевать мне, что будет потом, я обязательно с тобой встречусь, чтоб у тебя не было комплекса и страха». И она была единственной из приезжавших из СССР, кто встретился со мной за все 15 лет».

Софико не боялась ничего. И когда вернулась в Тбилиси, никто ей даже не посмел ничего высказать. Такая она была.

Отстаивала Параджанова везде, где было возможно. Чего ей

бояться? Она поступала только по совести.

Я хорошо помню бабушку и дедушку. Я родился в 1958 году, они все еще были полны сил. Меня в основном они и растили.

Верико Анджапаридзе и Михаил Чиаурели были выдающимися людьми. Но для меня они были просто бабушка и дедушка, которые сажают на колени и что-то рассказывают. Не было ощущения, что рядом какие-то большие деятели искусства, великие артисты.

Получается, у них было время на то, чтобы нянчиться. Они все успевали, были молодцы.

Была и няня. И у моего брата тоже. Но лет до семи. После я был с бабушкой.

Такого, чтобы она садилась и говорила — сейчас я тебе расскажу свою жизнь, не припомню.

Она вообще не любила вспоминать о своей жизни с детьми. Да и с гостями не особо откровенничала. Бабушка не была болтливой. Она все в себе держала. Дедушка более живой был. Шутил много. Он в возрасте жил только внуками. С нами он себя — я так помню — чувствовал счастливым.

Помню каждый раз, когда собирался ехать с работы, часов в пять, он звонил мне — что тебе привезти. Каждый день так было. И я заказывал мармелад или шоколад. Тогда ведь ничего больше и не продавалось.

Дедушка был очень теплый человек. Занимался внуками, водил нас в цирк, возил в загородный дом.

Когда деда не стало, старший брат Софико Рамаз еще был жив. Он через два года после дедушки умер. Рамаз жил отдельно, на улице Палиашвили. Но каждый день приезжал к родителям, почти целыми днями был на Пикрис-горе.

У дедушки был еще один сын, от первого брака. Отар его звали, он занимался документальным кино. Он умер от рака. Дедушка еще был жив, когда он скончался.

Бабушки не стало в 1987 году. Мне было 29 лет. Я храню одну из последних фотографий, на которой мы с бабушкой.

Потом, уже после похорон, Софико нашла ее завещание. Это очень странная вещь, Верико все предчувствовала. Она прямо пишет там — если у меня будет удар, хочу умереть дома.

Эта бумага у мамы была. Я пока ее архив не трогал, в ту комнату вообще не заходил. Нужно время. Как захожу — сразу в горле комок, стараюсь не переступать порог. Но последнее бабушкино письмо я видел, она словно предвидела свою смерть.

Когда ей стало плохо, Софико повезла ее в больницу. Я тоже присутствовал, мы вместе мы туда поехали. Верико уже говорить

не могла. Когда я подошел к ней, она словно глазами хотела что-то сказать. Мою руку немножко, что у нее было силы, сжала — наверное, хотела передать: не берите меня в больницу.

Было ли понимание, что Верико великая? Было. Но для меня она все-таки оставалась в первую очередь бабушкой. Хотя я понимал, какая она — Актриса. Не в детстве, разумеется. Это все потом пришло, когда мне исполнилось лет восемнадцать. В зените ее славы я не видел бабушку на сцене. Но даже когда она уже совсем в возрасте играла, я ощущал ее чары. Верико выходила на сцену, произносила первое слово, делала какой-то жест — и зал был ее. Я это чувствовал, находясь среди зрителей. Люди сразу начинали плакать, и я не мог понять почему. Что-то происходило. Есть там какая-то тайна, она существует.

Верико не была строгой. Была, скорее, немногословной. Не любила морали читать. Вообще нас воспитывали на собственных примерах, старались дать образование. Если мы, дети, что-нибудь натворили, нам давали почувствовать, что мы не правы. Мы понимали, что взрослые обижены. И это было самое страшное. Таков был стиль их воспитания.

Когда мы получали, скажем, двойку, становилось не по себе. Не потому, что боялись. Нет, это был не страх, а стыд, который был сильнее.

Родители всегда говорили мне, что кино и театр — очень зависимая профессия. И артист, и режиссер не могут полагаться только на себя.

Кто-то удивился, что я не стал актером. Говорили, мол, что отец мог бы меня снимать в своих фильмах. Но, во-первых, я сам не считаю себя артистом. А во-вторых, Георгий Шенгелая снимал только тех, кого считал нужным. Да и мне самому не очень хотелось.

Режиссерская профессия ведь на самом деле очень зависима. И сегодня, и во времена моих родителей. Надо было проталкивать сценарии. Тогда с деньгами проще было, но все равно, много проблем возникало. Вообще, если режиссер сделает хотя бы половину из того, что он хочет выразить, его фильм можно считать удачным.

А живопись — это свободная профессия: твои краски, твои кисти, твой холст.

Дедушка первый раз увидел мои рисунки, когда мне было лет пять, и сразу сказал: «Вот!» Я сам начал рисовать. Просто захотелось.

Он вообще баловал нас. Дедушка более философски ко всему

относился. Понимал, что главное в жизни, а что не главное. Кстати, именно он начал собирать мои первые рисунки. Уже тогда увидел что-то. Потом и отец заметил, и мама, потому меня и направили в живопись.

Михаил мог понять, что к чему. Он же сам был очень хорошим художником и скульптором. И, наверное, что-то в моих работах разглядел. Я думаю, что существует какая-то генетическая связь.

Мои детские работы дедушка не спешил показывать своим друзьям. А вот позже, когда я уже в художественный техникум перешел, тогда уже и отец, и дед показывали мои рисунки своим коллегам, известным художникам. И получили от них какое-то одобрение.

Отношения у Софико и Верико были разные. Могу одно сказать совершенно точно: они были духовно близки. Хотя мама и бабушка особо долго не разговаривали, они с двух слов понимали друг друга. Бабушка всегда очень переживала за Софико, как и любая мать беспокоится о своей дочери. Только в их случае, кроме житейских волнений, добавлялись и переживания из-за профессии. Ни у одной, ни у другой нрав не был легким. Они обе с характером были. При этом свои проблемы и переживания из-за творческих неудач никогда не приносили в дом. По крайней мере, мы, дети, этого не чувствовали. Я и каких-то ссор, которые наверняка, как в любой нормальной семье, случались, не помню.

Верико и Нато Вачнадзе, мать моего отца, очень дружили. Были близкими людьми. Сохранились их письма. Так получилось, что они в одно время были беременны. Нато с мужем, Колей Шенгелая, находились в Москве, когда на свет появился мой папа. Николай тогда работал в Москве. И они прислали в Тбилиси депешу: «Родился мальчик, ждем невесту. Наташа и Коля».

Через 10 дней родилась мама. И Верико и Миша послали ответ: «Невеста родилась, ждем зятя». Такая была шутка.

Получилось, что мама с отцом с рождения были помолвлены. А потом у них и первый фильм был совместный — «Наш двор», который снял Резо Чхеидзе.

Развод родителей, конечно, стал для нас, детей, большой трагедией. Да и для них самих, думаю, тоже. Когда семья распадается — это всегда беда.

Была ли у меня какая-то обида на мать? Честно признаюсь — была. Потому что отец остался один. И я перешел жить к нему.

С Котэ Махарадзе первое время я не разговаривал. Только лет через пять, наверное, начал с ним нормально общаться. Это же

была травма… Но вообще я не люблю о семейных делах разговаривать.

Для меня это был выбор Софико, и в итоге никаких проблем с новой маминой семьей не возникало. Потом с Котэ у меня сложились нормальные отношения.

Конечно же, я понимал, что моя мама — актриса. Но ее фильмы до сих пор не получается смотреть отстраненно. Нелегко это. Передо мной на экране — в первую очередь мама. И с бабушкой было точно так же.

После какого фильма пришло понимание, что мама — актриса с большой буквы?

Очень интересный образ она создала в фильме «Древо желаний» Тенгиза Абуладзе. Картина отца «Мелодии Верийского квартала» тоже очень близка для нее. Софико уникальной актрисой была. В отцовском фильме ее пластика особенно выявилась. Ну и, разумеется, мне дорог «Цвет граната» Сережи Параджанова. Там она потрясающе играет.

Как писал сам Параджанов, Софико была первой актрисой-балериной в кино. Она чувствовала любое передвижение камеры, предугадывала все нюансы. В зрелости еще более отточила свой талант, для меня очень важны ее поздние фильмы.

Софико была невероятно знаменита. Но тогда такое стояло время, что слава и деньги вовсе не являлись синонимами. И Софико всегда приходилось много работать. Другое дело, что она каждый раз получала от кино и театра удовольствие.

Одно время очень упали все гонорары. Буквально на днях мне позвонили из театра имени Марджанишвили, где она служила. Сказали, что набралась какая-то сумма: в последние два-три месяца жизни Софико не могла ходить в театр. И осталась задолженность театра, которую мне предложили забрать.

Не знаю, почему только спустя пять лет после ее ухода раздался этот звонок. Видимо, в театре должны были отчитаться. Я спросил — сколько там накопилось? Они ответили — 800 лари. У Софико 300 лари (чуть больше ста евро, — *прим. И.О.)* в театре была зарплата. Народная артистка не получала даже 200 долларов в месяц.

При том, что у нее была высшая ставка в кино, денег ни на что не хватало. Когда существовал Советский Союз, все работали: отец снимал, мама играла, дедушка что-то получал, бабушка тоже. В результате в семье скапливалась определенная сумма, не бедствовали. А вот потом стало непросто.

Такое наступило время. Мама понимала, что ею пользуются.

Иногда говорила — что за кошмар, какая маленькая зарплата, ни на что не хватает.

При этом мысли уехать в Москву никогда не возникало. Хотя ее звали, конечно. Но она не могла жить нигде, кроме Тбилиси. Она обожала этот дом, это место.

На все предложения отвечала: «Ради Бога, если предложите временную работу, то я готова приехать и отсняться. Но жить в Москве — никогда».

Бытовая жизнь протекала, наверное, как у многих. Бабушка часто что-то готовила. При том, что у нас всегда была помощница по дому. Но ее не беспокоили по вечерам, если что-нибудь было нужно, сами вставали к плите.

Мама тоже хорошо готовила. Она нечасто подходила к плите, но если это случалось, то выходили настоящие деликатесы.

Верико любила делать щи и омлет. До сих пор помню вкус ее омлета. И очень хорошо пекла мчади (лепешка из кукурузной муки, — *прим. И.О* .). Я такого мчади даже и не помню после этого.

Мама вообще все делала, любое блюдо умела приготовить. Застолья дома устраивали не каждый день, но довольно часто: приходили гости, дверь наша не закрывалась. А когда гости приходят, надо же им что-то предложить, угостить.

А кроме этого каждый месяц у нас дома отмечали премьеру — или фильма, или спектакля. В те времена собиралось огромное количество людей, даже больше, чем стены могли вместить.

Все, кто приезжал в Грузию, приходили к Верико, а потом и Софико. Кажется, однажды вся труппа МХАТа пожаловала. Святослава Рихтера помню, Мстислав Ростропович два раза был у нас.

Все, кто оказывался у нас в доме, не могли его не полюбить и не стать друзьями хозяев. Потому что чувствовали доброжелательное отношение — то, чего людям так часто не хватает.

На больших застольях Софико была тамадой. Видите, и этой профессией тоже овладела. Говорят, неплохо.

После успеха фильма «Наш двор» Софико дали самую высшую ставку — 500 рублей. Даже у великой Верико было меньше. Но никто не удивился: Софико была очень популярна. Фильмы с ее участием смотрели все, а тогда ведь был огромный рынок, весь Советский Союз!

Но она заработала нечто более ценное, чем деньги — имя. Софико Чиаурели была одна. В народе она была даже более

известна, чем ее мать, легендарная Верико.

Бабушка была все-таки актриса театра. Только когда снялась в фильме «Георгий Саакадзе», к ней пришла популярность. Письма ей отовсюду присылали, это было очень трогательно.

«Георгий Саакадзе» снимали во время войны. Стоял 1943 год. И в массовках участвовали люди, которые прямо со съемки уезжали на фронт. Многие из них не вернулись. Матери писали Верико благодарственные письма за то, что их дети остались на экране, а она сама стала символом всех матерей. Женщины признавались, что смотрят по многу раз этот фильм, чтобы снова и снова увидеть своих сыновей.

Потом уже Софико стала более популярна. После 70-х годов. Самый известный фильм с ее участием, наверное, — «Ищите женщину» Аллы Суриковой. С Леонидом Куравлевым у них очень удачный получился тандем.

Маме вообще везло на хороших режиссеров. Сергей Параджанов ее много снимал, он часто бывал у нас. Сережа вообще был как член семьи, всегда забегал на Пикрис-гору. И мы то и дело к нему ездили.

Когда я начал рисовать, он очень поддерживал меня. Обожал мои рисунки. Мы очень дружили. Получается, вначале была его дружба с родителями, а потом и я сам с ним сблизился. Много раз бывал у него дома на улице Месхи.

Мы говорили и на грузинском, и на русском. Он прекрасно знал грузинский, родился же в Тбилиси. Но чаще, конечно, по-русски общался.

Он очень хорошо ко мне относился. Все время в Армению упрашивал с ним поехать: «Поедем, посмотрим историю, памятники».

Он трепетно относился к Армении. Обожал родину своих предков. Потом, когда я мастерскую сделал в Дигоми, рисовал там, он приходил и говорил — к тебе сюда, если не бросишь рисовать, приедет весь мир.

И вот так странно совпало, что я стал последним, кто видел его в Париже в день, когда он навсегда закрыл глаза.

У меня в столице Франции проходила выставка. В это же время Сереже стало плохо, и его тоже повезли в Париж.

У меня дома на самом видном месте стоит фотография: на ней они с мамой репетируют, уже в больнице это было, здесь, в Тбилиси. Параджанов хотел сделать картину «Исповедь». Но в первый же день съемок ему стало плохо.

Его забрали в Ереван. Из Армении он звонил папе: «Георгий, приезжай и забери меня домой, я хочу умереть в Тбилиси. Кроме

тебя это никто не сможет сделать». Но отец не поехал, потому что поговорил с докторами и они сказали — мы его увозим в Париж, слишком серьезное положение. У него же был рак.

И эта его поездка на лечение во Францию совпала по времени с моей выставкой. Не забуду, как я пришел к нему в госпиталь в первый раз. Захожу в палату. На огромной стене установлен экран, рядом доктор со проектором. Сережа лежит, а на экране — слайды, на которых появляются мама, папа, мой брат Сандрик, еще какие-то люди. Это была съемка путешествия по Армении. Так Сергей просматривал свою жизнь.

Он с ума сошел от радости, когда я появился в дверях. Врач начал рассказывать, кто здесь был за это время — министр культуры Франции, Марина Влади… А Сережа так посмотрел на меня, что стало ясно: для него уже все кончено.

Через три дня я обещал еще раз навестить его. Пришел. Там уже какая-то суматоха была, доктора бегали. Я зашел, глянул на Сергея — такие испуганные глаза у него были. А вскоре он их вдруг закрыл. Я вышел из палаты, чтобы узнать, в чем дело. И доктор сказал мне, что, к сожалению, Параджанов впал в кому. Потом он уже в себя и не пришел, хотя еще дня три-четыре находился в госпитале. Так что фактически он умер в Париже. А затем его, подключенного к аппарату, доставили в Армению. И там уже наступил физический конец.

Очень жаль, что фильм «Исповедь» так и не состоялся. Софико должна была играть его мать. Наверняка получилась бы яркая работа.

У Софико и Параджанова были отношения, как у брата и сестры, и даже больше. Все друг про друга знали.

Сережа вообще очень открытый был, веселый, очень добродушный.

Сегодня его коллажи стоят баснословных денег. Многие пытаются на нем заработать. Я никогда об этом не думал, воспринимал его просто, как очень талантливого человека. А он и сам знал, что после смерти будет очень почитаем.

Вообще каждый человек знает свой потенциал, особенно художник. Не верьте, когда кто-то говорит, что не знает. Лучший себе судья — это сам человек. Если он не дурак, конечно.

Вам Софико все верно о своем рождении рассказала, я читал вашу статью.

На тот месте, где дед построил дом, раньше был лес. Сюда приезжали гулять тбилисцы. Город на этом месте заканчивался. Район называется Варазисхеви, это был уже пригород.

Миша и Верико где-то в лесу поцеловались, и буквально на

этом месте появился дом. Дедушка обещание сдержал. Оказался человеком слова.

Дед был хорошим режиссером, снимал исторические фильмы, в том числе и о Сталине. Когда я рос, уже все было известно об этом человеке. Но я никогда не говорил деду, даже в пылу юношеского максимализма, как он мог прославлять Сталина, мол, неужели, не понимал. Никогда. Я не считал себя в праве это делать, во-первых. А во-вторых, хорошо понимаю ту эпоху и тех людей искусства, которые жили и творили в то время.

Они верили. Это, конечно, было странно. Знали же про жертвы, про то, что вокруг происходит, про страх. Но при этом искренне верили.

А бабушка, наоборот, антисталинисткой была. Случались ли у них из-за этого с дедом какие-то стычки — неизвестно. При нас ничего такого не происходило. Хотя мама рассказывала — бывало. Она сама ненавидела и Сталина, и Берия.

У бабушки и дедушки было самое главное — любовь. И уважение к таланту друг друга.

Я читал их переписку. Миша ведь одно время работал в Москве.

О чем были письма? Военное время стояло, что тогда они могли написать? Самые простые вещи. Например: «Миша, пришли гречиху». Главным было — сохранить себя и детей. Чтобы выжить.

Бабушка писала деду, что Софико начала играть на рояле, хорошо учится, изучает английский язык.

А вот когда деда не стало, Верико начала писать ему совсем другие письма.

Она была закрытым человеком. Не выговаривалась с нами, а все свои переживания и мысли доверяла бумаге и писала, писала все время.

Не знаю, где эти письма, я должен найти. Мама говорила, что находила что-то, но многое уничтожила сама Верико…

А какое пронзительное письмо Верико написала Фаине Раневской. Как хорошо, что оно сохранилось.

Я, кстати, очень хорошо помню Раневскую. Бабушка всегда меня к ней водила, когда ездила на гастроли в Москву. Я обожал Фаину Георгиевну. В ее квартире бывал несколько раз. Маленький был, но она общалась со мной, как с равным, шутила, играла. Она вообще была потрясающе веселый человек.

Они с бабушкой дружили. Раневская с ума сходила по Верико, ценила ее, как драматическую актрису. Верико в Москве

всегда такое отношение встречала от великих театральных старух — Гоголевой, Яблочкиной, других легенд. Все к ней как к мэтру относились.

Не скажу, что Верико была очень верующим человеком. В храм не ходила. А дома иконы были, конечно.

Расскажу одну историю. Когда ее сын Рамаз, у него был рак, умер, бабушка вынесла все иконы из комнаты. Но она очень симпатизировала нашему Католикос-Патриарху Илие Второму. Он тогда был совсем молодой. Помню, как он приходил к бабушке. Беседовал с ней, хотел, чтобы она вновь уверовала.

И лет через 5–6 после смерти Рамаза иконы начали снова появляться в ее комнате. Уже незадолго до ее собственной смерти.

Илия Второй по-доброму вспоминает Верико. Когда со мной встречается, все время напоминает о бабушке. Он сам и отпевал ее. В том самом доме, что построил дед.

Нас с братом крестили, когда дедушка умер. По традиции, когда дома покойник, те, кто не крещен, должны креститься. В тот день забрали в церковь меня, брата и моего отца, который тоже был некрещеный.

И крестили всех троих в соборе Сиони. Крестной матерью Сандрика стала Нани Брегвадзе, отца крестил Авто Варази, знаменитый художник. (Авто сыграл роль Пиросмани в одноименном фильме Георгия Шенгелая, — *прим. И.О* .)

А меня крестил Ираклий Меладзе. Такой знаменитый боксер был, чемпион Советского Союза. Ираклий был очень близким другом отца.

У деда были большие похороны. Гроб выносили из Дома кино. Помню, полгорода его провожало в последний путь. Михаила Чиаурели очень любили, а его фильмы смотрят и сегодня, они поистине народные. Чего стоит одна только лента «Рац гинахавс вегар нахав» (в переводе с грузинского «Что раз увидел, больше не увидишь», — *прим. И.О* .)

Похоронили его на территории киностудии. Потом там планировали создать Пантеон выдающихся кинематографистов. Но со временем все изменилось, студию продали. И решили дедушку перезахоронить на Мтацминда, рядом с могилой бабушки.

Мама обожала море. Каждый год отдыхала в Кобулети. Потом уже купила для себя квартиру в Гонио, неподалеку от турецкой границы. Жилой дом стоит прямо на пляже. Там же квартира и у

Бубы Кикабидзе. Жаль только, что в той квартире она успела провести только одно лето.

Ее болезнь… Мама до конца ничего нам не говорила. Надеялась, что удастся справиться. А потом уже, наоборот, мы обо всем знали и не говорили ей.

Когда с человеком такое происходит, вполне естественно, что он никак не хочет поверить, что смерть может приблизиться так близко. Настолько сильное это чувство — жажда жизни. Вот она и боролась.

Так получилось, что в Тбилиси никто ей строго и прямо не объяснил всю серьезность ее болезни, не встретилось такого врача, который бы сразу сказал — нужна операция. А кто на операцию пойдет, если говорят, что еще можно подождать?

А потом уже оказалось поздно. Ей сделали операцию. Но…

Она думала, мы не знаем, что происходит. Но очень боролась. Даже не приняла Католикос-Патриарха. Святейший звонил, говорил, что хочет прийти, он знал, что ей остались считанные дни. Но она сказала: я не позволю себе, чтобы вы пришли, и я встретила вас не на ногах.

В конце, в пятницу это было, согласилась принять Святейшего в воскресенье. А в субботу она ушла.

И мне Католикос-Патриарх сказал, что она нарочно обманула: знала, что в субботу уйдет… Знала.

Когда счет пошел на дни, я спросил у докторов: сколько ей осталось? Они ответили — месяца два. Мама неделю не продержалась.

Мой маленький сын находился в Бакуриани. Я поехал за ним. И остался там на два дня. Вечером мне позвонила жена и сказала, что Софико стало хуже. Я тут же забрал сына и вернулся в Тбилиси.

Ночью, когда зашел домой, Софико произнесла: «Слава Богу, ты дома… я могу свободно уйти. Я ждала тебя». Закрыла глаза и уснула. Под утро ее не стало.

Она была счастливым человеком. Во-первых, родилась в счастливой семье. Замечательные родители у нее были. Во-вторых, и это главное для человека — использовала свой талант до конца. Сумела себя реализовать.

Для человека это огромное счастье. Все мы смертны, у всех свое время, главное — использовать его.

Мама всегда об этом говорила, это было ее наставление. Она повторяла: «Никуша, у тебя есть определенный талант, используй его. Верни Господу то, что он тебе дал. Не трать попусту время».

А я много времени потерял. И она всегда переживала из-за

этого.

Сейчас тоже трачу, наверное, но не так безрассудно, как прежде. Думаю, что мое призвание — это рисование, живопись. И я больше времени должен посвящать этому.

Подводя итог, хочу сказать: нельзя заставить полюбить человека. Это невозможно. А Софико любят, и это чувство искреннее.

Ее уже больше пяти лет нет с нами. А ее не забывают.

Самое дорогое выявляется в отношении простых людей: продавщиц, цветочниц, стоянщиков. Я захожу в магазин, и женщина за прилавком при виде меня начинает плакать. И она ведь не играет. Разве это не чудо?

Зритель чувствует личность. Софико тоже была простым человеком, горой стояла за сотни людей, порою почти незнакомых. Ко мне не раз потом подходили со словами: «Твоя мама спасла мне сына, твоя мама сделала мне квартиру».

Она была таким человеком, что никогда не ленилась помочь. Пришел бы дворник со своей проблемой, Софико оделась, пошла вместе с ним и добилась всего для этого человека.

Маму воспринимали как защитницу.

После ее ухода незнакомые люди говорили мне: «Не только ты потерял маму, она была и наша мать».

Она и сейчас за нашей спиной. Когда я что-то делаю, то равняюсь на нее и стараюсь не опозорить ее имя. Для меня это очень важно.